



Общество  
«Знание»  
России

---

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО КАВКАЗОВЕДОВ

---

*К пятилетию создания  
Научного общества кавказоведов*

# РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА НА ЮГЕ РОССИИ: АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

**Международная конференция**  
Москва, Президент-отель, 8 июня 2015 г.

Москва  
2015

**Религия и политика на юге России: аспекты взаимодействия.** (Международная конференция, г. Москва, Президент-отель, 8 июня 2015 г.) – М.: Научное общество кавказоведов, ИП Лобанов В.И., Книжный мир, 2015. – 320 с.

**ISBN**

В сборнике публикуются материалы Международной конференции «Религия и политика на юге России: аспекты взаимодействия» (г. Москва, Президент-отель, 8 июня 2015 г.).

**Редакционная коллегия:**

*Крылов А.Б.* (главный редактор),  
*Арешев А.Г., Скаков А.Ю., Накопия Б.Т.,*  
*Соловьева Г.А.* (технический редактор)

*Конференция проводилась в рамках проекта Научного общества кавказоведов «Этнокультурное разнообразие России как фактор формирования общегражданской идентичности». При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России.*

**ISBN**

© Авторский коллектив,	2015
© Научное общество кавказоведов	2015
© ИП Лобанов В.И.,	2015
© Книжный мир,	2015

# ОГЛАВЛЕНИЕ

## **ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ. ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА**

<i>Крылов А.Б.</i> .....	7
<i>Эркенов А.Ч.</i> .....	10
<i>Чуфрин Г.И.</i> .....	12
<i>Крылов А.Б.</i> Научное общество кавказоведов в 2010-2015 гг. ....	14
<i>Брод А.С.</i> Северный Кавказ глазами правозащитника .....	29

## **Секция 1. РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА НА ЮГЕ РОССИИ: РОЛЬ ГОСУДАРСТВА**

<i>Сафрастян Р.А.</i> Россия и армяне Кавказа и Ближнего Востока: вопросы геостратегии .....	49
<i>Арутюнян В.В.</i> Деятельность патриотических сил Армении в современном глобальном и региональном контексте .....	57

<i>Мальшева Д.Б.</i> Турция и Иран в южном пограничье России: проблемы взаимовлияния .....	61
<i>Ярлыкапов А.А.</i> «Исламское государство» (ИГ): вызовы для Юга России .....	78
<i>Куртов А.А.</i> ЦАР в южном пограничье России: проблемы взаимовлияния .....	98
<i>Скаков А.Ю.</i> Религия и политика на Юге России: взаимодействие, симбиоз, противоречия? .....	110
<i>Крылов А.Б.</i> Религия и политика в Абхазии: некоторые аспекты взаимодействия .....	121
<i>Трапиш Н.А.</i> Ислам на Юге России и в постсоветской Абхазии: традиционные проблемы и новые возможности .....	126
<i>Добаев И.П.</i> Противодействие современному терроризму в идеологической сфере: зарубежный опыт .....	134
<i>Муртазин М.Ф.</i> Особенности взаимоотношений государственных органов и мусульманских религиозных организаций на Северном Кавказе и в других регионах России .....	144
<i>Собянин А.Д.</i> Транспортно-инфраструктурное развитие Кавказского и Среднеазиатского регионов: роль этнорелигиозных факторов .....	165

**Секция 2.**  
**РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА НА ЮГЕ РОССИИ:  
ПРОБЛЕМЫ НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ВОСПИТАНИЯ  
И ТОЛЕРАНТНОСТИ**

*Черноус В.В.*

Этноконфессиональные аспекты формирования  
общероссийской идентичности  
на Северном Кавказе .....171

*Скаков А.Ю.*

Циркумпонтийская зона как пространство  
взаимодействия культур: Крым .....181

*Авидзба В.Ш.*

Религия и политика  
в исследованиях абхазских ученых ..... 192

*Арешев А.Г.*

Российско-армянские культурно-исторические  
связи: эволюция и трансформации ..... 203

*Навоян Ю.Л.*

Русско-Армянское содружество:  
итоги и перспективы ..... 218

*Цинкер А.Б.*

Евреи Кавказа: самоизоляция  
или интеграция? ..... 225

*Колесникова М.Е.*

«Восстановление христианства»  
как направление миссионерской деятельности  
Русской православной церкви  
на Северном Кавказе во второй половине XVIII –  
начале XX вв.: к историографии вопроса ..... 232

<i>Муханов В.М.</i> К вопросу об истории создания православного общества на Кавказе в XIX в. ....	247
<i>Крючков И.В.</i> Гражданско-патриотическое воспитание и религиозная терпимость в Северо-Кавказском федеральном университете ...	274
<i>Кочуков С.К.</i> Синтез этнокультур в истории южного российского порубежья в XVII веке (на примере Тамбовщины) .....	284
<i>Арешев А.Г.</i> Деятельность сайта <a href="http://kavkazoved.info">kavkazoved.info</a> в контексте современного информационного поля .....	306
Сведения об авторах .....	315

## **Пленарное заседание. Приветственные слова**

### **А.Б. Крылов (Москва)**

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Это 14-я по счету конференция Научного общества кавказоведов, она приурочена к пятилетию его создания. Мы проводили конференции в разных странах, но логично, что «завершаем пятилетку» именно в столице нашей Родины – Москве. В нынешней конференции участвуют те, кто принимал участие в проекте с самого его начала и те, кто присоединился к нему позднее. Большинство участников принимало активное участие во многих наших мероприятиях.

В проведенных конференциях и круглых столах Научного общества кавказоведов принимали участие представители многих стран. Не могу не вспомнить об азербайджанском участнике нашей конференции во Владикавказе в 2011 г. Рауфе Миркадырове, с которым мы сотрудничали много лет. В апреле 2014 г. он был арестован и с тех пор находится в заключении. Не знаю, какие политические игры кроются за этим. Очевидно, что только суд может выносить приговор по судебным делам. Однако на этой конференции

я считаю своим долгом выразить солидарность с Рауфом Миркадыровым и другими нашими азербайджанскими коллегами. Все они являются далеко не молодыми и не отличающимися крепким здоровьем людьми. Очевидно, что не они самые опасные враги азербайджанского правительства и не они представляют собой самую большую проблему для Азербайджана. В последнее время раздается много обращений к властям Азербайджана с призывом проявить гуманное отношение к группе арестованных ученых, журналистов и представителей НПО. Мы можем только присоединиться к этим призывам и выразить надежду, что азербайджанские власти найдут возможность проявить гуманизм и наши коллеги в итоге окажутся на свободе.

Тематика конференций Научного общества кавказоведов постоянно менялась под влиянием тех процессов, которые происходили на Кавказе и в мире. Многие актуальные пять лет назад темы более никого не интересуют, теперь в политической повестке совсем другие темы, которые приобрели глобальный и острый характер.

Наши первые конференции были посвящены анализу результатов двадцатилетнего постсоветского развития Кавказа, достижений в построении избранной государствами региона западной модели демократии, а также тех проблем, которые осложняли процесс модернизации и успешного социально-экономического развития. Довольно долго наиболее успешным примером демократизации и модернизации на Кавказе представлялась Грузия, примеру которой предлагалось следовать всем странам, которые продолжали оставаться в «серой зоне» и «евразийском болоте». Теперь очевидно, что не только Грузия,

но и сам Евросоюз оказались куда дальше от «европейского рая», чем они были 20 лет назад. С другой стороны, Россия возвратила себе роль одного из основных мировых игроков, а «евразийское болото» оказалось куда более жизнеспособным, чем раньше полагали многие. Вокруг России развивается новый интеграционный проект Евразийского экономического союза, который имеет тенденцию к расширению на восток и юг от прежних советских границ.

Только будущее покажет, насколько жизнеспособными окажутся европейский и евразийский проекты, особенно на фоне нового «южного фактора», которого еще недавно не существовало. В настоящее время важнейшим фактором международной политики стали Исламское государство (ИГ) и другие радикальные исламские организации, поставившие своей целью создание Всемирного халифата. Контролируемые ими территории постоянно расширяются во всех направлениях, в том числе, на Кавказ и в Центральную Азию. Именно это побудило нас провести очередную конференцию Научного общества кавказоведов на тему «Религия и политика на Юге России: аспекты взаимодействия».

Результаты пятилетней деятельности Научного общества кавказоведов наглядно видны на страницах нашего сайта [www.kavkazoved.info](http://www.kavkazoved.info), они представлены на нашей конференции в виде различных печатных изданий, с которыми можно было ознакомиться при регистрации. Особо хотелось бы выделить три последних по времени издания. Два из них стали результатом нашего тесного сотрудничества с Северо-Кавказским федеральным университетом: это сборники материалов конференций «Кавказ в годы Пер-

вой мировой войны», которая состоялась в ноябре 2014 г. в г. Пятигорске и конференции «Историко-культурное наследие Юга России», проведенной в феврале 2015 г. в г. Ставрополе.

Третья книга, которую мне хотелось бы особо отметить, была издана благодаря нашему партнерству с организацией Русско-Армянское содружество, она рассказывает об участии сибирских стрелковых полков в Первой мировой войне. Книга представляет собой своеобразную «полковую энциклопедию», которая дает возможность день за днем пройти всю эту войну и посмотреть на нее глазами ее участников. В сибирских полках служило много выходцев с Кавказа, книга возвращает из небытия многие имена офицеров и солдат, которые были незаслуженно забыты их потомками.

Подводя итоги нашей деятельности за пять лет мы не можем не думать о будущем. Надеемся в ходе нынешней конференции и после нее получить от наших коллег предложения по путям совершенствования нашей работы и по определению дальнейших направлений деятельности НОК. Благодарю всех за участие в конференции, надеюсь, что она будет полезной и плодотворной.

### **А.Ч. Эркенов (Москва)**

Прежде всего, хочу поблагодарить руководителя Научного общества кавказоведов и инициатора проведения конференции А.Б. Крылова, пожелать её участникам успешной творческой работы.

Проблемы, становящиеся сейчас серьезными и актуальными, возникли не сегодня. В истории любых этносов и наций можно найти различные страницы, задача исторической науки в этой связи — находить черты и тенденции, способствующие сплочению народов. Эта задача стоит перед исследователями, специалистами, экспертами, и она облегчается тем, что у руководства нашей страны, у её Президента, есть соответствующая политическая воля. В настоящее время любые исследовательские работы по тематике межнациональных отношений следует считать приоритетными.

Сейчас мир быстро меняется, границы стираются, создаются транснациональные религиозные течения, отрицающие иные конфессии. Происходит интернационализация религиозного фактора. Идут серьезные и угрожающие процессы на Ближнем Востоке, в них втягиваются представители Российской Федерации.

И очень важно, что именно в такое время проводится столь представительная конференция под названием «Религия и политика на Юге России: аспекты взаимодействия». Результаты таких конференций должны быть доведены не только до заинтересованных ведомств, но и до субъектов Российской Федерации. Отмечу, что в Государственной Думе многое делается для поддержания межнационального мира в стране. К примеру, завтра начинаются Дни культуры Ингушетии, посвященные юбилею присоединения республики к России. Еще раз желаю успеха участникам этой важной конференции.

**Г.И. Чуфрин (Москва)**

**О роли общего цивилизационного наследия в общественном развитии постсоветских государств**

Открывающаяся сегодня конференция «Религия и политика на Юге России» – еще одно важное событие в активизировавшейся за последнее время и принявшей системный характер исследовательской работе в научных и научно-практических организациях и объединениях по изучению исторических, культурных, межэтнических, языковых, семейно-родственных и иных общих цивилизационных связей между народами, проживающими на территории России и ее ближайших соседей из стран «ближнего зарубежья», связей, которые складывались многими десятилетиями и даже веками, и которые не могли бесследно исчезнуть с распадом Советского Союза и образованием новых независимых государств на месте бывших советских республик.

Нет поэтому необходимости доказывать огромную важность, которую представляет глубокое и по настоящему научное изучение этого бесценного исторического и культурного наследия, равно как и всего многообразия современных политических и экономических факторов, которые могут и должны способствовать его сохранению и упрочению.

Было бы глубоким заблуждением вместе с тем воспринимать роль цивилизационного наследия только в историко-культурном отношении. На самом деле его значение гораздо шире и, по существу, определяет современное состояние и дальнейшее развитие

всего многообразия межнациональных и межгосударственных связей на постсоветском пространстве.

В частности, как известно, с 1 января этого года на постсоветском пространстве начал свою деятельность Евразийский экономический союз, крупнейшее интеграционное объединение, в состав которого вместе с Россией уже вошли также Армения и Белоруссия, Казахстан и Киргизия. Задачи этого объединения официально заявлены как сугубо экономические, но успеху их выполнения, несомненно, должен и будет способствовать весь комплекс тех цивилизационных связей, о которых было сказано ранее. Их роль и значение в укреплении духа межнационального сотрудничества и плодотворного взаимодействия новых суверенных государств Евразии трудно переоценить. Более того, их игнорирование или недостаточное к ним внимание могут поставить под угрозу успешное достижение и сугубо хозяйственных ориентиров совместного развития.

Призывая не забывать наше общее цивилизационное наследие, беречь его и опираться на него при решении общих задач современного политического и экономического развития наших стран, необходимо в то же время ясно видеть и активно противодействовать стремлению определенных внутренних и внешних сил провоцировать межэтнические и межрелигиозные конфликты, поощрять экстремистские настроения и радикальные движения в обществе, создавая тем самым серьезные угрозы и вызовы безопасности народам наших стран.

При этом наряду с ранее существовавшими угрозами подобного рода серьезные и явно растущие проблемы связаны с беспрецедентной активизацией в последнее время деятельности ИГ («Исламского государства») на Ближнем и Среднем Востоке и его не-

скрываемым стремлением распространить свое влияние на постсоветское пространство, в частности, на территорию Кавказа и Центральной Азии.

Особого внимания в этой связи заслуживает поэтому изучение взаимодействия религии и политики на Кавказе и в других регионах Юга России, а также влияние этих процессов на ход и перспективы общественно-политического развития наших друзей, союзников и соседей, чему, собственно, и посвящена сегодняшняя конференция.

В заключение разрешите пожелать всем участникам сегодняшней конференции плодотворной работы и успехов, причем не только в получении сугубо научно значимых результатов, но и в выработке рекомендаций практического характера по решению существующих и грядущих проблем и вызовов.

**Крылов А.Б. (Москва)**

**Научное общество кавказоведов  
в 2010-2015 гг.**

В 2015 году Научному обществу кавказоведов (НОК) исполняется пять лет. Решение о создании НОК было принято 4 октября 2010 г. на Учредительной конференции в г. Сухум (Абхазия), на которой был одобрен проект образования Научного общества кавказоведов (НОК) с целью содействия всестороннему изучению Кавказа в его тесной взаимосвязи с общемировым развитием, проведения в жизнь политики мира и дружбы народов, взаимопонимания, сотрудничества.

Обсуждение представленного проекта было достаточно бурным, в ходе дискуссии ряд абхазских ученых высказался по отношению к нему весьма критически. Думаю, что пятилетняя деятельность НОК со всей очевидностью показывает, что высказывавшиеся тогда страхи и опасения имели необоснованный и надуманный характер. Хочу выразить признательность тем ученым, которые пять лет назад одобрили проект создания НОК и выразить глубочайшую благодарность директору Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия Василию Шамониевичу Авидзба, благодаря поддержке которого стало возможным осуществление многих наших проектов.

6 декабря 2010 г. Министерство юстиции РФ зарегистрировало НОК как общественное, некоммерческое, независимое, добровольное объединение ученых, специализирующихся на изучении Кавказа и приграничных с ним регионов. Согласно Уставу НОК, основными целями общества являются объединение ученых-кавказоведов для обмена опытом и решения актуальных проблем, содействие изучению Кавказа в его тесной взаимосвязи с общемировым развитием, популяризация научных знаний и достижений современного кавказоведения.

Важнейшим направлением деятельности НОК является проведение научных конференций, семинаров и круглых столов. Нынешняя конференция является 14-м по счету мероприятием НОК и для нас особенно отраднo, что она впервые проводится в столице Российской Федерации. До этого конференции НОК проводились в Сухуме (четыре раза), Ереване (четыре раза), по одному разу в Ростове-на-Дону, Ставрополе, Париже и Пятигорске. Одна из конференций состояла из двух частей, первая из них была проведена во Владикавказе, вторая – в Цхинвале.

Наряду с российскими учеными в них принимали участие представители Абхазии, Азербайджана, Армении, Великобритании, Германии, Грузии, Ирана, Польши, Сирии, США, Турции, Украины, Франции и Южной Осетии. В нашей нынешней конференции впервые принимает участие представитель Израиля – директор Института стран Восточной Европы и СНГ, депутат Кнессета XV созыва, основатель и первый руководитель межпарламентской группы дружбы Израиль-Армения, коренной ереванец Александр Борисович Цинкер.

Партнерами НОК в проведении конференций выступали Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, Институт Кавказа (Ереван), Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З.Н. Ванеева, Южный Федеральный Университет (Ростов-на-Дону), Парижская Академия геополитики, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Институт демократии и сотрудничества (Париж), Северо-Кавказский Федеральный Университет, Пятигорский государственный лингвистический университет, партия «Национальное возрождение» (Армения), Фонд «Нораванк» (Армения) и ряд других организаций.

За пять лет были проведены следующие конференции, семинары и круглые столы:

1. Учредительная конференция НОК. Сухум, 3-4 октября 2010 г.
2. Международная конференция «Проблемы Кавказа и современного кавказоведения». Ереван, 22-23 февраля 2011 г.

3. Международная конференция «Проблемы Кавказа и современного кавказоведения. Роль внешних и внутренних факторов в развитии региона». Владикавказ – Цхинвал, 30 июня – 1 июля 2011 г.
4. Научный семинар «Западный Кавказ между прошлым и будущим». Сухум, 28-29 ноября 2012 г.
5. Международная конференция «Западный Кавказ: современные проблемы». Ростов-на-Дону, 18-19 марта 2013 г.
6. Международная конференция «Геополитика Кавказа». Париж, 23 сентября 2013 г.
7. Международный круглый стол «Кавказ: итоги 2013 года». Сухум, 20 ноября 2013 г.
8. Международный круглый стол «200-летие Гюлистанского договора и интеграционные процессы на Кавказе». Ереван, 16 декабря 2013 г.
9. Международный научный семинар «Религиозная ситуация на Южном Кавказе и ее влияние на политические процессы». Сухум, 10 апреля 2014 г.
10. Международный круглый стол «Евразийская интеграция: проблемы и потенциал развития». Ереван, 29 сентября 2014 г.
11. Международная научно-практическая конференция «Кавказ в годы Первой мировой войны». Пятигорск, ПГЛУ, 28-30 ноября 2014 г.
12. Научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие Юга России». Ставрополь, СКФУ, 9 февраля 2015 г.
13. Российско-Армянский круглый стол «Армения в контексте евразийской интеграции». Ереван, Фонд «Нораванк», 29 мая 2015 г.

14. Международная конференция «Религия и политика на Юге России: аспекты взаимодействия». Москва, Президент-отель, 8 июня 2015 г.

Материалы конференций Научного общества кавказоведов публиковались в различных периодических изданиях, на сайте НОК и на других интернет-ресурсах, подробная информация о них содержалась в специальном сборнике, изданном к 3-летию существования НОК. За пять лет НОК в сотрудничестве с нашими партнерами были изданы следующие сборники материалов проведенных конференций и семинаров:

1. Актуальные проблемы современного кавказоведения // Кавказ: 20 лет спустя. Владикавказ, Научное общество кавказоведов, СОИГСИ, 2011.
2. Материалы Научного семинара «Западный Кавказ между прошлым и будущим» (Сухум, 28-29 ноября 2012). М., Научное общество кавказоведов, 2013.
3. Западный Кавказ: современные проблемы (Ростов-на-Дону, 18-19 марта 2013 г.). Материалы Международной научной конференции. М., Научное общество кавказоведов, 2013.
4. К трехлетию создания Научного общества кавказоведов: конференции, семинары, круглые столы 2010-2013 гг. М., Научное общество кавказоведов, 2014.
5. Историко-культурное наследие Юга России. Научно-практическая конференция. г. Ставрополь, 9 февраля 2015 г. М., Научное общество кавказоведов, 2015.

Все эти издания представлены на нашей нынешней конференции. Мы надеемся, что в рамках гранта Российского общества «Знание» нам удастся достойным образом издать материалы и нашей московской конференции «Религия и политика на Юге России: аспекты взаимодействия».

На нашей конференции представляется еще одно издание, которое стало результатом сотрудничества НОК с научными центрами Юга России. В Ставрополе был опубликован сборник материалов Международной научно-практической конференции «Кавказ в годы Первой мировой войны», которая состоялась 28-30 ноября 2014 г. в г. Пятигорске. Ее организаторами выступили Северо-Кавказский федеральный университет, Пятигорский государственный лингвистический университет и Научное общество кавказоведов при поддержке Комитета Ставропольского края по делам национальностей. В конференции приняло участие более 60 ученых из Абхазии, Азербайджана, Армении и ведущих научных центров Москвы, Ставрополя, Пятигорска, Ростова на Дону, Нальчика и Красноярска.

В 2014 г. Научное общество кавказоведов провело цикл мероприятий, посвященных 100-летию начала Первой мировой войны. Его завершением стало издание монографии А.Б. Крылова «29-й и 67-й Сибирские стрелковые полки на Германском фронте 1914-1918 гг. (по архивным документам)» – М: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2014. – 784 с. Книга призвана осветить события на Германском фронте таким образом, чтобы дать читателю возможность пройти всю «забытую» в России войну вместе с сибирскими стрелками и посмотреть на нее их глазами.

Издание содержит многие ранее неизвестные сведения о «кавказском факторе» на Германском фрон-

те. Фамилии уроженцев Кавказа постоянно встречаются в различных документах. К примеру, летом 1915 г. в одном из полковых приказов были перечислены нижние чины из команды безоружных: Адам Папуашвили, Василий Хинчагошвили, Аршивик Чинигарьянц, Григорий Тер-Григорьянц, Порфирий Дживорадзе, Алексей Курдальдзе, Галди Киносянц, Иван Акроминадзе, Иван Небадзи, Сергей Хмаладзе, Тимофей Зиргинидзе, Ирадион Зиргинидзе. Все они были отправлены на пополнение рот, понесших большие потери на передовой.

Документы позволяют довольно подробно проследить судьбу многих офицеров с Кавказа, этой теме был посвящен специальный доклад на конференции в Пятигорске<sup>1</sup>. Куда меньше сведений о нижних чинах, их фамилии в большинстве случаев перечислялись в различных списках: прибывших в полки пополнений, награжденных, раненых, убитых, без вести пропавших, отпускников и т.п. Найти сведения о дальнейшей судьбе значившихся в списках нижних чинов позволяет только кропотливая работа в военных архивах, в ходе которой можно отыскать какие-то биографические подробности о рядовых и унтер-офицерах. Из упомянутого ранее списка команды безоружных в более поздних документах встречаются лишь две грузинские фамилии. Переведенные на передовую П. Зидгинидзе и Т. Зидгинидзе самовольно отлучились от своей роты, было приказано полагать их в бегах и исключить со всех видов довольствия<sup>2</sup>.

---

1. Крылов А.Б. Кавказский компонент в сибирских стрелковых полках на Германском фронте (на примере 29-го и 67-го сибирских стрелковых полков) // Боевое братство и национальное единство народов Северного Кавказа в годы Первой мировой войны. Материалы Международной научной конференции (Пятигорск, 28-30 ноября 2014 г.). Ставрополь. 2015. С. 17-27.

2. Крылов А.Б. 29-й и 67-й Сибирские стрелковые полки на Германском фронте 1914-1918 гг. (по архивным документам). М: БИБЛИО-ГЛОБУС. 2014. С. 275-276.

В апреле следующего года в приказе вновь указана та же грузинская фамилия: «в изменение приказа по полку 1915 г. № 193 стрелка 6 роты Илариона Зедганидзе<sup>3</sup> считать не без вести пропавшим, а раненым и эвакуированным с того же числа»<sup>4</sup>.

В отличие от приказов по строевой, хозяйственной и судной части, в полковые журналы военных действий фамилии отдельных офицеров попадали редко, в основном это делалось при перечислении проявивших особые отличия, убитых, раненых или пропавших без вести в боях. Фамилии нижних чинов встречаются еще реже, в одном из таких случаев был упомянут отличившийся в бою уроженец Кавказа Анет Аваков<sup>5</sup>. В журнале военных действий 29-го Сибирского стрелкового полка с 1 сентября по 30 октября 1916 г. записано: «В ночь с 2 на 3 октября была организована разведка ... Дозор наткнулся на немцев, засевших в кустах. Со стороны немцев была брошена бомба, попавшая в плечо одному из разведчиков, но к счастью не разорвавшаяся (стрелок Шпага). Тогда другой стрелок Аваков первый бросился на первого попавшегося немца и заколол его. Его примеру последовали другие, таким образом, завязалась рукопашная схватка и выстрелы. Немцы, несмотря на свой численный перевес, бросились бежать врассыпную, оставив на месте убитыми четыре человека.

Скорым осмотром местности удалось наткнуться на труп убитого обер-лейтенанта, который разведчики принесли в свои окопы. Он был убит двумя шты-

---

3. В приказах фамилии и имена часто искажались (в том числе и русские), очевидно, что в данном случае речь шла об одном и том же солдате – Ирадионе (Иларионе) Зедганидзе (Зидгинидзе).

4. Крылов А.Б. 29-й и 67-й Сибирские стрелковые полки на Германском фронте 1914-1918 гг. (по архивным документам). М: БИБЛИО-ГЛОБУС. 2014. С. 406.

5. Весьма вероятно, что на самом деле имя Анет является искаженным армянским именем Авет.

ковыми ранами в живот и шею. Этот обер-лейтенант утром 3 октября был похоронен с отданием воинских почестей на кладбище у ф. Нерашево полковым священником<sup>6</sup>.

В приказе по 3-му Сибирскому армейскому корпусу от 4 октября была помещена телеграмма, полученная от командующего армией следующего содержания: «Спасибо молодцам разведчикам 29-го Сибирского стрелкового полка и толковую разведку в ночь с 2 на 3 октября. Назначаю им в награду 40 рублей. 1636. Рагоза»<sup>7</sup>.

Отличившиеся стрелки были произведены в ефрейторы, после этого приказом по корпусу ефрейторы 13 роты Анет Аваков и Григорий Меркушанов за разведку в ночь с 2 на 3 октября между р.р. Невдой и Сервечь награждены Георгиевскими крестами 4 ст. первый № 341303 и второй № 682985. Ефрейторы Михаил Кузьменко, Егор Зинин, Архип Шпага и Степан Амельченко награждены Георгиевскими медалями 4 ст.<sup>8</sup>

Как показывают архивные документы, во время Первой мировой войны народы Кавказа принимали активное участие в военных действиях в составе разных частей и соединений российской армии на Кавказском и на Германском фронте. Это свидетельствует о том, что кавказский социум был глубоко интегрирован в российское общество, ощущал себя его неотъемлемой частью, народы Кавказа рассматривали Россию как общую Родину, их представители были готовы жертвовать жизнью ради ее защиты.

Издание монографии о сибирских стрелковых полках на Германском фронте было осуществлено

---

6. Крылов А.Б. 29-й и 67-й Сибирские стрелковые полки на Германском фронте 1914-1918 гг. (по архивным документам). М: БИБЛИО-ГЛОБУС. 2014. С. 328-329.

7. Там же, с. 457.

8. Там же, с. 460-461.

совместными усилиями Научного общества кавказоведов и организации Русско-Армянское содружество во главе с Юрием Людвиговичем Навояном. Пользуясь случаем, хочу выразить ему глубочайшую признательность за помощь в издании книги и за активную поддержку НОК с момента его основания. Мы планируем и в дальнейшем продолжать изучение и популяризацию темы Первой мировой войны, включая ее «кавказскую составляющую», с использованием накопленного опыта сотрудничества с нашими коллегами и партнерами.

На протяжении пяти лет в конференциях НОК принимали участие ученые и эксперты из разных стран. Их дальнейшая судьба сложилась по-разному и в этом наглядно проявляются особенности современной ситуации на Кавказе. В 2011 г. в конференции НОК во Владикавказе участвовали представители Грузии и Азербайджана, в то время видные общественные деятели и эксперты. После смены власти в Тбилиси грузинские участники нашей конференции заняли высокие посты: Паата Закареишвили ныне является госминистром по делам примирения и гражданского равноправия, Ивлиан Хаиндрава – заместителем секретаря Совета национальной безопасности Грузии. Судьба азербайджанского участника той же конференции Рауфа Миркадырова оказалась совсем другой: он был арестован в апреле 2014 г. и до сих пор в ожидании суда продолжает оставаться в заключении вместе с другими нашими азербайджанскими коллегами.

Многие международные организации, политические и общественные деятели, включая специального докладчика ООН по вопросу о положении правозащитников Мишеля Форста, призывали освободить арестованных экспертов и представителей оппози-

ции в преддверии стартующих 12 июня 2015 г. первых Европейских игр в Баку. Надеюсь, что эти призывы будут услышаны и наши коллеги окажутся на свободе.

В текущем 2015 году НОК удалось провести две конференции в рамках поддержанного российским обществом «Знание» проекта «Этнокультурное разнообразие России как фактор формирования общегражданской идентичности». Они прошли в Ставрополе и Москве. Получила свое продолжение и тема евразийской интеграции, которая уже обсуждалась в ходе нескольких предыдущих мероприятий НОК. 29 мая 2015 г., в день 1-й годовщины подписания договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Научное общество кавказоведов совместно с партией «Национальное возрождение» и Фондом «Нораванк» провели Российско-Армянский круглый стол «Армения в контексте евразийской интеграции». В его ходе состоялся откровенный обмен мнениями по поводу международной ситуации, наиболее актуальных проблем евразийского интеграционного проекта и определения будущих перспектив двусторонних отношений.

Как подчеркивалось в ходе круглого стола в Ереване, не Россия является инициатором нынешней конфронтации с коллективным Западом, ее позиция продолжает состоять в том, что российский вектор в армянской политике и внутривнутриполитической жизни может не противоречить американскому и европейскому вектору. Итоги последнего Рижского саммита «Восточного партнерства» свидетельствуют, что европейские лидеры начинают осознавать, что ранее отвергавшийся ими принцип «и – и», которому следовали Армения и Россия, для самого ЕС более

продуктивен, чем жёсткое противопоставление ЕС и России, ЕС и ЕАЭС.

Участники круглого стола констатировали, что ЕАЭС превращается в один из полюсов формирующегося многополярного мира и это оказывает влияние на перспективы развития ситуации на Южном Кавказе, где ЕАЭС играет все более важную роль. Было подчеркнуто, что в контексте проводимой в Армении конституционной реформы необходима объективная оценка перспектив консолидации радикальной оппозиции «майданного» толка и тех политических сил в Армении, которые занимают противоположную позицию и ориентированы на развитие связей с Россией.

Глава партии «Национальное возрождение» В. Арутюнян в своем выступлении на круглом столе подчеркнул значение проекта ЕАЭС для будущего Армении: «Мы союзники, и наша задача укреплять друг друга. В экономической области главный вызов – это навязанная нам экономическая модель, в рамках которой Армения стала «обслуживающим государством», сырьевым придатком Европы. Только вступление в ЕАЭС даст реальную возможность для решения проблем, так как это обеспечит независимый бюджет и экономический суверенитет».

Работа круглого стола показала, что среди конструктивно настроенной по отношению к России части армянского экспертного сообщества преобладают позитивные ожидания от евразийской интеграции. Имеется уверенность в том, что решение о вступлении в ЕАЭС было продиктовано национальными интересами Армении. Определенные надежды возлагаются и на продолжение Арменией политики многовекторности, на ее превращение в «мост» или в посредника между ЕАЭС и ЕС.

В ходе круглого стола прозвучали различные оценки перспектив конституционной реформы в Армении: часть армянских экспертов считает ее полезной, другие указывают на опасность вызванной реформой «перманентной политической нестабильности», так как в Армении до сих пор не сложилось устойчивой многопартийной системы.

Среди армянских участников круглого стола в целом преобладало критическое отношение к действующей власти, но признавалось наличие в правящей РПА здорового национально-консервативного крыла при высокой степени ее разнородности в целом. Подчеркивалось, что большинство населения настроено отчужденно по отношению ко всем нынешним партиям, что в обществе есть большой запрос на оппозиционную или альтернативную РПА политическую силу, на новую «свежую кровь». По мнению участников круглого стола, сейчас в Армении национально-патриотические силы являются одновременно и про-российскими.

В ходе круглого стола в Ереване были обсуждены перспективы формирования в Армении политического блока патриотических сил евразийской ориентации. Данная проблема приобретает особую актуальность ввиду процесса консолидации сторонников европейского выбора для Армении, прежде всего той их части, которая не исключает насильственных методов политической борьбы по «майданному» сценарию, выступает против российско-армянского сотрудничества и членства Армении в ЕАЭС. Состоявшаяся на круглом столе дискуссия позволила сделать вывод, что в Армении есть силы, способные выступить инициаторами создания нового политического объединения сторонников евразийской ориентации.

Важнейшим направлением деятельности Научного общества кавказоведов является работа специализированного сайта WWW.KAVKAZOVED.INFO. Этой теме будет посвящен специальный доклад главного редактора сайта НОК Андрея Григорьевича Арешева, однако и мне хотелось бы сказать об этом несколько слов. На сайте НОК уже в течение пяти лет освещаются историческое прошлое и современные проблемы Кавказа. Благодаря плодотворной деятельности А.Г. Арешева сформировался устойчивый круг постоянных авторов из России, Армении, Азербайджана, Грузии и других государств. При этом авторский и экспертный коллектив сайта постоянно расширяется за счет новых авторов, интенсивно развиваются партнёрские и информационные связи со специализированными Интернет-ресурсами, новостными агентствами России и государств Южного Кавказа.

Материалы нашего сайта регулярно перепечатываются изданиями России и государств Южного Кавказа, а также получают распространение через социальные сети (Facebook и др.). О востребованности и популярности сайта WWW.KAVKAZOVED.INFO наглядно свидетельствуют показатели его посещаемости, которые постоянно растут. В настоящее время среднесуточный показатель посещаемости сайта составляет более 2 тысяч, а максимальный рекорд посещаемости был зафиксирован 19 января 2015 г. — 7,756 посетителей. Надеюсь, что и в будущем сайту Научного общества кавказоведов удастся сохранить собственное лицо и достойное место в современном информационном пространстве.

Важным направлением деятельности НОК стало участие в конкурсах по выделению грантов на проведение исследований, различных научных мероприятий и издательскую деятельность. В результате

объединения усилий на этом направлении с СКФУ в 2014 г. нам удалось провести конференцию в Пятигорске, которая была приурочена к 100-летию начала Первой мировой войны, а затем издать сборник материалов этой конференции. Необходимо подчеркнуть, что все это стало возможным благодаря настойчивости и энергии профессора СКФУ Игоря Владимировича Крючкова, которая была им проявлена на всех этапах осуществления данного проекта.

В 2014 г. НОК принял участие в открытом конкурсе по выделению грантов некоммерческим неправительственным организациям, проводимом в соответствии с Распоряжением Президента РФ № 11-рп от 17 января 2014 г. «Об обеспечении в 2014 г. государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина». На конкурсе был одобрен представленный НОК проект «Этнокультурное разнообразие России как фактор формирования общегражданской идентичности». В рамках этого проекта ведется работа по созданию специализированного интернет-ресурса «Атлас декоративного искусства народов Северного Кавказа», который призван обобщить и систематизировать традиции народного искусства, визуализировав их с помощью современных информационных технологий.

Дальнейшие планы Научного общества кавказоведов связаны с продолжением деятельности по изучению и популяризации истории, традиций и культуры народов Кавказа, а также по изучению современной ситуации в регионе и вокруг него.

В заключении хотелось бы выразить глубочайшую благодарность всем нашим коллегам, которые пять

лет назад поддержали идею создания Научного общества кавказоведов, которые все эти годы принимали участие в работе над нашими различными проектами, вносили свой ценный вклад в развитие кавказоведения и популяризацию его достижений. Желаю всем новых успехов, творческого долголетия и надеюсь на продолжение нашего сотрудничества в будущем.

**Брод А.С. (Москва)**

### **Северный Кавказ глазами правозащитника**

Уважаемые коллеги! Благодарю Вас за приглашение к обсуждению проблем Юга России. Мне приходилось неоднократно бывать во всех субъектах ЮФО и СКФО, организовывать публичные мероприятия, посвященные профилактике экстремизма, обсуждению межнациональных и межрелигиозных отношений, правозащитных проблем. Мы подготовили немало аналитических материалов о ситуации в этих регионах, привлекая таких авторитетных исследователей, как М. Аствацатурову, Л. Хоперскую, С. Маркедонова, И. Добаева, И. Алипулатова и других.

Подключение к диалогу ученых, законодателей, правозащитников помогает увидеть проблему объемнее, способствует и совершенствованию законодательства, и выработке практических рекомендаций для органов власти, и развитию механизмов правозащитной деятельности.

После распада Советского Союза в течение долгих лет российский Северный Кавказ стал без всякого преувеличения самым проблемным и опасным

регионом России. Его восприятие у значительного количества граждан РФ ассоциируется с понятиями террористические атаки, конфликты, беженцы и нестабильность.

С начала 2000-х годов этнический сепаратизм, как угроза для Российского государства и общества был вытеснен с первых позиций радикальным исламизмом. Это изменило географию «горячих точек» на Северном Кавказе. Если в 1990-х и в начале 2000-х годов наиболее опасным регионом считалась Чечня, то затем своеобразное «первенство» перешло к Дагестану, самому крупному и населенному субъекту РФ на Северном Кавказе. Оно продолжает сохраняться и по состоянию на начало 2015 года (хотя в четвертом квартале 2014 года чеченские показатели были выше уровня Дагестана)<sup>9</sup>. Во второй половине 2000-х годов заметно активизировалось вооруженное подполье в Ингушетии и даже в относительно стабильной до того западной части региона, в Кабардино-Балкарии, которую в первые постсоветские годы называли «спящей красавицей» Северного Кавказа. В 2009 году в Чечне отменен режим КТО (контртеррористической операции) республиканского значения. И после этого в течение нескольких лет количество террористических атак, несмотря на то, что эта угроза по-прежнему сохраняла актуальность, неуклонно уменьшалось. Однако по итогам 2014 года среди субъектов Северного Кавказа Чечня стала единственной республикой, где число жертв вооруженного насилия выросло. Ими стали 117 человек (52 были убиты и 65 получили ранения). По сравнению с 2013 годом общее число жертв – а тогда их было 101 – увеличилось на 15,8%<sup>10</sup>.

---

9. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/256005/>

10. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/256465/>

За период между последней Всесоюзной (1989 г.) и второй Всероссийской переписью населения (2010 г.) произошло резкое изменение этнодемографического баланса в республиках Северного Кавказа. Некоторые авторы говорят о его «дерусификации» и даже определяют его как «внутреннее зарубежье России». Как бы то ни было, многие связующие нити между русским этническим большинством и северокавказским миром (в широком культурном смысле) оказались обрублены. Из семи республик Северного Кавказа только в маленькой Адыгее (окруженной Краснодарским краем) не произошло резкого снижения доли русских в общем составе населения. Эта тенденция наметилась еще в советский период (о чем свидетельствуют данные переписей 1959-1989 годов). Однако в последние два с половиной десятилетия она приобрела качественно иные масштабы. Так, в Дагестане доля русского населения сократилась с 9 до 3,5%, в Кабардино-Балкарии – с 31,95 до 22,55%, в Карачаево-Черкесии – с 45% до 31,4% (при этом русские в КЧР из первой по численности группы стали второй)<sup>11</sup>.

Образ беспокойного региона в течение длительного времени способствовал формированию в российском обществе устойчивых фобий и негативных стереотипов. В опросе Левада-Центра (октябрь 2013 года), проведенном в 130 населенных пунктах 45 регионов страны 71 % опрошенных участников поддержал идею «Хватит кормить Кавказ», а 63% высказалось за необходимость ужесточения как правил регистрации для приезжих, так и передвижения по стране в целом<sup>12</sup>.

---

11. Все статистические материалы переписей приводятся по: <http://www.demoscope.ru/>

12. <http://www.levada.ru/26-08-2014/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya>

Тем не менее, несмотря на сохраняющуюся политическую турбулентность, в 2013-2014 гг. на Северном Кавказе был зафиксирован целый ряд позитивных трендов, как в области безопасности, так и в общественно-политической сфере. Это дало повод представителям российской власти сделать выводы о значительных успехах в региональной политике. Так 27 ноября 2014 года полномочный представитель Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) Сергей Меликов в ходе своего выступления на III Ставропольском форуме Всемирного русского народного собора в Ставрополе отметил, что межнациональные конфликты на Северном Кавказе отсутствуют. По его мнению, региону намеренно присваивают статус зоны высокой межэтнической напряженности, чего в действительности не существует<sup>13</sup>.

В самом деле, в 2013 году обозначилась тенденция сокращения количества терактов на Северном Кавказе на 19,5%<sup>14</sup>. В 2014 году она была продолжена (если говорить о регионе в целом, исключением года стала лишь Чечня). На территории Северо-Кавказского федерального округа с 1 января по 31 декабря 2014 года 525 человек стали жертвами вооруженного противостояния, в том числе 341 человек погиб и 184 получили ранения. По сравнению с 2013 годом, общее число жертв конфликта сократилось на 46,9%<sup>15</sup>. В Дагестане число убитых и раненых снизилось в 2014 году на 54,3% по сравнению с прошлым годом. В Кабардино-Балкарии (которая в 2011 году выходила даже на второе место по количеству жертв вооруженного насилия) произошло снижение на 46,3% по сравнению с 2013 годом. Более того, в республике не произошло

---

13. [http://m.ria.ru/religion\\_news/20141127/1035372661.html](http://m.ria.ru/religion_news/20141127/1035372661.html)

14. <http://www.politcom.ru/18440.html>

15. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/256522/>

ни одного теракта, но случились четыре подрыва. По сравнению с 2013 годом в Ингушетии общее число жертв сократилось на 60,6%, а среди гражданского населения – десятикратно (на 90%). В Ставропольском крае жертвами вооруженного насилия стали не менее 11 человек, из которых 10 были убиты и один получил ранения. Число жертв меньше показателя за 2013 год на 35,3%, когда убитых и раненых в совокупности было 17 человек. По сравнению с 2013 годом общее число жертв в Северной Осетии уменьшилось на 66,7%, а в Карачаево-Черкесии жертв вообще не было зафиксировано<sup>16</sup>.

И хотя северокавказские джихадисты не раз предупреждали российские власти о возможных акциях как в непосредственной близости к столице Олимпиады, так и в различных регионах страны, главные спортивные соревнования четырехлетия с точки зрения безопасности прошли безупречно. При этом угрозы террористических актов обосновывались, в том числе, актуальностью «черкесского вопроса» и тем, что Российская Федерация не признает политическую ответственность за результаты Кавказской войны, прежде всего за то, что в трактовках ряда историков и политиков считается «геноцидом черкесов (адыгов)»<sup>17</sup>. Но масштабная дестабилизация в северокавказских республиках не произошла, хотя прогнозов относительно таких сценариев в канун Олимпиады было предостаточно. Несмотря на отдельные выступления радикальных черкесских (адыгских) организаций и их апеллирование к международным черкесским ассоциациям, общее настроение в субъ-

---

16. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/256465/>

17. См.: Матвеев В.А. «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 226. М.: ИЭА РАН. 2011; «Черкесский вопрос». Экспертный доклад. Под ред. В. Тишкова, сост. И. Бабич. М.: ИЭА РАН. 2014.

ектах Северного Кавказа было стабильным. Этому способствовали, в том числе, встречи Президента РФ Владимира Путина с лидерами черкесских, адыго-абхазских национально-культурных организаций в период подготовки Олимпиады-2014. Не было зафиксировано и масштабных акций правых радикалов, защищающих различные версии русского этнического национализма, в котором, как правило, традиционно присутствуют кавказофобия, мигрантофобия и даже заявления о необходимости отделения северокавказских субъектов от РФ.

На официальном уровне 8 апреля 2014 года было объявлено о нейтрализации лидера «Эмирата (Имарата) Кавказ» Доку Умарова, ставшего символом антироссийской борьбы на Северном Кавказе и единственным полевым командиром, оказавшимся в «черных списках» американского Госдепартамента. По справедливому замечанию востоковеда Михаила Рощина, эмир был «полевым командиром, а отнюдь не идеологом, но он понял, что замена Чеченской Республики-Ичкерии на Имарат Кавказ способна возродить и расширить ряды вооруженного сопротивления, а кроме того перенести боевые действия на территорию соседних республик»<sup>18</sup>.

В конце июня 2014 года преемник Умарова Али Абу-Мухаммад (Алиасхаб) Кебеков в Интернете выступил с заявлением о том, что для него и для его соратников неприемлемы атаки против гражданских лиц, а также причинение вреда их собственности. С такими инициативами представители «Эмирата Кавказ» выступали и ранее (например, в феврале 2012 года). Как показывает предыдущая практика, доверять словам лидеров террористической организации не следует. Однако важно понимать их моти-

---

18. <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21256>

вацию. Июньское заявление Кебекова фактически означало признание ограниченности ресурсов для продолжения борьбы на Северном Кавказе.

Данная позитивная динамика имеет несколько причин. Во-первых, следует говорить о своеобразном «эффекте Сочи». На обеспечение безопасности в Сочи во время проведения Олимпийских и Паралимпийских игр в 2014 году было потрачено порядка двух миллиардов долларов США, не говоря уже о совершенствовании структур безопасности не только столицы «белой Олимпиады», но и силовых ведомств всего Юга России и Северного Кавказа<sup>19</sup>. В ходе подготовки к играм многие полевые командиры и их единомышленники были либо ликвидированы в ходе специальных операций, либо арестованы. По данным руководителя ФСБ РФ (а также Национального антитеррористического комитета) Александра Бортникова (август 2014 года), «в ходе проведения контртеррористических операций и оперативно-боевых мероприятий в Северо-Кавказском регионе при оказании вооруженного сопротивления уничтожено 158 активных членов бандподполья. В том числе 25 главарей, задержано 328 бандитов и их пособников, предотвращено 35 преступлений террористической направленности»<sup>20</sup>.

Во-вторых, в северокавказском контексте стоит говорить не только о «жесткой», но и о «мягкой силе», которая наиболее успешно зарекомендовала себя в Ингушетии. Так, по словам главы республики Юнусбека Евкурова, самым эффективным инструментом борьбы с терроризмом и экстремизмом является профилактическая работа с населением, и в особенности с молодежью. В беседе с корреспондентом «Кав-

---

19. <http://www.yuga.ru/news/216073/>

20. <http://www.stavropolye.tv/sfdnews/view/72487>

казского узла» он заявил следующее: «99% процентов успеха зависит от умения помочь запутавшимся молодым людям найти пути возвращения к мирной жизни. Но при этом родственники боевиков должны не потворствовать своим заблудшим близким, а наоборот – стараться всячески воздействовать на ребят, помогая им осознать пагубность подобного пути. Тем же, кто не хочет договариваться, не следует в таком случае предъявлять претензии государству. А стоит подумать о тех семьях, где в результате действий членов незаконных вооруженных формирований потеряли близких»<sup>21</sup>. В Ингушетии успешно продолжила свою работу адаптационная комиссия, которая также способствовала замирению республики. «Благодаря профилактическим мерам в 2013-2014 годах отказались от террористической деятельности 68 бывших участников бандгрупп и их пособников», – сообщил в августе 2014 года глава НАК Александр Бортников<sup>22</sup>.

В-третьих, следует принять во внимание отток боевиков из республик Северного Кавказа на Ближний Восток (в Сирию и в Ирак). Для этих людей, защищающих идеи «чистого ислама», борьба за глобальный джихад становится предпочтительнее, чем исламизация отдельных субъектов РФ. Особенно в условиях ограниченной поддержки и неприятия населением идей некоего «правильного ислама», противоречащего региональной традиции<sup>23</sup>.

В 2013-2014 гг. были предприняты попытки очищения власти от «неприкасаемых» чиновников, к которым за долгое время накопилось множество вопросов по поводу их финансовой и общественно-политической деятельности. Так в июне 2013 года по

---

21. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/254793/>

22. <http://www.stavropolye.tv/sfdnews/view/72487>

23. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/255197/>

подозрению в организации заказного убийства был арестован мэр Махачкалы Саид Амиров, занимавший эту должность с 1998 года и считавшийся одной из центральных фигур дагестанской политики. В случае с Амировым мы можем говорить не только об управленце республиканского масштаба, но и о влиятельном игроке, имевшим свои особые отношения с федеральными чиновниками и крупным российским бизнесом. Махачкалинская мэрия была самостоятельным центром силы, с которым приходилось считаться даже Кремлю<sup>24</sup>. 9 июля 2014 года Северо-Кавказский окружной военный суд приговорил Саида Амирова к 10 годам лишения свободы в колонии строго режима.

Осенью 2014 года в Северокавказском регионе произошло еще одно знаковое событие, которое не получило достаточного освещения из-за украинского политического кризиса и конфронтации между Россией и Западом. Между тем, его значение нельзя недооценивать. Речь в данном случае идет о возобновлении после более чем двадцатилетнего перерыва призыва этнических чеченцев в ряды российской армии и одновременном расширении квоты призыва в других северокавказских субъектах РФ. В условиях призывной армии служба в вооруженных силах может рассматриваться как один из важнейших инструментов интеграции полиэтничного населения российского Кавказа в общероссийские социально-культурные процессы. Скорее всего, это решение было принято во многом благодаря той позиции, которую представители региональных элит, а также рядовые жители Северного Кавказа продемонстрировали во время украинского кризиса, демонстрируя свою лояльность

---

24. <http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/240239-sanatsiya-po-dagestanski-k-chemu-privedet-arest-mera-mahachkaly>

российской власти и приверженность общероссийской идентичности. Так, в мае 2014 года глава Чечни Рамзан Кадыров принял самое деятельное участие в освобождении российских журналистов Олега Сидякина и Марата Сайченко, задержанных на Украине в ходе проведения так называемой АТО (антитеррористической операции)<sup>25</sup>. Данная ситуация оказала серьезное влияние и на общественное восприятие Северного Кавказа остальными россиянами. Согласно данным «Левада-центра», лозунг «Хватит кормить Кавказ» в июле 2014 году четко поддерживало всего 19%<sup>26</sup>.

Всего из северокавказских республик осенью 2014 года призвали около 7300 человек. Этот показатель на 1190 молодых людей больше, чем весенний призыв 2014 года, когда было призвано 6110 человек. В 2013 году призывы также не превысили уровень 2014 года: осенью 2013 года было призвано 5896 человек, весной 2013 года — 6591 призывник. Таким образом, налицо — поступательное увеличение числа военнослужащих из региона, который еще за 2-3 года до этого рассматривался как самый проблемный с точки зрения призыва<sup>27</sup>. В этом же контексте важно отметить и попытки подключения к работе с призывной молодежью общественности.

В Дагестане, начиная с весенней призывной кампании 2013 года, была предложена такая инициатива, как использование поручителей для будущего призывника. В качестве таковых могут выступать педагоги, члены призывных комиссий, уважаемые в республике люди. На их плечи возложена моральная ответственность за будущую службу военнослужащих рос-

---

25. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1615807>

26. <http://www.levada.ru/26-08-2014/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya>

27. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/250735/>

сийской армии<sup>28</sup>. В Ингушетии (где глава республики сам – кадровый военный, участник боевых действий на российском Кавказе, а также военно-политических операций на Балканах) в 2014 году был сформирован такой институт, как учебно-воспитательные комиссии. Они находятся в ведении специально созданного Комитета солдатских отцов. Как и в Дагестане, ингушский комитет должен осуществлять обратную связь между командованием части и ингушской стороной – родителями военнослужащего, властями и военкоматами<sup>29</sup>. Таким образом, присутствует попытка в современных условиях использовать апробированные традиции (авторитет старших в отношении младших), которые по-прежнему сохраняют значение. Важно отметить, что опыт службы в армии дает выходцам из северокавказских республик потенциальные карьерные возможности. Армейский опыт помогает при занятии должностей в силовых структурах своего региона. Многие призывники, идя на воинскую службу, имеют в виду в первую очередь эти карьерные перспективы, связанные с Российским государством и лояльностью ему.

В то же время, значительные успехи, как по минимизации террористической опасности, так и в интеграции жителей северокавказских республик в общероссийские процессы, не должны создавать иллюзий относительно окончательного замирения проблемного российского региона и наступления бесконфликтной эры. Существуют как внутренние, так и внешние факторы, которые говорят о том, что риски стабильности и безопасности будут сохраняться. В-первых, северокавказские боевики, столкнувшись с дефицитом общественно-политической поддержки

---

28. [http://www.bigcaucasus.com/events/actual/04-04-2013/82945-army\\_Dagestan-0/](http://www.bigcaucasus.com/events/actual/04-04-2013/82945-army_Dagestan-0/)

29. <http://news.rambler.ru/27180599/>

внутри региона и с давлением со стороны властей и правоохранительных структур, стали проявлять намного больший интерес к кооперации с известными международными террористическими структурами. И, прежде всего, с ИГИЛ. Так, 21 ноября 2014 года Сулейман (Мовсар) Зайланабидов, один из командиров боевиков, действующих в Хасавюртовском районе Дагестана, принес присягу лидеру «Исламского государства» Абу Бакру аль Багдади<sup>30</sup>. Через месяц 19 декабря на сервисе YouTube было распространено обращение Абу-Мухаммада, амира Дагестана, который заявил, что приносит присягу лидеру ИГИЛ<sup>31</sup>. Такой интерес вызывает ревность со стороны традиционных сторонников «Эмирата Кавказ». Алиасхаб (Али Абу-Мухаммад) Кебеков, лидер этой структуры, обвинил руководителя дагестанских боевиков в расколе и сместил его. Это, среди прочего, способно вызывать разборки между самими группами вооруженного подполья, не говоря уже о попытках «передела» сфер влияния и возможном вытеснении «эмиратчиков» (намного в большей степени связанных с местным криминалом) поборниками «чистой идеологии».

Во-вторых, несмотря на снижение количества террористических атак, боевики до сих пор способны на дерзкие и знаковые акции. Так, в начале декабря 2014 года Чечня снова попала в фокус внимания политиков, журналистов и экспертов. В столице республики Грозном произошло вооруженное столкновение, в результате которого погибло 10 представителей силовых структур, было уничтожено 9 нападавших боевиков. В ходе этого инцидента серьезно пострадал республиканский Дом печати. Декабрь-

---

30. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/253084/>

31. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/254364/>

ский инцидент произошел буквально накануне ежегодного федерального послания президента России Владимира Путина, чья популярность во многом связана с репутацией политика, способствовавшего замирению Северного Кавказа. Бой в Грозном случился за неделю до другого знакового юбилея. Двадцать лет назад, 11 декабря 1994 года, началась первая антисепаратистская кампания в Чечне. Между тем, это единственная из непризнанных республик, отколовшихся от постсоветских государств, которая была возвращена под контроль центральных властей. И она была не просто возвращена, а стала в определенной степени примером социально-политической стабилизации.

В-третьих, по-прежнему сохраняется сложная ситуация с соблюдением прав человека. Для Северного Кавказа этот сюжет имеет особое значение, прежде всего, из-за значительных отличий общеполитической ситуации в регионе от остальной РФ, где отсутствует разветвленная диверсионно-террористическая сеть и сопоставимое количество латентных межэтнических противоречий. Следовательно, многие стандарты по защите и соблюдению гуманитарных прав на Северном Кавказе будут иметь свои отличия, что, естественно, не означает признания необходимости изъятия региона из общероссийского правового пространства. Более того, непропорциональное использование государственного насилия и нарушение законодательства теми, кто по своему статусу должен его соблюдать, способно формировать социальный и политический негативизм у населения. Несоблюдение базовых прав человека и гражданина и расширительные трактовки таких понятий, как противостояние радикализму и экстремизму нередко приводят

к тому, что у противников России появляются аргументы для мобилизации недовольных в свои ряды.

Внимание правозащитников осенью 2014 года привлекла затяжная специальная операция в поселке Временный Унцукульского района. В районе режим КТО (контртеррористической операции) действовал с начала марта по конец ноября 2014 года. Не ставя под сомнение необходимость противодействия терроризму и экстремизму, правозащитники отмечали «перегибы» при организации пропускного режима для жителей поселка. Все время проведения КТО в поселке не работали школа, детский сад, большинство магазинов. Оставшиеся жители были жестко ограничены в передвижениях, было создано немало неудобств и для жителей соседних горных сел<sup>32</sup>. Специальная комиссия по оценке ущерба в ходе повторного визита признала непригодными для проживания и подлежащими сносу 52 дома. Жители поселка заявляли также о масштабных разрушениях в селе, мародерстве и невыплате компенсаций<sup>33</sup>.

По-прежнему острой проблемой региона остались взаимоотношения властей с мусульманскими общинами, не подчиняющимися юрисдикции республиканских Духовных управлений мусульман. Так в Правозащитный центр «Мемориал» неоднократно с заявлениями обращались жители Дагестана и других республик, данные на которых были внесены в некие базы или списки. Людей, находящихся в таких списках, систематически без объяснения причин задерживают сотрудники полиции. Обычно это происходит, когда граждане проезжают мимо выставленного на дороге постоянного или временного полицейского поста. Задержанных доставляют в ближайший

---

32. <http://www.memo.ru/d/211286.html>

33. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/254167/>

отдел полиции, где сотрудники МВД требуют от них дать объяснения о том, куда и с какой целью они едут, задают вопросы о составе их семей, об их отношении к ваххабизму. Подчас сотрудники полиции требуют от задержанных ответа на вопрос – когда и почему их данные попали в некий список оперативного учета «Ваххабизм»<sup>34</sup>.

Значительный резонанс в правозащитной среде вызвал и ряд судебных процессов. Приговор по делу о нападении боевиков на Нальчик (октябрь 2005 года) был оглашен 23 декабря 2014 года в Верховном суде Кабардино-Балкарии. Пятеро обвиняемых, среди которых Расул Кудав (получивший известность во время своего пребывания в американской тюрьме Гуантанамо), были приговорены к пожизненному лишению свободы, трое освобождены с учетом отбытого срока. Остальные приговорены к различным срокам от 9 до 23 лет лишения свободы. Суд также постановил взыскать с каждого из подсудимых по 150-300 тысяч рублей судебных издержек. При этом решением суда все подсудимые оправданы по обвинению в убийстве и имеют право на реабилитацию по этой статье. Решение суда подверглось критике со стороны директора представительства организации Amnesty International в России Сергея Никитина, который охарактеризовал его, как несправедливое. Он же выразил недовольство в связи с делом чеченского общественного деятеля Руслана Кутаева (он был задержан в феврале 2014 года, а рассмотрение его дела по существу в суде началось в апреле). «Мы требовали очевидного и безоговорочного освобождения Кутаева, так как причины взятия под стражу были нереальными», – заявил Никитин, по мнению кото-

---

34. memo.ru/uploads/files/1607.doc

рого преследование Кутаева связано с его критикой в адрес республиканских властей<sup>35</sup>.

По-прежнему актуальной для региона остается проблема коррупции. Речь идет о системном противодействии этому явлению. Акции по отношению к отдельным даже высокопоставленным чиновникам (дело экс-мэра дагестанской столицы) не отменяют необходимости стратегического подхода к минимизации коррупции. В 2013 году в СКФО были выявлены случаи хищения бюджетных средств на сумму в 6,5 млрд. рублей. В своем выступлении на заседании Совета безопасности в сентябре 2013 года президент РФ Владимир Путин констатировал, что коррупция является одной из причин высокого уровня безработицы и отставания Северокавказского региона по темпам и уровню развития экономики и социальной сферы от среднероссийских показателей<sup>36</sup>.

В одном из интервью в конце 2014 года президент РФ Владимир Путин отметил, что коррупция – «одна из очень серьезных проблем, которая досталась нам из прошлого»: «Когда администрация любого уровня считала, что может делать все, имея на это право, и никто не волен покушаться на ее полномочия и как-то контролировать». В северокавказских условиях она особенно опасна, поскольку в данном случае общественно-политической дестабилизации способствуют не организаторы террористических атак и диверсий, а формально те, кто призваны защищать интересы государства и общества, представители чиновничества. По данным на 25 декабря 2014 года в СКФО было зарегистрировано более полутора тысяч преступлений коррупционной направленности. Пресс-служба управления Генеральной прокуратуры

---

35. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/242881/>,  
<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/255197/>

36. <http://www.eg-online.ru/news/222368/>

РФ в СКФО заявила, что увеличилось количество выявленных фактов взяточничества, в суд для рассмотрения по существу направлено 621 уголовное дело, осуждено 541 лицо.

Для устранения многочисленных нарушений федерального законодательства в сфере противодействия коррупции в 2013 и в 2014 гг. было внесено свыше 12,5 тыс. актов прокурорского реагирования, 6750 лиц привлечены к дисциплинарной и административной ответственности, по направленным материалам прокурорских проверок возбуждено 360 уголовных дел. Вместе с тем, остается нерешенным целый ряд серьезных проблем в вопросах профилактики коррупции, проведения ведомственной антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов, деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов. Определенные просчеты имеют место в работе органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по выявлению коррупционных преступлений, нарушаются требования уголовного и уголовно-процессуального законодательства при расследовании уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, необоснованно превышаются разумные сроки следствия. Остро стоит проблема возмещения ущерба, причиненного указанными преступлениями<sup>37</sup>.

Представляется крайне важным укрепление и вывод на новый уровень региональной кооперации, начиная от вопросов безопасности и межэтнических отношений до прав человека и социально-культурных проблем. На сегодняшний день себя уже положительно зарекомендовал Общественный совет при полпреде в СКФО. В настоящее время под его

---

37. <http://www.regnum.ru/news/accidents/1880523.html>

эгидой действуют 5 комиссий. Было бы перспективно придать этой структуре дополнительную эффективность, инициировав помимо комиссий создание специализированных рабочих групп и подгрупп (как временных, так и постоянных) для подготовки научно-практических и прикладных исследований по обозначенным выше вопросам. Крайне необходим и постоянный мониторинг проблем по данной тематике. Совет при полпреде Президента РФ мог бы взять на себя функцию организатора широкого экспертного и правозащитного обсуждения конкретных мероприятий органов власти и управления. Особенно это касается таких тем, как профилактика экстремизма, противодействие коррупции и соблюдение прав человека.

Помимо Общественного совета представляется необходимым усиление горизонтальной кооперации властных структур всех субъектов СКФО (возможно, и с подключением регионов Южного федерального округа) для обмена информацией по текущим делам, а также военных структур (военных комиссариатов, осуществляющих призыв на воинскую службу).

Чрезвычайно важным является повышение информационной активности для продвижения общекавказской гражданской идентичности, как части общероссийской гражданской нации. Для этого необходима координация медиа-ресурсов, НКО и НКА всех субъектов СКФО.

В целях качественной реализации национальной политики РФ в Северокавказском регионе необходима система планомерной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров органов власти и управления, государственных и муниципальных СМИ, общественных организаций в сфере оптимизации межнациональных и конфессио-

нальных отношений. Помимо академических программ, реализуемых в вузах, целесообразна организация информационно-просветительских, учебно-методических (разовых или серийных), лекционных, интегративных, практико-прикладных проектов для работников республиканских администраций, министерств и ведомств, а также федеральных структур в регионе.

Следует активизировать работу по продвижению профессионального стандарта «специалист по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений». В этом формате необходимо предусмотреть региональную специфику подготовки специалистов. Например, по соответствующей специальности в кавказском регионе желательно ввести специализированные курсы по кавказоведению, мусульманско-христианским отношениям, этническим особенностям региона. Подготовка специалистов должна быть ориентированной на регион. Крайне важно обучать специалистов умению взаимодействовать с институтами гражданского общества, включать эти институты в региональные программы, использовать их разнообразный потенциал.

Для повышения качества современного научного и экспертного дискурса по национальным и конфессиональным отношениям необходимо эффективно использовать научный потенциал (на основе мониторинга, анализа, методов прогнозирования, моделирования и управления), общественную экспертизу, разнообразные формы участия граждан в разработке комплексных, ведомственных и целевых программ, управленческих и общественно значимых решений на федеральном, региональном и местном уровнях.

В целях профилактики распространения негативных этнических стереотипов и бытового национа-

лизма в молодежной среде целесообразно создание на всех уровнях образовательного процесса системы этнологического всеобуча, введение соответствующих дисциплин в учебные планы для формирования общих и профессиональных компетенций межэтнического общения, межкультурной коммуникации учащихся и молодежи.

Для оптимизации функционирования этнокультурных институтов гражданского общества необходимо повысить роль НПО, НКА, общественных, религиозных и культурных организаций, этнических и конфессиональных советов, домов и центров национальных культур, организаций казачества в противостоянии радикальному национализму, религиозному экстремизму и ксенофобии.

Для актуализации прав граждан РФ на реализацию этнокультурных интересов важно в 2015 году, который номинирован как Год литературы, использовать в снижении рисков национализма и ксенофобии гуманистические интегрирующие ресурсы русского языка, русской литературы, а также ресурсы литературы народов России, литературы этнических групп ближнего и дальнего зарубежья. Одним из эффективных инструментов широкого просвещения мог бы стать этнотуризм.

# **СЕКЦИЯ 1.**

## **Религия и политика на Юге России: роль государства**

*Сафрастян Р.А. (Ереван)*

### **РОССИЯ И АРМЯНЕ КАВКАЗА И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ВОПРОСЫ ГЕОСТРАТЕГИИ**

Развал СССР в 1991 г. в геополитическом смысле, по определению В.В. Путина, был «катастрофой», которая вызвала глубокие перемены не только для Восточной Европы, но и для Ближнего Востока. На Ближнем Востоке эти перемены начали проявляться после оккупации Ирака Соединенными Штатами в 2003 г. и, в особенности, после начала в 2011 г. пользовавшейся поддержкой Запада т.н. «Арабской весны». Их геополитическим результатом явились фактический распад четырех ближневосточных государств (Ирака, Ливии, Сирии и Йемена) с общим населением около 100 миллионов человек и усиливающаяся тенденция погружения всего региона в состояние хаоса, которым, как мы видим, в наибольшей мере пользуются крайне радикальные, террористические

по своей сути, исламистские организации наподобие ИГИЛ.

Происходящие на Ближнем Востоке процессы отражаются на положении армянских общин. Перед нашими глазами происходит массовый исход армян из региона. Если до начала 90-х гг. прошлого столетия численность армян в регионе достигала 400-500 тысяч человек, то к настоящему времени она резко сократилась. Показателен пример армянской диаспоры в Сирии – если до войны там жили более 100 тысяч армян, в стране действовала одна из самых мощных и развитых армянских общин в мире, то, по некоторым данным, из этой страны уже уехало около 90 тысяч армян. Под угрозой физического уничтожения армяне массово покидают также пылающий огнем Ирак.

Серьезно уменьшилась численность армян в Ливане и Иране, где армянские общины были весьма многочисленны и хорошо организованы. Национально-культурная жизнь армян этих стран была весьма активной, издавалось огромное количество периодической, художественной и научной литературы на армянском языке. Характерный пример: в Бейруте издавалось больше ежедневных газет на армянском языке, чем в столице Советской Армении.

Хотя в этих странах нет войны и власти настроены к армянам очень благожелательно (достаточно напомнить, что армяне имеют своих представителей в парламентах этих стран, а в Ливане – также в правительстве), однако и оттуда наблюдается значительный отток армянского населения. Исход армян из Ливана начался еще в годы гражданской войны и не прекратился после завершения войны, так как «страна кедр» так и не смогла восстановить свои позиции финансового центра Ближнего Востока. Сейчас в Ливане живет в два раза меньше армян, чем до граж-

данской войны. Эмиграция армян из Ирана объясняется ухудшением экономической ситуации в стране в результате западных санкций, а также политикой американских властей, способствующих иммиграции иранских армян посредством облегченного порядка предоставления им права на въезд в США.

Фактически, на Ближнем Востоке, в частности, в областях Сирии и Ирака, находящихся под контролем ИГИЛ, происходит этническая чистка армян. Приходят сообщения о жертвах среди мирного населения, о похищениях и т.п. Особое беспокойство вызывает то обстоятельство, что в ряде случаев все это происходит в результате действий сирийских повстанческих сил, находящихся под контролем Турции. Так было, в частности, в приграничном с Турцией городке Кесаб с преимущественно армянским населением.

Уничтожаются также памятники культуры и христианского культа, созданные армянами в Сирии и Ираке. Так, недавно стало известно об уничтожении Кафедральной церкви Берийской епархии Армянской Апостольской Церкви Святых 40 младенцев-мучеников, построенной в XV веке в сирийском городе Алеппо. Она была взорвана боевиками ИГИЛ и разрушена до основания. Еще раньше они же взорвали мемориальную церковь в Дейр Зоре, построенную в память о жертвах геноцида 1915 г., нашедших свою смерть в сирийской пустыне. Этот список можно продолжить.

В памяти армян эти события воскрешают события геноцида 1915 г., когда Османской империей было физически уничтожено большинство населения Западной Армении, а оставшиеся в живых рассеялись по всему миру, образовав диаспору. Их значительная часть, пользуясь благожелательным отношением

властей и простого народа, осела в ближневосточных странах.

Современная Россия в силу понятных причин, конечно же, не имеет того влияния на ближневосточный регион, которое имел СССР. Тем не менее, думается, она может сыграть положительную роль в судьбах армянства. При рассмотрении этого вопроса необходимо, на наш взгляд, принять во внимание также и то обстоятельство, что значительное количество армян проживает в настоящее время на юге России. Вместе с Республикой Армения и армянами Ближнего Востока они являются составными частями явления, которое можно обозначить как Армянский фактор. Его роль в регионе Северного Кавказа, Закавказья и Ближнего Востока обусловлена как историческими причинами, так и складывающейся в настоящее время геополитической обстановкой.

С исторической точки зрения Армянский фактор на севере этого региона тесно соприкасался с Россией. Так, массовое расселение армян на Северном Кавказе началось еще в начале XVIII века и явилось результатом целенаправленной политики Российской Империи. Приведем отрывок из широко цитируемого сенатского Указа, подписанного Петром I в 1711 г.: *«Армян как возможно приласкать и облегчить в чем пристойно, дабы дать охоту для большего их приезда»*. Такой подход к армянам был обусловлен их восприятием в качестве фактора, способствующего усилению позиций России в этих недавно присоединенных областях. Это политика продолжалась, фактически, и в последующем. Ее обоснование уже в следующем, XIX веке, четко дал император Александр I. Армяне, по его словам, «отличались примерным постоянством и преданностью и посреди смутных обстоятельств пребыли тверды и непоколебимы

в своем усердии к нам и Престолу нашему, жертвуя имуществом своим и всеми средствами и самой жизнью”.

Продолжавшаяся миграция армян в начале XX века приняла еще более массовый характер, когда на Северном Кавказе начали оседать десятки тысяч армянских беженцев, спасавшихся от геноцида. В результате резкого ухудшения социально-экономической ситуации после распада СССР началась третья волна массовой миграции армян на Юг России, которая привела к резкому увеличению числа армян. Согласно данным Всероссийской переписи населения, проведенной в 2010 г., армяне в Ставропольском и Краснодарском краях являются вторым по численности народом после русских.

Массовое переселение армян на Северный Кавказ и увеличение их численности сопровождалось созданием инфраструктуры армянских общин, в основе которой находятся школы, к которым кроме общеобразовательных следует отнести и воскресные, и церкви. В этом случае действует широко распространенная закономерность, характерная для армянской диаспоры во всем мире: «Там где появился хоть один армянин – там появляются школа и церковь».

Вместе с тем, в среде армян Северного Кавказа не действуют традиционные армянские партии и организации. Кроме того, особенностью армянских общин Северного Кавказа является их тесная связь с Республикой Армения. Если учитывать то обстоятельство, что последняя играет важную роль также для армян Ближнего Востока, то можно констатировать, что именно независимая Армения является тем хребтом, который составляет основу Армянского фактора, о котором мы говорили ранее.

Переходя на геостратегический уровень анализа, необходимо подчеркнуть, что Армения еще в 90-х годах прошлого столетия сделала геополитический выбор в пользу России, подписав в 1997 г. с ней Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заложивший правовую основу отношений стратегического партнерства между двумя странами. Армения в настоящее время является членом Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В 2000 г. президенты обеих стран подписали “Декларацию о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Армения, ориентированном в XXI век”, свидетельствующую о решимости углублять отношения стратегического партнерства до уровня союзнических. Таким образом, можно констатировать, что в современных геостратегических реалиях, благодаря осевой роли геополитического выбора Армении, созданы благоприятные возможности для активизации политики России в отношении ближневосточного армянства.

Этому благоприятствует также фактор исторического прошлого, который необходимо учитывать при рассмотрении вопросов геостратегии. Как уже отмечалось, армянские общины Ближнего Востока возникли в основном в результате геноцида армян, осуществленного Османской Турцией в 1915 г., поэтому они являются носителями западно-армянской идентичности. Тем самым, прорусская ориентация, характерная для населения Западной Армении во второй половине XIX – начале XX вв., обусловленная ожиданиями того, что освобождение от турецкого ига возможно в результате вмешательства России, перешла в современную эпоху. Уточним, что речь идет о благоприятной для армян политике России

в Армянском вопросе, венцом которой стало принятие Османской империей под давлением России программы реформ в Западной Армении в 1914 г. Интересно отметить, что даже большевистская Россия еще в декабре 1917 г. приняла декрет о Западной Армении, в котором признала право армянского населения на самоопределение. Не стоит забывать также, что в 1945-1946 гг. именно СССР поднимал Армянский вопрос на международной арене, а также организовал репатриацию армян, в том числе из стран Ближнего Востока, в Советскую Армению. Эти обстоятельства как раз и составляют основу благоприятного исторического фона для геостратегии России.

Проведенный нами небольшой анализ свидетельствует о совпадении интересов России и “Армянского фактора” на Ближнем Востоке. Россия должна быть заинтересована в сохранении дружественно настроенного в отношении нее армянского населения ближневосточных стран. Армяне же заинтересованы в том, чтобы Россия была сильной и оказывала большее влияния на ситуацию в этом регионе.

Представляется, что более активная роль России может основываться на концепции мягкой силы. В частности Россия может взять на себя роль защитницы ближневосточного христианства, в том числе, армян; при этом она, конечно же, получит поддержку Армении. Можно отметить, что определенные усилия в этом направлении уже предпринимаются. Об этом свидетельствует состоявшаяся в Женеве в марте 2015 г. по инициативе Армении, России и Ливана, а также ряда неправительственных организаций, международная конференция в поддержку христиан Ближнего Востока, на которой с программной речью выступил министр иностранных дел России С. Лавров. Он, в частности, сказал: “Исход христи-

ан из ближневосточного региона – процесс, который может иметь самые негативные последствия... для сохранения исторического и духовного наследия, значимого для всего человечества. Убежден, что следует умножить усилия с целью прекратить преследования христиан, как и приверженцев любых других религий”. В ходе состоявшейся в марте того же года по инициативе ряда государств, в том числе, России, 28-й сессии Совета ООН по правам человека было принято Заявление 65 государств «В поддержку прав человека христиан и других общин, в особенности на Ближнем Востоке».

Активную поддержку христианам Ближнего Востока, в том числе и армянам, оказывает Императорское Православное Палестинское Общество, которое было также в числе инициаторов вышеупомянутой Женевской конференции.

Думается, что если, не дай Бог, в результате продвижения вперед банд ИГИЛ возникнет угроза для жизни оставшихся в Сирии армян, то в их эвакуации наиболее реальным представляется помощь именно со стороны России. Со своей стороны, армяне, имеющие хорошие связи с арабскими странами региона, могут помочь в становлении связей между Евразийским союзом и региональными государствами.

В заключение, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что “Армянский фактор” заинтересован в сильной и влиятельной России. Эту мысль еще в начале XX века в своеобразной форме выразил великий поэт Армении Ованес Туманян. Он писал в канун Первой мировой войны: «Мы пришли и идем к Великой России...».

## **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАТРИОТИЧЕСКИХ СИЛ АРМЕНИИ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ**

В настоящее время мир стоит перед глобальными изменениями. Того мира, в котором демократия понималась как «власть американского народа» (слова Рузвельта), больше не будет. Запад теряет свое лидерство, ведущие позиции получает Азия, и этот процесс неизбежен. Глобализация продолжается, но приобретает не западное лицо. Прогнозы о таком развитии событий уже делались, но они не вполне оправдались: Китай опередил Америку раньше, чем обещали футурологи и аналитики.

Армения является участником всех этих процессов. С 2010 г. Ереван пытался построить интеграционную модель отношений с ЕС, исходя из того, что такие отношения не должны мешать членству в Таможенном союзе и участию в интеграционных проектах с Россией. Но евробюрократы поставили Армению, как и Украину, перед выбором «или-или», а в итоге перешли на язык угроз. Руководство Армении блестяще провело политическую игру, избежав потрясений для своей страны. В Армении Запад проиграл. И Армения сделала свой выбор в пользу вступления в ЕАЭС не под давлением.

Линия интеграционной политики Армении всегда была направлена на Россию. 15 мая 1992 г. Армения стала членом ОДКБ, 21 августа 1992 г. был заключен Договор о статусе российских войск в Армении, в сентябре 1992 г. — Договор о статусе российских пограничных войск в Армении, 16 марта 1995 г. — Договор о российской военной базе в Армении. Созданы объединенная система ПВО России и Армении, объединенный российско-армянский командный пункт. В 2010 г. подписан Протокол о продлении на 49 лет Договора о российской военной базе на территории Армении, при этом ее функции изменены. Теперь Россия обязалась защищать не только армяно-турецкую и армяно-иранскую границы, но и армяно-азербайджанскую и армяно-грузинскую. Очевидно, что внешнеполитический вектор Армении во многом определяется военной сферой.

Вступление Армении в ЕАЭС получило различные оценки в армянском обществе. Конечно, оно не относится к сфере «чистой» экономики. Его можно понимать как один из этапов дальнейшей интеграции стран постсоветского пространства. И такой интеграцией необходимо заниматься. Армения стала той точкой опоры, за которую Россия зацепилась и стала усиливаться.

Карабахский вопрос является стержнем внешней политики Армении. Это вопрос безопасности Армении и вопрос стабильного развития всего региона. В 1994 г. в зоне нагорно-карабахского конфликта при посредничестве России было установлено прекращение огня, без участия России война продолжалась бы дальше. Плохо или хорошо (скорее, плохо), но режим прекращения огня соблюдается. Перспективы урегулирования нагорно-карабахского конфликта туманны, сейчас предпосылок для его решения нет. Арме-

ния готова на колоссальные уступки, готова вернуть Азербайджану 6 районов в обмен на статус Нагорного Карабаха и на сухопутный коридор. В такой ситуации никто не пошел бы на подобные уступки. Но Баку занимает бескомпромиссную позицию, там видят Нагорный Карабах только в составе Азербайджана и со статусом не выше того, какой был у НКАО ранее. Обсуждать статус Нагорного Карабаха азербайджанские власти не хотят. Поэтому ждать сегодня решения конфликта невозможно.

Сопредседатели Минской группы предлагали несколько вариантов урегулирования конфликта. Так, США предложили около пяти вариантов, направленных на изменение статус-кво и предполагающих ввод в зону конфликта миротворцев. На самом деле, Запад ставит задачу не решить конфликт, а вытеснить из региона Россию путем ввода миротворческих сил. Баку ведет свою игру, там сначала согласились на ввод наблюдателей ОБСЕ, а потом выразили готовность обсуждать ввод миротворцев, но только относящихся к странам, не имеющим границ с участниками конфликта. То есть Россия из числа возможных участников миротворческой операции выпадает.

Сейчас задачей Армении является поддержание в регионе военно-политического баланса. Обострение ситуации в зоне конфликта летом 2014 г. и зимой 2015 г. было связано, вероятно, с событиями на Украине. Азербайджан пытался использовать их для решения своих задач. У Армении нет задачи начинать военные действия, менять в свою пользу «линию соприкосновения». Армения только вынуждена адекватно отвечать. Инициатором нарушений режима прекращения огня является Баку. Азербайджанское руководство готовится к войне, использует воинствующую риторику, провоцирует армянскую сто-

рону. Но сейчас Азербайджан не в состоянии решить задачу «освобождения» Карабаха. Начало широко-масштабной войны приведет к противостоянию России и Турции, а в этом никто не заинтересован. Предпосылок для широкомасштабной войны сегодня нет. Баку стремится угрозой начала военных действия заставить Армению пойти на уступки, кроме того, он пытается давить на сопредседателей Минской группы и на страны – получатели энергоресурсов.

В регионе Южного Кавказа царил мир в те исторические периоды, когда там была Россия. Для Армении выгодна сильная Россия. И Армения понимает, что Россия должна взаимодействовать с Азербайджаном. В Армении патриотическими силами являются те, которые выступают за союз с Россией и те, которые строят демократию для своего народа, а не для американского.

*Мальшиева Д.Б. (Москва)*

## **ТУРЦИЯ И ИРАН В ЮЖНОМ ПОГРАНИЧЬЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ**

Граничащие на юге с Россией государства Южного Кавказа (Азербайджан, Армения и Грузия) в прошлом напрямую были вовлечены в противоборство Российской империи с Ираном (Персией) и Турцией (Османской империей). В наши дни этот обширный и беспокойный район южного пограничья России является объектом как многостороннего соперничества, так и взаимовлияния. Особое место в этой отличающейся динамикой геополитической игре принадлежит Турции и Ирану, которые граничат с ныне независимыми республиками Южного Кавказа по периметру бывшей государственной границы СССР.

### **Турция: политические приоритеты на Южном Кавказе и в России**

Современная Турция имеет немалый экономический и финансовый вес на всем постсоветском пространстве. В пользу Турции говорит ее стратегическое положение, позволяющее этой евразийской республике контролировать Черноморские проливы, играть видную роль в обеспечении безопасности в Черноморско-Каспийском регионе. Обращает на себя внимание и то, что Турция считает – впрочем,

не без основания — свои восточные районы относящимися к кавказскому региону.

Турция стремится к тому, чтобы развивать культурное взаимодействие со всеми исповедующими ислам народами постсоветского пространства, пытаясь оказывать выгодное для себя влияние на религиозно-политические процессы, происходящие в том числе и в российской *умме*. Помогает Турции продвигать свое влияние более привлекательный по сравнению с рядом других мусульманских стран Ближнего Востока имидж — государства, где возобладали течения умеренного ислама и где успешно функционирует светская политическая система, включающая элементы демократии западного типа.

Исламизм, или «политический ислам», оставался в Турции под строжайшим запретом, и вплоть до 1991 г. в турецком Уголовном кодексе сохранялась статья (№ 163), запрещающая использование ислама в политических целях. Но турецкая модель светского государства всегда отличалась гибкостью, и конструктивные взаимоотношения между религиозными общинами и светской властью остаются важной предпосылкой для сохранения национального согласия, препятствуя росту религиозного радикализма.

За истекшее десятилетие Турция пришла к размышлению светской, западноориентированной модели, что является в известной мере отражением процессов, происходящих в турецком обществе, где правящая элита стремится к его трансформации в более консервативный социум, пронизанный исламскими ценностями и традициями. Хотя нынешних лидеров Турции называют исламистами, это, скорее, дань политической традиции, сложившейся в Турции, где националистам противостоят именно исламисты, так как политических сил, ориентирующихся на

какие-либо другие ценности, помимо исламизма и национализма, в стране фактически нет. Вероятно, справедливее было бы говорить о противостоянии в современной Турции кемалистов и сторонников «мягкого ислама», то есть людей, пытающихся совместить модернизацию и умеренный ислам, рыночную экономику и демократические институты с традициями, базирующимися на исламе.

Претендовать на роль идеолога и вдохновителя тюркского единства в распавшемся СССР Турция начала в 1990-е годы. Турецкие политики попытались тогда вдохнуть новую жизнь во внешнеполитическую доктрину, вынашивавшуюся еще при Кемале Ататюрке — консолидацию под эгидой Турции объединенных культурной и лингвистической общностью народов, населяющих: Азербайджан, центральноазиатские республики (за вычетом персоязычного Таджикистана), непризнанную Турецкую республику Северного Кипра, ряд областей, автономий и национальных республик с компактно проживающими в них тюркоязычными этносами в России (Северный Кавказ, Татарстан, Башкортостан и др.), Китае (Синьцзян-Уйгурский автономный район), а также в Крыму (ставшем только недавно российским). Турецкие политики планировали создать единое политико-экономическое пространство для тюркских государств Евразии — с общим рынком, единой региональной энергосистемой, системой транспортировки энергоресурсов и пр. Этот проект, идейным вдохновителем которого был президент Т. Озал, в целом поддержали ЕС и США, заинтересованные в ограничении российского влияния на постсоветское пространство, хотя для России турецкие амбиции были предсказуемо неприемлемы, поскольку противоречили ее интересам.

В январе 1992 г. при Министерстве иностранных дел Турции было создано Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТИКА), которое включало в себя два отдела, курировавших экономические и культурные связи с новыми независимыми государствами СНГ. Начиная с 1993 г., Турция стала регулярно проводить саммиты тюркоязычных государств.

Между тем проект по созданию своего рода «содружества тюркоязычных государств» требовал значительных материальных и финансовых затрат, что в 1990-е годы Турции оказалось не по силам. Да и основным приоритетом турецкой внешней политики оставался западный вектор. Кроме того, форсированное вмешательство Турции в дела южнокавказских государств, других постсоветских республик грозило осложнениями в отношениях с Россией. Экономическое, энергетическое и торговое сотрудничество с ней Турция не готова была принести в жертву идеям общетюркской солидарности. Кроме того, хотя переживавшие серьезный системный кризис бывшие советские республики склонны были рассматривать Турцию как пример современного и динамично развивающегося государства, сделали турецкое направление приоритетным, пожалуй, только правящие элиты Азербайджана. В других республиках был взят курс на «многовекторность», в соответствии с которым приветствовались контакты с различными реальными и потенциальными экономическими донорами.

Идеология «неоосманизма» (*Neo-Osmanlilik*), ставшая после победы на выборах 3 ноября 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Р. Эрдоганом (президентом Турции с 2014 г.) стержневой во внутренней и внешней политике Турции, нацеливает республику на обретение ею собственно-

го «ближневосточного», а также «балканского», «кавказского», «среднеазиатского» измерений. Сотрудничество с государствами этих регионов Турция пытается сочетать с сохранением тесных стратегических отношений с Соединенными Штатами и Евросоюзом и одновременным расширением разнообразных связей с Россией, которые характеризуются позитивной динамикой, как в области торгово-экономического, так и в сфере политического сотрудничества. Достаточно сказать, что объём двусторонней торговли с Россией достигает 38 млрд. долл. в год, из России Турция получает 50% потребляемого газа и ежегодно принимает миллионы российских туристов.

Турецкую внешнюю политику отличает такая особенность: региональная составляющая этой политики — будь она направлена на ЕС, Ближний Восток, Россию, Центральную Азию или Кавказ — превращена в неотъемлемую часть глобальной стратегии Турции, претендующей на роль одного из влиятельных игроков современной мировой политики. В рамках этой стратегии ПСР активно использует такие важные инструменты, как дипломатия и бизнес-структуры, развивает новые формы партнерства в различных регионах мира, и, в частности, расширяет турецкое культурное и политическое влияние в южном приграничье России — на Южном Кавказе.

Здесь внешнеполитическим и внешнеэкономическим приоритетом Турции остается Азербайджан, который развивает сотрудничество с Турцией на двусторонней основе, а также в рамках Организации Черноморского экономического сотрудничества и других объединений. По самому болезненному для Азербайджана вопросу — карабахскому — позиция Турция остается неизменной: она признает территориальную целостность Азербайджана и выступает

за решение карабахской проблемы исключительно в пользу своего тюркоязычного «брата».

Если с Азербайджаном Турцию сближает культурно-языковой фактор, этничность и религия (ислам), то в отношениях с другой южнокавказской страной – Грузией, большее значение для Турции имеют вопросы экономики и политики, совместные проекты в области энергетики и транспортной инфраструктуры. Турция заинтересована также в Грузии как в стране, через территорию которой можно осуществлять транзит грузов в *Россию и другие страны*.

В прошлом грузинское руководство надеялось на то, что, широко открывая для Турции границы республики, оно сможет с помощью турецкого фактора ослабить российское влияние и в самой Грузии, и в регионе Кавказа. Результатом стало возрастание присутствия Турции в отдельных регионах Грузии, что особенно тревожно в контексте возможных притязаний Турции на Аджарию, которая включается часто в границы «Новой Турции» (по Карсскому договору 1921 г., который, правда, в 2005 г. был денонсирован Парламентом Грузинской Республики).

Перспективы нормализации отношений Турции и Армении не просматриваются, ввиду того, что Турция занимает в Карабахском конфликте сторону Азербайджана и отказывается признать историческую вину за геноцид армян в 1915 г.

Турецкая финансовая помощь Азербайджану и Грузии, предоставляемая в виде грантов, кредитов и технической поддержки, все же несопоставима с экономическим влиянием здесь куда более мощных игроков – ЕС, США, России, Израиля, других стран, имеющих на Южном Кавказе свои интересы. Поэтому Турция не связывает себя в этом регионе крупномасштабными проектами и предпочитает продви-

гать — с использованием элементов так называемой «мягкой силы» — коммерческие, культурные и образовательные программы, опираясь на формально негосударственные, но активно поддерживаемые турецким правительством структуры.

Так, созданное ещё в 1992 г. при аппарате премьер-министра Турции Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТИКА), Организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ) и другие активно ведут, преимущественно в Центральной Азии и Азербайджане, деятельность, которую смело можно отнести не только к культурной и экономической, но и к идеологической. Действует, кроме того, и такая структура, как Тюркская Парламентская ассамблея, Совет старейшин и Тюркская Ассамблея, которая занимается изучением общих исторических корней тюркской культуры.

Что касается энергетических и экономических вопросов взаимодействия Турции со странами южного пограничья России, то эти проблемы относятся к компетенции учреждённого в 2010 г. в Стамбуле Совета сотрудничества тюркоязычных государств. В его состав, помимо Турции, входят три центральноазиатских государства (Казахстан, Туркменистан, Киргизия) и Азербайджан. Состоявшийся в начале июня 2014 г. в турецком Бодруме IV саммит Совета обсудил, наряду с другими проблемами, возможность транспортировки каспийских углеводородов в Европу. По результатам саммита была подписана декларация «Тюркский совет — современный Шелковый путь».

Обращают на себя внимание и попытки Турции наладить с постсоветскими государствами взаимодействие в военно-политической сфере. Так, в январе 2013 г. в Баку по инициативе Турции была учреждена «Евразийская ассоциация правоохранительных орга-

нов с военным статусом» в составе Турции, Азербайджана, Кыргызстана и Казахстана. Организация нацелена на сотрудничество входящих в неё государств в деле противодействия организованной преступности, террористической и контрабандной деятельности, активности радикальных исламистских групп. Особо подчеркивается, что данная ассоциация не является пантюркистским движением, не направлена против какого-либо общего врага, государства или организации и не предполагает противостояние, в частности, России.

В целом конфликта интересов Турции и России на Южном Кавказе не наблюдается, и речь может здесь идти лишь о частичном разграничении сфер влияния. Регионы к югу от России несомненно представляют ценность для нее самой, а также и для Турции, и здесь их сотрудничеству благоприятствует ряд объективных факторов.

Во-первых, это выгодное географическое положение Турции, которая контролирует Черноморские проливы, является своеобразным мостом между Европой и Азией, что открывает перед Россией и странами Южного Кавказа дополнительные возможности в плане реализации собственных экономических и политических интересов. Во-вторых, Россия и Турция, являясь каждая мотором региональной кооперации и создавая атмосферу доверия и взаимной заинтересованности всех участников интеграционных процессов, способствуют снижению напряженности в Южнокавказском и Черноморско-Каспийском регионах. В-третьих, Турция и Россия, как крупные евразийские государства со значительным мусульманским населением, способны при определённых обстоятельствах играть роль посредников в отношениях между странами постсоветского Юга с преиму-

щественно мусульманским населением (Азербайджаном, в частности), Западом и миром ислама.

Основой для российско-турецкого сотрудничества с государствами российского южного пограничья является активное неприятие всеми ими радикального исламизма. Как Россия, так и Турция, сохраняют заинтересованность в сохранении светского характера политических систем в регионе.

Новые возможности в плане увеличения торгово-экономических контактов, а также и получения доступа к рынкам Сибири и Китая, открываются для Турции в иницилируемых Россией совместно с Белоруссией и Казахстаном проектах углубленной экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), к которому присоединилась в 2015 г. Армения. Учитывая открывающиеся в этом объединении новые выгодные перспективы, Турция, входящая в Таможенный союз ЕС, выразила заинтересованность в подключении в будущем к Евразийскому союзу.

Турция и Россия могут расширить своё двустороннее сотрудничество, если им удастся оградить эти связи от различных политических разногласий и давления со стороны США и некоторых европейских стран, ревниво относящихся к возможности формирования такого партнёрства. Учитывая характер новых вызовов, Россия намерена развивать сотрудничество с Турцией, несмотря на сохраняющиеся разногласия с ней по ряду проблем. Да и в целом, российско-турецкое сотрудничество имеет солидный потенциал, поскольку наши страны связаны многолетним опытом взаимодействия, серьёзным деловым и политическим партнёрством. Такое сближение с Россией побуждает Турцию к большему учету в ре-

гионе Кавказа российских интересов, к проведению там более сбалансированной политики.

Своеобразным оселком, на котором прошло проверку уже достаточно укрепившееся российско-турецкое партнерство, стал крымский вопрос вкуче с начавшимся после воссоединения Крыма с Россией украинским кризисом. Априори предполагалось, что Турция, как член НАТО и государство, стремящееся попасть в ЕС, должна была, подобно всем остальным участникам этих объединений, действовать в рамках блоковой солидарности, выказывая одновременно лояльность по отношению к западным союзникам, наделившим себя правом решать, какие страны мирового сообщества – нарушители международного права, а какие – нет. На какое-то время обрела также актуальность проблема взаимоотношения Турции с крымскими татарами, отдельные представители которых – противники того, чтобы Крым стал российским – призывали Анкару вмешаться, напоминая об исторических, культурных, религиозных узах, связывавших оба народа – крымско-татарский и турецкий. В конечном итоге турецкую позицию определили как собственные интересы, так и значимость в турецкой экономике и политике российского фактора.

Турция стала едва ли не единственной страной-членом НАТО, которая не ввела санкции против России. Не поддержала Турция, будучи сама многонациональным государством, антироссийских настроений радикально настроенного меньшинства крымских татар, поскольку это могло принести массу проблем в отношениях с курдами и спровоцировать совершенно нежелательную для Турции ответную реакцию со стороны России. Таким образом, в подходах к весьма болезненным для России вопросам турецкое руководство проявляет здоровый прагматизм, особен-

но примечательный на фоне позиций европейских стран и даже некоторых партнеров России по ЕАЭС и ОДКБ.

Вместе с тем в России существуют опасения относительно возможности усиления культурно-образовательного, религиозного, политического воздействия Турции на черкесские и другие мусульманские общины Кавказа, Поволжья, Крыма, поскольку это может способствовать развитию радикальных исламистских движений, как в самой России, так и в сопредельных с ней государствах.

Ограниченные экономические и финансовые возможности еще в 1990-е годы не позволили Турции заполнить геополитический вакуум, образовавшийся в южном приграничье России после распада СССР. В последние годы положение только ухудшается: с 2013 г. под влиянием мирового финансово-экономического кризиса в Турции наблюдается резкое замедление темпов роста, снижение курса национальной валюты (турецкой лиры), увеличение безработицы. Сказывается на Турции и общая дестабилизация на Ближнем Востоке, гражданская война в Сирии, рост радикального исламизма, подрывающего нормальное развитие государств региона. Неустойчивой остается ситуация на границе Турции и Сирии, а присутствие почти 2 млн. сирийских беженцев в приграничных с Сирией турецких районах, где компактно проживает религиозное меньшинство — алавиты, создает, во-первых, серьезную социальную напряженность в этом регионе, а, во-вторых, грозит шиитско-суннитской конфронтацией.

### **Иран: прагматизм исламской республики**

Исламская Республика Иран (ИРИ) — одна из немногих стран в мире, которой удавалось до недавне-

го времени максимально дистанцироваться от всех мировых центров влияния и доказывать на практике свою суверенность и субъектность в мировой политике. Немалое значение для подобного внешнеполитического позиционирования Ирана имеет потенциал республики. Он определяется несколькими важными факторами.

Во-первых – это выгодное геостратегическое положение, открывающее Ирану широкие возможности для экономического и политического маневрирования на ближневосточном, кавказском, центральноазиатском и каспийском направлениях. Иран имеет легкий доступ в Китай, Афганистан, Центральную Азию и дальше – на Дальний Восток, что позволяет ИРИ легко подключиться к планируемому проекту исторического «Шёлкового пути», подразумевающему участие в нем также России, центральноазиатских и южнокавказских государств. Иран является единственным из пяти прикаспийских государств (остальные – Азербайджан, Казахстан, Россия и Туркменистан), кто имеет прямой выход к Индийскому океану. При транспортировке энергоресурсов из Каспийского региона это дает Ирану определенные преимущества перед Россией, а также перед его стратегической соперницей – Турцией.

Во-вторых, роль Исламской Республики Иран в региональных и мировых делах определяется в известной мере тем, что Иран является центром мирового шиизма. Его приверженцы в Иране составляют религиозное большинство, а по всему мусульманскому миру численность шиитов в процентном отношении варьирует от 10 до 15% (или от 130 до 230 млн. человек).

Наконец, в-третьих (но не в последнюю очередь), значимость Ирана обусловлена обладанием им круп-

нейшими источниками углеводородных природных ископаемых: на Иран приходится 10% доказанных мировых запасов нефти и 15% запасов природного газа. Контроль над таким массивом мировых энергоресурсов позволяет Ирану активно соперничать с ведущими газо- и нефтеэкспортерами, включая и Россию.

После падения СССР многие ожидали, что Иран станет ведущим игроком на Южном Кавказе, но этим прогнозам не суждено было сбыться. Армения, Азербайджан и Грузия развернулись на север и запад, войдя в состав европейских структур (ОБСЕ, Совет Европы, Восточное партнерство ЕС), а Армения стала участницей патронируемых Россией объединений – ОДКБ и ЕАЭС. Иран фактически остался в стороне от процессов, в которые были вовлечены государства Южного Кавказа. Свою негативную роль сыграли и наложенные на Иран Западом экономические санкции. Имело значение и то, что приоритетом внешней политики Ирана остается зона Персидского залива, Ближний Восток, а также регион, условно обозначаемый как АфПак (Афганистан+Пакистан). Иран, однако, заинтересован в выстраивании добрососедских отношений как с Россией, так и с государствами Южного Кавказа.

Стратегическая цель политики Ирана в этом регионе – недопущение усиления здесь позиций нерегionalных держав, прежде всего – США и Израиля. При этом взаимодействие Ирана со своими соседями по региону определяется множеством факторов, порожденных особенностью двусторонних и многосторонних отношений в семиугольнике: Азербайджан – Иран – Россия – США – Турция – Армения – Грузия.

В отношениях Ирана с Россией немаловажное значение имеет экономический аспект, связанный

с возможностью интенсификации взаимовыгодных торгово-экономических отношений. Они облегчаются благодаря запуску на международном уровне процесса разблокирования иранского «ядерного вопроса». Заключенные 24 ноября 2013 года Женевские соглашения стран «шестёрки» международных посредников и Ирана предусматривают прекращение Ираном обогащения урана выше 5% и доступ МАГАТЭ к ядерным объектам в Натанзе и Фордо в обмен на облегчение режима санкций. На этом фоне Москва и Тегеран продолжили обсуждение вопроса о возможности поставок в Россию иранской нефти, а в Иран – российских товаров и оборудования. Россия, в целом уже накопившая определенный опыт в создании уравнивающих глобальное противостояние балансов и контрбалансов, рассчитывает привлечь Иран к выстраиванию новой и более устойчивой системы региональной безопасности в своем южном приграничье.

Благоприятным фактором является то, что Иран до недавнего времени занимал по проблемам российского Северного Кавказа в целом конструктивную позицию. Официальный Тегеран в свое время поддержал Москву в ее борьбе против сепаратизма и исламистского терроризма в Чечне и вокруг нее. Не осудил Иран и действия России на Кавказе в августе 2008 года, хотя признавать Южную Осетию и Абхазию в качестве независимых государств не собирается, что объясняется, по всей видимости, еще и тем, что в самой Исламской Республике сохраняет свою остроту проблема живущих на ее территории курдов, белуджей, арабов и других народов.

Что же касается отношений Ирана с тремя южнокавказскими странами, то их следует характеризовать как неоднозначные.

Самое развитое взаимодействие у Ирана – с Арменией, и есть все основания ожидать, что возможное потепление в отношениях между Ираном и Западом (в том случае, разумеется, если удастся согласовать достигнутые 2 апреля 2015 г. в Лозанне договоренности по ядерной программе Ирана) еще больше укрепит экономические связи Тегерана и Еревана. В частности, речь может идти о строительстве железной дороги, которая свяжет Иран и южные регионы Армении, что могло бы послужить хорошим стимулом для развития армянской экономики.

Проблемными остаются отношения между Ираном и Азербайджаном; у них сохраняются взаимная настороженность и недоверие. Баку видит в своем соседе в первую очередь потенциальную региональную угрозу и смотрит на Иран как на пограничное исламское государство, которое может всколыхнуть шиитскую часть населения страны. Для Ирана Азербайджан с его населением в 8 млн человек – подозрительное светское государство, находящееся к тому же в дружественных отношениях с иранским врагом № 1 – Израилем. Опасается Иран и потенциально-го воздействия Азербайджана на проживающих в северных районах ИРИ этнических азербайджанцев (17-18 млн человек, что составляет 20-25% населения Ирана). У обоих государств есть инструменты давления друг на друга, и следует только надеяться на то, что обе стороны будут проявлять взаимную сдержанность.

В отношениях с Грузией приоритетными для Ирана являются следующие факторы:

- возможность использования грузинской территории для транспортировки нефте- и газопродуктов из Ирана в Европу (в случае нормализации отношений с ней);

- перспектива подключения к транспортному коридору Север-Юг, где Грузия является важным звеном, поскольку имеет выход к Черному морю, что может благоприятствовать развитию ирано-грузино-европейских торговых связей;
- доступ к получению необходимых товаров и технологий и экспорт собственных товаров;
- поддержание региональной безопасности, противодействие этническому сепаратизму и религиозному экстремизму.

Углубление грузино-иранских отношений, в результате чего в руках иранского бизнеса оказалась значительная часть местной экономики, можно рассматривать с разных позиций — как свидетельство экспансии Ирана на те немногие не закрытые вследствие экономической блокады ЕС/США рынки и как стремление Грузии к налаживанию связей с альтернативными России экономическими партнерами. В открытии же 4 ноября 2011 г. в центре Батуми генерального консульства Ирана можно при желании разглядеть стремление Тбилиси уравновесить в Аджарии турецкое влияние

Иран довольствовался до недавнего времени ролью стороннего наблюдателя в политической жизни Южного Кавказа и принимал весьма скромное участие в событиях, происходивших к северу от его границ. Занимал Иран и достаточно взвешенную позицию по Карабахскому конфликту (напомним, что бывшее Карабахское ханство находилось в составе Персии до 1813 года) — в отличие от другого регионального игрока — Турции. Так что в целом иранская тактика в южном приграничье России отличается сбалансированностью и ей присуща осторожность. Однако ожидаемая многими нормализация отношений Ирана с Западом делает возможным выход ИРИ из изоляции,

его сближение с США и ЕС. Это побуждает соседей Ирана по Кавказскому региону задаваться вопросом: а не изменится ли поведение Исламской Республики, не начнет ли восстанавливающийся Иран активно заниматься прозелитской деятельностью в районах традиционного проживания мусульман?

Представляется, что развитие отношений Ирана с государствами Южного Кавказа в религиозной и политической сферах будет, скорее всего, как и раньше, сдерживаться рядом объективных факторов. Один из них связан с тем, что преимущественно тюркоязычные народы региона, в далеком историческом прошлом входившие с Ираном, бывшим тогда еще Персией, в различные государственные образования, более настороженно воспринимают теократический Иран, нежели Турцию, декларирующую приверженность светской модели. Еще одно препятствие для расширения иранского влияния – присутствие в регионе других государств, уже утвердившихся на этом важном геополитическом пространстве, являющихся соперниками и конкурентами Ирана в региональной и мировой политике. Наконец, Иран имеет слишком незначительный экономический потенциал, ослабленный к тому же многолетними санкциями, чтобы резко усилить свое экономическое влияние в регионе Южного Кавказа. В известной мере это касается и Турции: ее внешнеэкономический и внешнеполитический потенциал, несмотря на возросшие амбиции этой региональной державы, во многом лимитируется серьезными внутренними проблемами, на преодоление которых понадобятся и время, и благоприятная мировая обстановка.

*Ярлыкапов А.А. (Москва)*

## **«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» (ИГ): ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЮГА РОССИИ<sup>1</sup>**

На Ближнем Востоке турбулентность возникает по разным причинам, но со второй половины XX века все большую роль играет религия, конкретно — все более политизирующийся ислам.

За последние два десятилетия стремительно набирает обороты новое явление — так называемая «исламская глобализация». Используя технические достижения западной цивилизации, мусульманские «глобалисты» стали усиленно продвигать свой собственный проект в пике глобализации, ведомой западными странами.

Локомотивом этого движения являются представители разношерстной фундаменталистской группы салафитов. Главная идея — стремление к единому исламу, отрицание «мазхабов», т.е. самостоятельных направлений и течений, призыв не делиться, а прийти к единообразной форме ислама, на примере общины времен Пророка и четырех праведных халифов. Это неминуемо ведет салафитов к конфликту с местными исламскими лидерами, а также с этническими лидерами, которые видят в этом «глобализующем» исламском проекте угрозу для себя. Проблематичен он также и для лидеров и элит национальных государств,

---

1. Данное научное исследование проводилось при поддержке РГНФ, проект №14-03-00511 «Современные исламские политические концепции в России: идеология и практика» (руководитель — А.А. Ярлыкапов).

поскольку признает только одну нацию — исламскую, и только одно легитимное политическое решение — государство, созданное по законам Всевышнего.

Однако этот, казалось бы, предельно простой политический проект не объединил мусульман, а напротив, вызвал к жизни процессы дробления среди самих салафитских групп. Эти процессы приводят, с одной стороны, к усилению мозаичности ислама, даже на относительной периферии исламского мира, и в местах давнего его распространения (там, где есть довольно сильные формы так называемого «традиционного» ислама).

### **Рост мозаичности салафитского поля**

Процессы дробления не обошли даже такие скрепленные политическим союзом с правителями религиозно-политические движения, как ваххабизм. И пример ваххабизма весьма показателен, поскольку он обычно изображается как монолит, который якобы существует в едином виде не только на территории Королевства Саудовская Аравия (КСА), где пользуется поддержкой властей, но и за рубежом. На самом деле то, что происходит сейчас с ваххабизмом даже на территории Аравийского полуострова, хорошо иллюстрирует, какой бурлящий котел представляет собой современное салафитское поле.

Большую группу составляют т.н. «классические ваххабиты», те, кто придерживается взглядов основателя движения Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба, поддерживает королевскую власть, государственный строй КСА. Лидеры этой группы — в первую очередь муфтий КСА, шейх Абд аль-Азиз Ал аш-Шайх, шейхи Албани, Усеймин, Салих аль-Фаузан. Их взгляды отличаются относительной умеренностью, как в вопросах вооруженного джихада, так и в вопросах политической лояльности.

Другая группа, которая откололась от «классической» и критикует ее, а также современный строй КСА — это ваххабиты-«джихадисты». Эти люди разошлись с остальными ваххабитами в вопросе методов, считают, что сегодня необходимо всем мусульманам без исключения вести оборонительный джихад, поскольку мусульмане якобы везде подвергаются агрессии. Именно на их подходе основана идеология аль-Каиды.

Саудовский режим вначале успешно вытеснял их за пределы королевства, джихадисты весьма помогли саудитам и американцам, например, во время советского военного присутствия в Афганистане, распространились по другим странам. Однако к 2000-м годам они уже стали покушаться на само КСА и его устои, что вызвало ответные репрессивные меры саудовского режима. И тогда начались репрессии в отношении их лидеров — королевские власти посадили в тюрьму шейха Мухаммада аль-Кахтани, известного мухаддиса шейха Сулеймана аль-Ульвана, шейха Абу Мухаммада аль-Макдиси. Последний — духовный наставник аз-Заркави, фактически того, кто стоял у истоков ИГИЛ/ИГ. Всех этих лидеров и их последователей обычно называют «хариджитами», подчеркивая не только их непримиримость и крайность в вопросах, касающихся веры и религии, но и их «сектантство».

Ну и, наконец, еще одна группа, которая показывает, насколько динамично может меняться салафитское поле, и насколько оно причудливо. Речь идет о тех ваххабитах, которые подпали под влияние известного проповедника из Катара, симпатизирующего «братьям-мусульманам» Юсуфа аль-Кардави. Яркими представителями этой группы являются шейхи Мухаммад аль-Ариффи, Сальман аль-Ауда. Их можно условно назвать «ихванизированными» ваххабитами.

Описанные процессы, связанные с ваххабизмом, хорошо иллюстрируют картину «кипящего котла» идей, взглядов и подходов, которые охватили практически весь суннитский мир. Религиозная карта резко меняет цвета, она динамична – в течение полугода ситуация в конкретном районе или населенном пункте может смениться кардинально. Надо также понимать, что наличие «традиционного» имама в мечети вовсе не означает лояльности ее прихожан – есть феномен «электронных» муфтиев и имамов, которые целенаправленно проповедуют в сети Интернет.

### **Взлет «Исламского государства» (ИГ)**

В таком бурлящем окружении на Ближнем Востоке в 2013–2014 гг. усиливается так называемое «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), превратившееся в 2015 г. в просто «Исламское государство» (ИГ).

Корни ИГИЛ/ИГ уходят в созданную в 1999 г. иорданцем Абу Мусабом аз-Заркави группировку «Джамаат ат-тавхид ва-ль-джихад» («Общество единобожия и джихада»)². В 2004 г., после того, как аз-Заркави присягнул Усаме бин Ладену, группа была переименована в «Организацию основы джихада в Месопотамии» («Танзим каидат аль-джихад фи биллад ар-рафидайн»), которая также была широко известна, в основном на Западе, как «аль-Каида в Ираке». В январе 2006 г. она объединилась с несколькими группировками в «Совет Шуры моджахедов» (Mujahideen Shura Council). Основатель движения аз-Заркави был убит в июне 2006 г., а в октябре того же года «Совет Шуры моджахедов» совместно с несколькими другими джихадистскими группировками

---

2. Aaron Y. Zelin. The War between ISIS and al-Qaeda for Supremacy of the Global Jihadist Movement. In: The Washington Institute for Near East Policy. Research Notes. Number 20 – June 2014. P. 1.

объявил о создании «Исламского государства Ирак» (ад-Дауля аль-Ирак аль-Ислямийа)<sup>3</sup>. Руководителями стали Абу Абдуллах аль-Рашид аль-Багдади и Абу Аййюб аль-Масри, после гибели которых в апреле 2010 г. лидером стал Абу Бакр аль-Багдади.

8 апреля 2013 г. расширившая свои действия на территорию Сирии группировка стала называться «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ)<sup>4</sup>. Из-за организации «Джабхат ан-Нусра» («Фронт ан-Нусра»), которую аль-Каида считала своим отделением, начались трения между ИГИЛ и аль-Каидой<sup>5</sup>. В 2014 г. произошел окончательный разрыв между ИГИЛ и аль-Каидой.

29 июня 2014 г. организация объявила себя всемирным халифатом. Абу Бакр аль-Багдади был провозглашен халифом и «лидером всех мусульман». Его также стали называть «халифом Ибрагимом». Представители организации также заявили, что теперь она будет называться просто «Исламское государство» (ИГ), отбросив ненужную, как они считают, географическую привязку – что должно было подчеркнуть всемирный характер провозглашенного халифата<sup>6</sup>.

Как минимум с 2004 г. группировка ставила своей целью создание государства именно в форме халифата, государства, которое управляется религиозными властями во главе с халифом, признающим преемником пророка Мухаммада, его «заместителем». Объявление халифом аль-Багдади в июне 2014 г. требовало серьезных оснований, которые были изложены

3. Нечитайло Д.А. Ирак: от «Аль-Каиды» к исламскому государству Ирак // Интернет ресурс «Институт Ближнего Востока». 7 апреля 2007 г. Адрес публикации: <http://www.iimes.ru/?p=5621>.

4. ISI confirms that Jabhat al-Nusra is its extension in Syria, declares "Islamic State of Iraq and al-Sham" as new name of merged group. In: MEMRI. Special Dispatch №5264. April 8, 2013. <http://www.memri.org/report/en/print7119.htm>.

5. Aaron Y. Zelin. Ibid. P.4.

6. Боевики ИГИЛ заявили о создании халифата в Сирии и Ираке // Интернет-ресурс «BBC. Русская служба». 30 июня 2014 г. Адрес публикации: [http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/06/140630\\_isis\\_iraq\\_islamic\\_state](http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/06/140630_isis_iraq_islamic_state).

в специальном манифесте «Это обещание Аллаха», в котором новоявленный халиф провозглашен выходцем из семьи Пророка, особенно подчеркнуто в его полном имени, что он из племени курайш и рода хашим, как и пророк Мухаммад<sup>7</sup>.

Объявление аль-Багдади халифом формально давало ему право требовать полного подчинения всех мусульман мира. Опубликованный ИГИЛ манифест объявлял: «Законность всех эмиратов, групп, государств и организаций становится ничтожной через распространение власти халифата и прибытие его войск на их территории»<sup>8</sup>. Такая формулировка фактически означала территориальные претензии ИГИЛ к России — поскольку в этом манифесте действующий на Северном Кавказе террористический «Имарат Кавказ» наряду с другими такими образованиями по всему миру фактически объявляется частью ИГИЛ.

То, каким образом была обоснована правомочность претензий аль-Багдади на халифат, однозначно говорит об ИГ как о суннитской организации. Однако более четко определить идеологию ИГ очень трудно — это скорее эклектика, нежели что-то конкретное. Многие эксперты определяют идеологию ИГ как «салафитскую», «салафитско-джихадистскую», или «суннитский исламизм». В то же время мы должны отдавать себе отчет в том, что большинство салафитских группировок не только не признало ИГ халифатом, но даже считает этот проект антиисламским.

Эклектичный характер идеологии ИГ породил несколько взаимоисключающих версий об ее корнях. В частности, некоторые эксперты считают, что ИГ и аль-Каида якобы имеют корни в идеологии Братьев-

---

7. "This is the promise of Allah". Alhayat Media Center. P.5. Published in: <http://msnbcmedia.msn.com/i/MSNBC/Sections/NEWS/z-pdf-archive/20140629-isil-manifesto.pdf>.

8. Ibid.

мусульман<sup>9</sup>. Другие же полагают, что идеологические корни ИГ можно проследить не в идеологии Братьев-мусульман или аль-Каиды, а в идеологии ваххабизма. Об этом якобы свидетельствует широкое использование ваххабитских религиозных учебников в школах на территории ИГ<sup>10</sup>. Первая версия, на наш взгляд, совершенно неправдоподобна, поскольку ИГ свой политический проект продвигает методами, которые противоположны методам Братьев-мусульман. Что же касается ваххабитских корней идеологии ИГ, то эта версия имеет основания – ранние группировки, позднее составившие ядро ИГ, составили филиал аль-Каиды в Ираке. Аль-Каида была создана выходцами из КСА, воспитанными на ваххабитской идеологии.

В связи с влиянием на идеологию ИГ нам интересна группа ваххабитов-«джихадистов». Имея корни в этом крыле ваххабитского движения, идеология ИГ пошла настолько дальше, что даже от замороженные идеологи ваххабитов-«джихадистов» стали отказываться им в легитимности.

ИГ следует экстремистской интерпретации ислама, оправдывает насилие религиозными соображениями, а также объявляет всех, кто не принимает их интерпретацию ислама, неверными и отступниками. Эта группировка, как и другие салафитские группы, говорит о необходимости возвращения к порядкам первых веков ислама, что нашло отражение в символах ИГ. В частности, на официальном флаге черного цвета расположена печать пророка Мухаммада со словами «Мухаммад посланник Аллаха», а над ней расположены слова «Нет Бога кроме Аллаха». Помимо прочего, это должно подчеркнуть, что ИГ явля-

9. Ghaffar Hussain. Iraq crisis: What does the Isis caliphate mean for global jihadism? In: The Independent. 30 June 2014.

10. David D. Kirkpatrick. ISIS' harsh brand of Islam is rooted in austere Saudi creed. In: The New York Times, 24 September 2014.

ется полным и единственным преемником халифата времен четырех первых «праведных» халифов.

Как и другие салафитские группы, ИГ призывает освободить ислам от новшеств в религии, наслонившихся за многие века его истории, поскольку они якобы противоречат его духу. Все последующие халифаты после первых четырех «праведных» халифов, обвиняются в том, что отступали от чистоты первоначального ислама, внося в него различные «непозволительные» новшества. Современные мусульмане, которые, по их мнению, забыли Божественный Закон и следуют в большинстве своем светскому праву национальных государств, являются неверующими. Только халифат ИГ, считают его основатели, имеет легитимный характер впервые со времен «праведных» халифов.

В идеологии ИГ имеются также элементы эсхатологии: они в своей пропаганде утверждают, что ожидается прибытие исламского Мессии – Махди – буквально в ближайшее время. Идеологи ИГ избрали в качестве названия официального электронного издания название сирийского города Дабик, который в одном из хадисов назван местом последней битвы мусульман с «римлянами» (или, как называют идеологи ИГ, «крестоносцами») <sup>11</sup>.

Идеология и практика ИГ подвергается жесткой критике даже со стороны самых влиятельных джихадистских богословов. Они критикуют ИГ как насильственное, а его самопровозглашенный халифат как абсолютно ничтожный <sup>12</sup>. Салафитские джихадистские муфтии Аднан аль-Арур и ат-Тартуси вообще отказывают ИГ в принадлежности к суннитам, считая их отошедшими от суннизма и служащими

---

11. Why Islamic State chose town of Dabiq for propaganda. In: BBC. 17 November 2014. <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-30083303>

12. David D. Kirkpatrick. Ibid.

антиисламским силам. Их даже называют создателями «сионистов, крестоносцев и сефевидов», которые вносят смуту среди мусульман<sup>13</sup>.

Идеологию ИГ широко распространяет налаженная пропагандистская машина. Эта машина широко использует достижения так ненавидимой западной культуры, особенно Интернет. Пропаганда ведется в социальных сетях, таких как Фейсбук и особенно Твиттер. По неофициальным данным, на декабрь 2014 г. имелось более 90 тыс. твиттер-аккаунтов, поддерживающих ИГ, «Уолл Стрит Джорнэл» со ссылкой на аналитический доклад Института Брукингса сообщает об использовании сторонниками ИГ как минимум 46 тысяч твиттер-аккаунтов<sup>14</sup>. ИГ активно участвует в войне хэштегов в Интернете, а также использует хэштеги в вербовочной деятельности. В частности, в 2014 г., когда шло активное территориальное расширение ИГИЛ, наиболее активным и популярным хэштегом в материалах ИГИЛ был хэштег «хиджра», обозначающий переселение мусульман на исламские земли.

Широко используются в пропагандистских целях ролики с казнями. Широко распространенная форма казни – отрубание головы. Чудовищной подробностью многих казней, которая должна сильнее терроризировать аудиторию, является участие в казнях мальчика с азиатской внешностью (предполагают, что он является казахом по национальности).

Пропаганда ИГ фактически обращена к двум разным аудиториям – арабской, исламской (суннитской) и европейской, в принципе не исламской. С учетом разности этих аудиторий и производятся

---

13. Jihadist ideology: The slow backlash – sunni religious authorities turn against Islamic State. In: The Economist. 6 September 2014.

14. Report: ISIS Backers Used at Least 46,000 Twitter Accounts in 2014. In: WSJ. 6 March 2015. Адрес публикации в Интернет: <http://blogs.wsj.com/digits/2015/03/06/report-isis-backers-used-at-least-46000-twitter-accounts-in-2014/?mod=ST1>.

пропагандистские материалы. В коротких вербовочных видео ИГ предстает как братство воинов, в них используется образ победителей, звучат популярные по всему миру нашивы (религиозные песнопения), сопровождающие видеоряд. В этих видеоматериалах ИГ предстает как победно шествующее по миру, несущее мусульманам торжество справедливости. Основные медиаструктуры – это агентство «Аль-Фуркан», медиа-центр «Аль-Хаят», сетевой журнал «Дабик» и радиосеть «Аль-Баян». При том, что материалы ИГ распространяются на 23 языках, русский язык является третьим по значимости (после арабского и английского).

Бывший ИГИЛ, а ныне ИГ представляет собой теократию. Оно возглавляется и управляется Абу Бакром аль-Багдади. Согласно шариатским положениям о государственном устройстве, при аль-Багдади образован кабинет советников, «маджлис уль-шура», т.е. «собрание совета (Шура)». Этот совет (Шура) наделен также полномочиями следить за тем, чтобы действия всех органов власти в ИГ соответствовали его идеологии и пониманию шариата. Аль-Багдади назначил двух своих заместителей, Абу Муслима ат-Туркмани в Ираке и Абу Али аль-Анбари в Сирии. Местную власть на территории, контролируемой в Сирии и Ираке, представляют 12 губернаторов. Исполнительную власть в ИГ представляют так называемые «советы» по финансам, административный, по военным делам, по делам закона, помощи «иностранным воинам», безопасности, разведки и масс-медиа.

Среди руководства ИГ преобладают иракцы, в значительной мере из-за активного участия в строительстве структур этой группировки бывших баасистов из режима Саддама Хусейна. Обладающие опытом государственного строительства и управления, про-

шедшие военную подготовку в СССР, они внесли неопределимый вклад в укрепление структур ИГ в Ираке и Сирии. Будучи суннитами, они оказались жестко отстранены от дел после американского вторжения и свержения Саддама Хусейна, что вызвало их недовольство и толкнуло к поддержке ИГ, позиционирующей себя как суннитская группировка. Привлеченные к государственному строительству иракские баасисты-сунниты сумели отладить простую и эффективную систему управления на контролируемых ИГ территориях.

Четко налажена финансовая система ИГ. Налоговая служба немедленно устанавливается на взятых под контроль территориях. Налоги основаны на исламском праве — с мусульман взимается религиозный налог закят, ставка которого составляет 2,5% в год с валют и драгоценностей или 10% с урожая<sup>15</sup>. С иноверцев, например живущих в Сирии и Ираке христиан, которые оказались на контролируемых ИГ территориях, взимается подушный налог джизья. Этот налог взимается как плата за то, что государство рассматривает христиан как представителей категории «зимми», т.е. покровительствуемых, которых оно обязуется защищать. В частности, в Мосуле ИГ обложил иноверцев джизьей в размере 100 000 динаров в месяц, что эквивалентно 80 долларам США<sup>16</sup>.

Немаловажным источником пополнения бюджета является также контроль наркотрафика, который дает ИГ около 1 млрд долларов в год. Пополнению финансов служит также и развивающаяся в ИГ трансплантология — тела погибших становятся источником донорских органов. Именно поэтому большим спросом пользуются врачи-хирурги из Европы и России.

15. Следует иметь в виду, что налоговый год у мусульман лунный, который короче солнечного на 11 дней.

16. ISIS demands 'protection tax' from Mosul residents. In: RUDAW. 28.03.2015. <http://rudaw.net/english/middleeast/iraq/28032015>.

Де-факто столицей ИГ является город Ракка на севере Сирии. Американское издание «Уолл Стрит Джорнэл» считает, что к сентябрю 2014 г. на территориях, подконтрольных ИГ, проживало около 8 млн иракцев и сирийцев. На начало 2015 г. ИГ заявлял свои претензии на 24 «вилайята» (провинции), 12 из которых находятся на территории Сирии и Ирака.

Военно-политическая деятельность ИГ состоит в активном участии в конфликтах по всему миру и расширении своей террористической сети. Помимо гражданской войны в Ираке и Сирии, где ИГ расширил контролируемые территории в ходе наступлений в 2013 г. и особенно летом 2014 г., эта группировка стремится вступить в конфликты с участием исламистов по всему миру.

Конец 2014 – первая половина 2015 гг. проходит под знаком расширения географии присутствия ИГ, в основном через принесение присяги (арабск. *байат*) лидерами различных террористических групп. Этот процесс нарастал словно снежный ком: помимо уже упомянутых группировок в ноябре 2014 г. некоторые группировки Талибана, такие как Техрик е-Хилафат, присягнули ИГ; в декабре 2014 г. отдельные полевые командиры из Дагестана присягнули ИГ; в январе 2015 г. появились присягнувшие в Афганистане (в феврале 2015 г. в ходе ударов с воздуха был убит наиболее известный афганский сторонник ИГ Мулла Абдул Рауф); февраль 2015 г. принес ИГ сотни сторонников в Йемене в лице присягнувшей группы Ансар аш-Шариа; в марте 2015 г. ИГ обрел значительную силу в Нигерии, где исламистская группировка Боко Харам принесла присягу; тогда же ИГ присягнуло Исламское движение Узбекистана.

ИГ, скорее всего, не чурается и неформальных контактов с некоторыми государствами, которые по-

дозреваются в тайной поддержке этой организации. Чаще всего подозревают в финансировании ИГ Катар, Саудовскую Аравию и США. Кроме того, ИГ имеет возможность пополнять свои людские резервы и бюджет благодаря позиции некоторых стран, которые не хотят перекрывать пути поставок боевиков и денег на его территорию. В частности, ИГ получает ежедневный доход от 2 до 3 млн. долларов США от контрабандной торговли нефтью, которая уходит через Турцию и Израиль. Турецко-сирийская граница до сих пор остается достаточно прозрачной; по некоторым сообщениям, стоимость переброски одного боевика у коррумпированных турецких пограничников снизилась с 2 тысяч до 400 долларов США.

В своей террористической деятельности ИГ практикует такие варварские методы, как массовые убийства мирных жителей и обезглавливание захваченных пленных. Отличились боевики ИГ и в разрушении богатого исторического наследия Месопотамии; впрочем, есть основания подозревать, что показательные кадры с разрушением музея Мосула, а также развалин древних городов призваны скрыть массовые распродажи исторических памятников для банального пополнения бюджета.

На сегодня расширение террористической сети ИГ можно оценивать как угрожающе успешное. Наверное, наиболее ярким подтверждением этого можно назвать террористическое нападение на выставку карикатур на пророка Мухаммада в городе Гарленд (штат Техас, США), которое осуществили 3 мая 2015 г. двое сторонников ИГИЛ<sup>17</sup>. Несмотря на то, что этот теракт не столь масштабен как другие совершенные от имени ИГ, сам факт того, что он осуществлен в одном

---

17. СМИ сообщили о причастности ИГ к нападению на выставку карикатур в Техасе // Интернет-ресурс Lenta.Ru. 4 мая 2015 г. Адрес публикации в Интернет: <http://lenta.ru/news/2015/05/04/texas/>.

из ключевых североамериканских штатов, говорит о многом. Именно расширению террористической сети ИГ следует уделить особое внимание, поскольку это наиболее угрожающее направление деятельности этого образования.

### **Вызовы для России**

ИГ является серьезным вызовом для безопасности Российской Федерации. Доля кавказцев, присоединившихся к ИГ, а также воюющих на его стороне, неимоверно велика: она составляла на конец 2014 г. от 7 до 10% воюющих по оценкам самих салафитов. Если мы примем среднюю оценочную цифру на тот момент в 30 тысяч боевиков ИГ, то число кавказцев в рядах этой организации будет составлять от 2100 до 3000 человек. Причем большинство в составе этих «кавказцев» составляют представители российского Северного Кавказа; число выехавших из Грузии оценивается в 100 человек, из Азербайджана – от 400 до 500. С Северного Кавказа уехало по разным оценкам от 2 до 7 тысяч человек, поток этот, к сожалению, не останавливается. Глава ФСБ А.В. Бортников оценивает число воюющих в ИГ россиян в 1700 человек, а полпред Президента России в СКФО С.А. Меликов говорит о 1500 человек с Северного Кавказа в рядах ИГ. Следует также учитывать, что молодые люди (а возраст едущих с Кавказа в ИГ варьируется от 16 до 26 лет) выезжают не только напрямую из регионов Северного Кавказа. Некоторые из них радикализируются и становятся экстремистами на российском Севере, а также в крупных городах Юга России, средней полосы, Москве и Санкт-Петербурге, откуда уже и выезжают в Сирию. В частности, из Кизлярского района Республики Дагестан по состоянию на конец 2014 г. в Сирию уехало 15 молодых людей, из них как

минимум 4 – из ХМАО, куда они мигрировали в поисках заработка.

ИГ становится привлекательным для молодых мусульман с Северного Кавказа не только в силу завлекательности пропагандистских материалов. Молодежь привлекают обещания социальной справедливости, которую она отчаялась добиться у себя на родине. Коррупция, клановость, отсутствие социальных лифтов и перспектив толкает молодежь к поискам путей выхода в исламистской идеологии, в утопических проектах введения шариата для решения всех проблем современного общества. Если до этого экстремисты находили себя в рядах боевиков «Имарата Кавказ», то успешный взлет ИГ в 2013-2014 гг. оставил его в практически обезлюдившем состоянии – сотнями боевики покидали его ряды ради присоединения к ИГ. На территории Сирии и Ирака молодые мусульмане увидели реально контролируемую территорию, на которой объявлено исламское правление с якобы успешно работающими исламскими законами.

Анализ вербовочной работы ИГ на территории России говорит о том, что это не хаотичная, а вполне упорядоченная деятельность, имеющая свою стратегию. Вербовщики ИГ, скорее всего, имеют указания, кого следует вербовать в первую очередь. Большое внимание уделяется, например, врачам – в первую очередь хирургам.

Сама сеть вербовщиков на территории России, к сожалению, становится все более и более разветвленной. Вопреки распространенному представлению об исключительной роли электронных ресурсов в вербовке сторонников ИГ, именно реальные вербовщики часто довершают агитацию из Интернета. Они снабжают созревших молодых людей инструкциями,

как проехать на территорию ИГ, с кем связываться, как проникать через границу и т.д. Эта вербовочная сеть, сама по себе нарушающая безопасность нашей страны, может рассматриваться как зародыш будущей террористической сети ИГ в России.

Присоединившаяся к ИГ кавказская молодежь набирается опыта, а также вписывается в выстраиваемую этой организацией мировую террористическую сеть. Для России одной из самых больших проблем станет их неминуемое возвращение. Уже сегодня на Северном Кавказе среди экстремистов развернулась борьба между сторонниками «Имарата Кавказ» и ИГ, которые не признают друг друга. После уничтожения в апреле 2015 г. руководителя «Имарата Кавказ» Кебекова позиции противников ИГ серьезно пошатнулись, вследствие чего идущее противостояние со сторонниками ИГ, скорее всего, закончится победой последних. В течение последнего месяца идет активное присяжание командиров «Имарата Кавказ» аль-Багдади, в результате чего суть этого террористического объединения постепенно меняется: из самостоятельного оно все более превращается в филиал ИГ.

В случае если на Северном Кавказе окончательно одержат верх сторонники ИГ, мы получим его террористическую сеть уже непосредственно на своей территории со всеми вытекающими последствиями. Одним из наиболее опасных станет смена террористической парадигмы на Северном Кавказе – террористы из «Имарата Кавказ» предпочитали не совершать террористических актов против мирного населения, нацеливаясь на силовиков и представителей власти. Сторонники ИГ, несомненно, принесут в регион террористические методы из Ближнего Востока, включая самые дикие и варварские из них. Победа сторонников ИГ приведет также к переориентации

террористов на Северном Кавказе на другую террористическую сеть, которая создана ИГ, и представляет собой более мощное объединение, нежели сеть Аль-Каиды или других джихадистских движений.

### **Выводы**

«Исламское государство» является новым явлением на политической карте мира, его можно назвать «гибридным образованием». С одной стороны, оно представляет собой теократическое государство, с политической властью, контролируемой территорией, аппаратом управления, силовыми структурами, налоговой системой и т.д. Причем ИГ не скрывает целей расширения своей территории на весь мусульманский мир, создавая анклавов в таких стратегически важных странах, как Ливия или Египет. С другой стороны, ИГ наращивает свою террористическую составляющую, расширяя сеть террористических ячеек по всему миру, обращая особое внимание на те страны, в которых уже имеются воюющие с местными властями исламистские группировки. Руководство ИГ также сохраняет сетевую террористическую структуру организации на территориях, контролируемых в Сирии и Ираке, не позволяя ей срашиваться с формируемыми государственными структурами. Это позволяет организации не зависеть от судьбы территориально-политического образования в Сирии и Ираке, которое, например, может быть утеряно в итоге наземной операции коалиции.

Гибридный характер ИГИЛ не позволит одержать над ним победу с использованием традиционных форм борьбы. Война 2006 г. в Ливане показала, что Ближний Восток вступил в эпоху асимметричных войн, когда вооруженная до зубов современная армия может потерпеть поражение от слабо вооружен-

ной сетевой структуры вроде Хизбаллы. То же самое можно говорить о ХАМАС на Палестинских территориях, Хоуситах в Йемене, таким же может быть исход и в случае, если силы коалиции решатся на наземную операцию против ИГ. Российской Федерации ни в коем случае не следует ввязываться в такого рода бесперспективные авантюры, способные окончательно ввергнуть регион в хаос. В то же время в интересах нашей страны перспективное уничтожение угроз, подобных ИГ – следовательно, нам следует активно участвовать в поисках путей ликвидации ИГ в сотрудничестве со всеми заинтересованными странами.

Идеология ИГ, эклектичная и очень гибкая, позволяет ей привлекать радикальную молодежь по всему миру. Ее основу составляет джихадизм, направленность на ведение вооруженной борьбы до установления всемирного исламского государства – Халифата, который объединит не только населенные мусульманами территории, но и те земли, на которые идеологи ИГ смотрят как на «исторически мусульманские», такие, как «Андалусия» (Испания и Португалия), «Хорасан» (Средняя Азия и Казахстан), Индия, Цейлон, Балканы, Крым, Кавказ.

То, что ИГ имеет территориальные претензии к нашей стране (Крым и Северный Кавказ), говорит о повышенном внимании этой организации к налаживанию террористической сети в нашей стране. Активное участие наших сограждан не только в военных действиях, но и в вербовке новых боевиков в странах Европы, нашло отражение в пропагандистской машине ИГ, которая в качестве основного языка своих материалов наряду с арабским и английским широко использует также и русский язык.

Необходимо понимать, что развернувшаяся в «Имарате Кавказ» борьба свидетельствует о серьез-

ном проникновении сторонников ИГ на российский Кавказ. Вне зависимости от исхода этой борьбы ИГ будет разворачивать на Северном Кавказе свою террористическую сеть, которая будет гораздо более жестокой, чем практически нейтрализованная сеть «Имарата Кавказ».

Нацеленность ИГ на экспансию, как территориальную, так и путем проникновения в исламистские сети по всему миру и подчинения их своим террористическим целям — это основа военно-политической деятельности ИГ. Эта организация не стремится к признанию лидерами других государств, обращая аргументацию о своей легитимности только к мусульманам, а не к правительствам и международному сообществу. Она создает ситуацию серьезной турбулентности на стратегически важном Ближнем Востоке, где многие государства находятся в уязвимом состоянии, в том числе и по причине распространенности симпатий к идеалам ИГ среди суннитских подданных тоталитарных режимов региона.

Учитывая фактор ИГИЛ, следует:

- Усилить участие нашей страны в международном сотрудничестве в поиске путей противостояния экспансии ИГ, в том числе через консультации на различных уровнях, обмен информацией о структуре и деятельности этой группировки, ее эмиссарах и вербовщиках;
- Продумать возможности оказания помощи и поддержки государствам и группировкам стран Ближнего Востока, противостоящим экспансии ИГ;
- Наладить сотрудничество с соседними государствами для усиления контроля на границах с целью пресечения проникновения боевиков ИГ, налаживания террористической сети этой группировки, проникновения агитационных и пропагандистских

материалов. Одновременно следует наладить мониторинг, чтобы выявлять на раннем этапе граждан страны, присоединившихся к ИГ;

- Необходимо теснейшее сотрудничество постсоветских стран, а также стран ЕС в поисках эффективных форм противостояния ИГ в первую очередь в сфере пропаганды и вербовки. Следует создавать эффективную систему контрпропаганды, с учетом исключительной роли сети Интернет в распространении влияния ИГ;

- Необходимо сотрудничество с силами безопасности стран ЕС по усилению контроля за растущей диаспорой в Европе в силу того, что именно ее представители (а в ней, в том числе, и россияне) играют ключевую роль в вербовке в ряды ИГ во многих местах ЕС;

- Уделить особое внимание молодежной политике среди представителей мусульманских народов России, особенно в Дагестане и Чеченской республике, теснее работать с наиболее уязвимыми перед пропагандой ИГ группами мусульманской молодежи страны;

- Поддержать практику региональных властей по налаживанию работы с родственниками молодых людей, присоединившихся к ИГ. Было бы эффективно осуществить координацию этой деятельности на федеральном уровне;

- Обеспечить неотвратимость и эффективность наказания за участие в рядах ИГ. Обратит особое внимание, чтобы осужденные за эту деятельность не отбывали срок в общих камерах с другими, поскольку это лишь даст им возможность распространять экстремистскую идеологию и вести деятельность по вербовке через тюремные сети.

## **ЦАР В ЮЖНОМ ПОГРАНИЧЬЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ**

Регион Центральной Азии на самом деле с точки зрения географии является для России куда более соответствующим понятию «Юг», чем тот же Южный Кавказ. Во-первых, граница России со странами данного региона куда более протяженная, чем с регионом Кавказа. Во-вторых, Центральная Азия потому так и именуется, что термин «Азия» в смысловом отношении (прежде всего – в массовом сознании) более соответствует дефиниции «Юг» (равно как и «Восток»), чем Кавказ. Ведь не случайно, что тот же Азербайджан будет скоро проводить Первые Европейские игры, а Турция, Армения, Грузия и Азербайджан по классификации, принятой в целом ряде международных структур, рассматриваются в разделе «Европа».

Исторически для России (со времен образования централизованного государства) регион Центральной Азии был главным образом интересен как некое «предполье» (даже существовал термин – «Дикое поле»), которое обеспечивало самим фактом своего существования определенную защиту от внешней угрозы, каковую могли представлять крупные и сильные государства, существовавшие южнее и восточнее, – такие, как Персия и Поднебесная империя (Китай). А в более позднее время к ним прибавилась

Англия, захватившая Индию и затеявшая так называемую «Большую игру» с явно антироссийскими целями. Те же государственные и протогосударственные образования, которые существовали на самой территории Центральной Азии, чаще всего были слабее России и поэтому не могли представлять серьезной угрозы для нее. Этот факт не могут поколебать даже случаи отдельных набегов на российскую территорию кочевников Центральной Азии, осуществлявшиеся либо с традиционной для них целью грабежа, либо по наущению Хивинских ханов.

Второй интерес России к региону был связан с торговыми путями на Восток, которые проходили через Центральную Азию.

Вопросы религиозного плана веками не стояли в центре внимания во внешней политике России по отношению к данному региону и уж тем более они не лежали в плоскости угроз религиозного экстремизма, фанатизма либо войн по религиозным соображениям, которые могли бы исходить оттуда. Более того, именно Россия старалась во многих случаях «цивилизовать местное туземное население» региона в вопросах того же ислама. Для этой цели, например, в регион, главным образом, в Казахстан и Киргизию направлялись миссии из поволжских татар.

В советский период регион был преобразован путем мощных инвестиций в часть единой страны, где проблемы безопасности от внешнего воздействия (военного, экономического и идеологического) были обеспечены относительно надежно. Религиозный вопрос решался также, как и в других частях СССР.

Однако ситуация кардинально изменилась после развала Союза, хотя многим тогда казалось, что советский атеизм пустил в местных обществах глубокие корни.

Вопреки наиболее радикальным атеистическим теориям следует признать, что религия является чуть ли не самой распространенной формой самоидентификации социума. Та или иная религиозная вера и в прежние исторические времена и ныне для большинства людей определяла множество важнейших аспектов их земной жизни. Фундаментальные религиозные понятия в ходе развития человеческой цивилизации оказались прочно встроены в многообразную систему общественных связей. Процессы секуляризации, набравшие силу в Западной Европе примерно с XVIII века, на самом деле так и смогли полностью перестроить эту систему на основе иных мировоззренческих и экзистенциальных ценностей. И опыт постсоветской трансформации региона Центральной Азии, да и России, только подтверждает это.

Причем этот подход как раз тем более значим, когда речь заходит не о регионе Западной Европы, а о странах, относящихся к так называемому «исламскому миру». При этом мы вовсе не пытаемся утверждать, что сам этот исламский мир представляет собой некое гомогенное образование. Религиозная ситуация в разных странах, охватываемых данным понятием, конечно же подчас серьезно различается. Тем более, когда речь заходит о государствах, расположенных в регионе Центральной Азии.

В интересующем нас аспекте регион постсоветской Центральной Азии можно с известной степенью условности разделить на две неравные части. Во-первых, это те государства, которые мы образно отнесем к «цивилизациям коня». В эту группу входят три страны: Казахстан, Киргизия и Туркменистан. Во-вторых, это страны, входящие в «цивилизацию

арыка». К ним можно также условно отнести две страны: Узбекистан и Таджикистан.

Критерием разделения на группы данных стран выступает именно специфика формирования их религиозности в рамках вероучения ислама. Она оказывает воздействие на современную ситуацию, хотя это и не сразу заметно.

Итак, корни растут, так или иначе, из особенностей исторического развития государств региона. Первый фактор связан с тем, что ислам на землях, которые ныне входят в регион Центральной Азии, полноценно укоренился значительно позднее, чем это произошло на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке. Хотя уже в VII в. важнейшим следствием арабского завоеваний стало распространение в Центральной Азии новой религии – ислама, это событие не стало той точкой, с которой можно было бы однозначно считать регион частью исламского мира. Все новые и новые волны кочевников, привнесших с собой свои политеистические верования, не давали этому процессу завершиться. В большей степени укреплению позиций ислама способствовало принятие мусульманства в государстве Хулагидов (в период реформ Газан-хана) и в Золотой Орде.

При этом в «цивилизациях арыка» ислам утвердился и раньше и прочнее, чем в «цивилизациях коня». В Центральной Азии оседлые этносы (в основном узбеки и таджики, а также ряд других) стали более ревностными мусульманами, чем их кочевые соседи (туркмены, казахи, киргизы). Именно выходцы из государственных образований, существовавших на территориях нынешних Узбекистана и Таджикистана, составили большую часть исламских богословов региона. Именно на этих территориях находились и находятся наиболее значимые и знаменитые ислам-

ские святыни. Именно центры «цивилизации арыка» превратились в узловые точки изучения и распространения ислама в регионе Центральной Азии. Ислам был одним из слагаемых государственности этих территорий.

Кочевники же Центральной Азии отличались в этом отношении. В многочисленных сочинениях современников прежних эпох без особого труда можно отыскать свидетельства о том, что казахи, киргизы и туркмены на протяжении большей части своей истории не выказывали особого религиозного рвения, и, более того, выглядели в вопросах веры откровенными дилетантами в сравнении, например, с их южными соседями — узбеками.

В этом же направлении работал и второй фактор — географический. «Цивилизации коня», и, главным образом, Казахстан оказались глубокой «периферией ислама». Регион «цивилизаций коня» не мог полноценно выступать как форпост дальнейшей экспансии ислама в другие земли, что снижало его значимость для ортодоксов. Россия, с которой на севере граничил Казахстан, не могла рассматриваться в качестве объекта такой экспансии, поскольку, в частности, именно оттуда решением царских властей для реализации их политики в Казахстан направлялись кадры исламского духовенства из числа подданных — татар. Китай, остановивший ранее натиск ислама арабов, при маньчжурах жестко контролировал свои границы с кочевниками. В этих условиях процессы внутри исламской уммы на периферии — в Центральной Азии — неизбежно теряли свою креативность. При этом, естественно, ислам сочетался у кочевников (казахов и киргизов) с доисламскими верованиями — тенгрианством (названным так по культу владыки неба — Тенгри). Среди казахов почитался также дух

земли — Жер ана и дух воды — Су ана, а также культы покровителей огня и скота. Святым местам казахи — кочевники приносили жертвы. К доисламским временам (иранским корням) восходит также празднование Наурыза — Нового года (22 марта — день весеннего равноденствия).

Наконец третьим фактором стало то, что страны постсоветской Центральной Азии разделили вместе с другими республиками СССР их судьбы в том смысле, что они подверглись в XX столетии мощному воздействию атеистической политики советских властей. Как бы мы не относились к этой политике, но именно она сыграла решающую роль в том, что сегодня в новых суверенных государствах до сих пор ни ислам, ни любая иная религия не доминирует ни в идеологии, ни в политике, ни в быту. По конституциям эти страны — светские государства, а их политическая элита по большей части никак не связывает свои амбиции с намерением насадить здесь клерикальный или теократический режим.

И все же это не означает, что исламу раз и навсегда нормами соответствующих законов указано его место. Расширение сферы действия ислама, равно как и проникновение в регион религиозного фундаментализма и экстремизма — это реальный факт.

Подавляющее большинство населения стран Центральной Азии исповедует ислам суннитского направления ханифитского мазхаба, считающегося вполне умеренным. Впрочем, есть и незначительные вкрапления шиитской ветви ислама — например в Таджикистане, в Горном Бадахшане, проживают исмаилиты.

Несмотря на то, что цифры официальной статистики во всех пяти странах региона вроде бы не внушают серьезных опасений, нельзя забывать, что они

охватывают только зарегистрированные структуры. Ислам же, как религия, особенно в своих фундаменталистских формах, не признает верховенства и приоритета светского государства и соответствующих производных от него правовых систем. И в этом обстоятельстве кроется серьезная возможность для того, чтобы, накопив силы, ислам в Центральной Азии попытался бы отвоевать более существенные позиции у светского государства, чем те, которыми он располагает сейчас.

Те экономические успехи, которые были достигнуты рядом стран региона (и прежде всего — Казахстаном) за последние годы, не могут быть стопроцентной гарантией, страхующей их от активизации исламского фактора. Ведь сам факт постоянно возрастающего включения региона в мировые и региональные процессы только усиливает риски. Это, кстати, улавливают социологические исследования. То есть ситуация нестабильна и не во всем зависит от воли местных властей. Экстремистскую же исламскую литературу спецслужбы стран региона изымают фактически повсеместно.

Гипотетическую (пока) угрозу представляют и варианты, когда к исламу, как к мощному ресурсу идеологической и политической мобилизации населения, захотят обратиться те местные политики, которые в будущем могут схлестнуться в отчаянной борьбе за верховную власть. Ведь ислам в критические моменты может дать то, чего в таких ситуациях не способны дать ни административный, ни медийный, ни финансовый ресурсы. Использовать этот фактор, вполне вероятно, захотят многие. И такие варианты тоже, вероятно, уже просчитываются центральноазиатскими политиками. По крайней мере, наблюдая за деятельностью племянника нынешнего президента Н.А. На-

зарбаева, подобный сценарий исключать полностью нельзя. Так что ислам еще может оказаться в центре политических коллизий даже в такой внешне благополучной стране Центральной Азии, каковым кажется нынешний Казахстан.

Свою порцию тревоги добавляет то обстоятельство, что регион граничит с достаточно проблемными странами исламского мира – Афганистаном и Ираном. Первая из них на протяжении нескольких последних десятилетий так и не может выбраться из пучины гражданской войны, имеющей много аспектов, в том числе и религиозный.

И события так называемой «арабской весны» вносят также свою долю пессимизма. Исламский радикализм наступает и в Северной Африке, и на Ближнем Востоке, и на Среднем Востоке. Центральная Азия – часть этих процессов и она просто не может оставаться в стороне от них.

В этом плане неплохо было бы понять, чего хотят исламские радикалы. В обобщенном виде идеологию радикальных исламистов можно свести к следующим положениям:

- с их точки зрения исламская цивилизация в настоящее время оказалась перед лицом смертельной опасности. Причем эта опасность исходит от глобального распространения на исламские страны и общины современных светских идей и соответствующего вестернизированного образа жизни, подрывающих духовные основы веры. Проводниками таких злонамеренных идей и моделей поведения выступают, прежде всего, государственные структуры, обладающие или стремящиеся к обладанию монополией на правовое регулирование жизни верующих, образование, средства массовой информации, экономику;

- лекарством от такого принудительного навязывания мусульманам “чуждых идей и нравов” является праведная борьба против “неверного государства”. Истинные мусульмане должны объединяться в общины, которые будут находиться в независимом от государства положении. При этом такие общины должны стремиться максимально расширять сферы своего влияния, оказывать давление на политиков и государственные институты, дестабилизировать их нормальную работу, и, в конце концов, принудить власти к выполнению своих требований. Нужно компрометировать власть постоянными пропагандистскими акциями, изображая ее представителей послушными лакеями западных монополий.

Так как процесс становления исламских радикалов имеет за своими плечами большой исторический отрезок времени, то и их доктрина и практика уже получили относительно четкое оформление. По сути дела значительная часть исламских радикалов совершенно искренне верит в то, что они творят добрые и богоугодные дела, борясь против угрозы вере, исходящей от государства, нарушившего божественные предписания. Репрессии же со стороны государства, такие как преследование мусульманских братств в странах Ближнего Востока и Центральной Азии, подчас только стимулируют обращение к насилию тех, кто ранее был склонен нести слово Аллаха преимущественно убеждением, словом, а не оружием.

Во многих мусульманских странах исламские радикалы загоняются в подполье, как, например, в Алжире, Египте, Сирии, Ираке, Тунисе и Турции. Однако, даже находясь в подполье, исламские радикалы все равно действуют с нарастающей энергией. Подчас именно статус преследуемых за веру делает их привлекательными для определенных слоев населения

лидерами оппозиции. Государство же зачастую не в состоянии противопоставить культурной экспансии радикалов ничего, кроме тривиальных репрессий.

Исламский радикализм в современных условиях обществ промышленных и информационных технологий, несомненно, для многих выступает как более притягательная духовная сила. В то же время исламские радикалы (ИГИЛ или ИГ – отдельная тема) совсем не похожи на средневековых фанатиков, сжигающих печатные книги. Отнюдь, они прекрасно понимают те преимущества, которые дают современные достижения цивилизации. Так они весьма продуктивно используют коммуникационные технологии, Интернет, спутниковое телевидение. С их помощью им удастся прорвать информационную блокаду или обойти государственную монополию на средства массовой информации, цензуру и разного рода запреты. Их голос сегодня доходит до тех слоев общества, к которым они хотят обратиться. Развивающееся общество нельзя запереть в стеклянной колбе, и поэтому все новые и новые новобранцы вливаются в ряды тех, кто сумел привлечь их пламенными обличительными речами.

И мы все сегодня видим яркий пример этого – Исламское государство. Сотни новобранцев из стран Центральной Азии воюет в его рядах. А планы исламистов из ИГ не скрываются – создать халифат в том числе и на территории Центральной Азии (проект Хорасан).

С нашей точки зрения, разрезав пуповину, соединяющую регион Центральной Азии с Россией в ходе суверенизации, страны региона обрекли себя все более и более становиться частью исламского мира со всеми его достоинствами и недостатками, включая угрозу исламского радикализма.

И это сегодня происходит на наших глазах. Причем происходит стремительно. Мы полагаем, что этот процесс будет только усиливаться со сменой поколений и растущим давлением извне.

Пока есть некоторая надежда на фактор, который сдерживает стремительную исламизацию в ее радикальном варианте. Но этот фактор отнюдь не так безобиден. Это фактор национализма. В арабских странах после второй мировой войны именно арабский национализм стал государствообразующим трендом, хранившим эти страны от радикального ислама несколько десятилетий. Но сегодня он уже исчерпал свои резервы, и ислам стал отвоевывать позиции шаг за шагом.

В регионе Центральной Азии после распада СССР национализм также стал государствообразующим фактором, хотя это очень не любят признавать не только наши соседи, но и их апологеты в самой России. На самом деле элементы этнократии присущи в той или иной степени политике всех без исключения стран Центральной Азии. В этом отношении фактор национализма играет определенную положительную роль против исламского радикализма и особенно такого его варианта как проект халифата ИГ.

Но как долго это будет продолжаться, учитывая пример арабов? Там он исчерпался на пятом десятке лет. После распада Союза прошло вдвое меньше...

К тому же фактор национализма сам по себе создает новые проблемы. Например, в развитии сотрудничества стран региона с Россией, да и с региональными международными организациями, способными оказать содействие в нейтрализации угрозы исламского радикализма, — такими как ОДКБ, СНГ, ШОС, ЕАЭС. Нынешние политические элиты стран региона отчаянно держатся за национализм. Ведь,

используя его лозунги, они пришли к власти в период распада СССР. Идеологию избавления от «старшего брата», «имперского гнета» и тому подобные постулаты можно легко встретить в теории и практике политической жизни стран Центральной Азии. Эти элиты не могут признать то, что в начале 1990-х годов они совершили ошибку, развалив СССР. Более того, они считают это одним из своих достижений, возводя в ранг исторических заслуг перед своими народами.

Учитывая эти обстоятельства, использовать национализм Центральной Азии к своей выгоде Россия не сможет. Более того, можно с уверенностью прогнозировать, что регион Центральной Азии скоро столкнется с эксцессами — погромами и террористическими актами, по мотивам не только этнической розни, что уже имело место, но и межконфессиональной. Это, к сожалению, общая тенденция для всего исламского мира.

## **РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА НА ЮГЕ РОССИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, СИМБИОЗ, ПРОТИВОРЕЧИЯ?**

Религиозное возрождение является характерной чертой сегодняшнего дня не только на Северном Кавказе и в России. При этом происходит не только рост количества людей, относящих себя (или связывающих себя) к той или иной конфессии, но и возрастание степени религиозности индивидов. Аналогичные процессы мы наблюдаем и в соседнем Азербайджане, где усиление позиций радикального исламизма наблюдается уже несколько десятилетий. Аналогичные процессы идут и в Центральной Азии, и в Турции, и в некоторых регионах Европы, не говоря уже о Ближнем Востоке и Северной Африке. При этом возрождение религии идет как в ее официальной форме, как иногда говорят, «в удушающих объятиях власти», так и в неофициальной, причем к последней могут быть отнесены не только сторонники радикального исламизма, но и приверженцы нетрадиционных религий (сект), всякого рода «альтернативных» течений в том же православии и т.д. Близость к властным структурам и очевидная поддержка (финансовая и силовая) со стороны государства с одной стороны, помогает традиционным конфессиям удерживать свои позиции, с другой — делает их менее конкурентоспособными и более уязвимыми в глазах общественного

мнения. Показательно, к примеру, что, по крайней мере, в ряде регионов Северного Кавказа, «роль исламских священнослужителей и культовых институтов в рекрутировании новых адептов пока невысока» (данные по Адыгее). То же самое, видимо, можно сказать и о православных структурах. Существуют ожидания (видимо, завышенные) появления новых духовных лидеров, высокообразованных и высокоморальных, и эта ниша остается свободной. В итоге распространение религии идет неофициальными (и не всегда контролируемыми) путями – через семью, родственников, рабочий коллектив, даже – тюрьму, а в последнее время все более и более – через интернет и социальные сети.

Отметим сразу, что Юг России и Северный Кавказ в частности не производит сейчас впечатления поля «столкновения цивилизаций» или межконфессиональной напряженности. В целом отношения между православием и исламом могут быть охарактеризованы здесь как взаимоуважительные и взаимодополняющие. Но вспомним, что относительно недавно такая же ситуация наблюдалась и на Ближнем Востоке, и в Северной Африке, и ситуация в том регионе кардинально изменилась менее чем за десятилетие. Поэтому, думается, обольщаться здесь не надо, положение с межконфессиональным согласием повсеместно изменчиво и непостоянно.

Вполне логично, что религиозные институты различного происхождения и масштаба стремятся использовать авторитет и поддержку государства в своих целях. Но и государство использует религиозные институты также в различных целях и с различной интенсивностью. Это может быть и функция посредника (в том числе, с другими регионами или с федеральным центром), и функция громоотвода соци-

альной напряженности (правда, иногда громоотвод может превратиться в катализатор), и функция социальной мобилизации. Гораздо сложнее использовать религии (ислам и православие) политическим партиям, национальным движениям и т.д., не являющимся «партиями власти». Рост в регионе значения ислама, не приемлющего этничность и национализм, неизбежно имел своим следствием снижение активности национальных движений, и это, в первую очередь, заметно в наиболее исламизированных регионах Северного Кавказа. Напротив, для адыгов, по данным социологических исследований, «в большей степени актуализирована этническая идентичность (в основном на традиционно-культурной основе или ее «вторичных», превращенных формах), чем религиозная». Соответственно, здесь, на Западном и Центральном Кавказе, сохраняется значительное влияние национально ориентированных политических организаций и их лидеров. Впрочем, и здесь ситуация начинает меняться. По соцопросу, проведенному в 2013 г. Агентством социальных технологий «Политех», в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии отдать на выборах голос за исламские партии готовы 49 % представителей титульных наций, а, например, в Дагестане – всего 45 %.

Дискуссионным является вопрос о роли и характере внешнего фактора в процессе религиозного (в данном случае – исламского) возрождения на Кавказе в целом (здесь ситуация в Грузии или Азербайджане принципиально не отличается от ситуации на Северном Кавказе). Если ранее в качестве такого внешнего фактора называли в первую очередь арабские страны Залива, а также Турцию, то сейчас на первое место надо поставить международный радикальный исламизм в различных его формах (в первую очередь, наи-

более успешной и перспективной – ИГИЛ). За этим внешним фактором есть будущее, и будущее, угрожающее стабильности всей Евразии. Особенность этого фактора – его интернациональный характер. Молодые люди, покинувшие свои дома, отправившиеся в Сирию и Ирак и набравшиеся там опыта, рано или поздно начнут возвращаться. Понимание угрозы этого в российских силовых структурах и других ведомствах, очевидно, есть. Есть и понимание того, что заметное сокращение террористической активности в регионе связано не только (может быть, и не столько) с успешными действиями федеральных силовых структур, сколько с оттоком потенциальных боевиков с территории России на Ближний Восток.

Последние десятилетия происходит симбиоз радикального исламизма и социального недовольства. Питательной средой для этого становится отсутствие социальных лифтов, вопиющее социальное неравенство, коррупция, произвол и несправедливость со стороны силовых структур и органов управления, клановость в политике и экономике, непрофессионализм и конформизм служителей культа. То есть запрос на справедливость, предсказуемость и порядок получает положительный ответ, во многих случаях не со стороны местной или федеральной власти, а от приверженцев радикального исламизма. Исламистский ответ более заметен и четче выражен, но в его роли может выступать и другая конфессия (к примеру, православие, что оно иногда и пытается делать) или новая нетрадиционная религия (секта).

Любая религия в упрощенном (примитивизированном) виде дает простые и четкие ответы на стоящие перед людьми вопросы. Здесь тот же ваххабизм – не исключение. Не вызывает сомнений определение ваххабизма, как экстремистского

религиозно-политического течения. Но дальше начинаются некоторые разногласия. Является ли ваххабизм реформаторским движением и антитрадиционалистским явлением? Как соотносится ваххабизм и традиционный ислам с модернизацией? Ряд российских религиоведов (к примеру, В. Акаев) отвечает на первый вопрос отрицательно и, касаясь второго вопроса, обращает внимание на высокий внутренний адаптационный потенциал традиционного ислама, способного приспособиться к вызовам глобализации и модернизации. С одной стороны, с последним тезисом можно согласиться, традиционный ислам (как и любая «живая» мировая религия) имеет потенциал для модернизации и привлечения инноваций. С другой стороны, такой потенциал имеет и радикальный исламизм, активно использующий те же самые инновации, сетевые технологии, новейшие достижения прогресса, передовые практики привлечения адептов и расширения собственной базы. А отказ радикального исламизма от традиционалистских ценностей и его опора на реформаторство (т.н. «возвращение к истокам» в лице никогда не существовавшего «чистого ислама», борьба с «мусульманским язычеством» и т.д.) еще более облегчают его симбиоз с модернизацией. Разрушение традиционных этнокультурных ценностей является объективным процессом, наблюдается в различных регионах мира и с неизбежностью сопровождает глобализацию, а также, в большинстве случаев, модернизацию. Поэтому радикальный исламизм вполне вписывается в этот тренд, ни в коей мере не вступая в противоречия ни с прогрессом, ни с современными технологиями.

Некоторые элементы модернизации прекрасно совмещаются и с практикой радикального исламизма ИГИЛ. Образ «бородача с автоматом и молотком»

не вполне соответствует истине, он вполне сочетается с передовыми технологиями пропаганды, новейшими средствами вооружения и жизнеспособной социально-политической системой. Прекрасно поданные в пропагандистских целях кадры уничтожения музея в Мосуле, руин Ниневии, вандализма в Пальмире отнюдь не свидетельствуют о провале в «темное средневековье» и напоминают, в первую очередь, вандализм протестантов во время Реформации и первых христиан на закате античности. Боевики ИГИЛ знают, кому и когда резать головы. Таким образом, радикальный исламизм во всех его формах отнюдь не однозначно противоречит модернизации.

Радикальный исламизм может, безусловно, принимать различные формы, и ваххабизм — это всего лишь одна из них. Мы говорим сейчас о ваххабизме в большей степени по инерции, подразумевая под этим определением гораздо более широкое явление. Сейчас, после событий конца 1990-2000-х гг. в различных регионах Северного Кавказа, «ваххабизм» в его привычном виде вызывает здесь где-то некоторую, где-то активную идиосинкразию. Соответственно, вполне понятно, что идет процесс его трансформации и адаптации к новым условиям. Вмешиваться в этот процесс и влиять на него крайне сложно, надо пытаться хотя бы его отслеживать. Приход в радикальный исламизм значительного количества хорошо образованных и молодых людей увеличил социальную базу и потенциал протеста. Возможно, следующим этапом станет активная инфильтрация этих достаточно пассионарных и открытых современному миру людей во власть, вытеснение ими из нее более пассивных представителей старших поколений. Вот тогда и станет очевидным, насколько сочетаются радикальный исламизм и модернизация.

Можно ли будет считать такой сценарий реализацией «Исламского проекта»? В Чечне «Исламский проект» не реализовывался ни во время первой чеченской войны, ни при президентстве Масхадова, несмотря на попытки введения законов шариата. Попытки его последовательной реализации носили анклавный характер. В целом политическое развитие чеченского общества носило светский, а временами даже антиклерикальный характер.

Сдерживающим фактором по отношению к попыткам реализации «исламского проекта» в его радикальной форме являлся фактор этничности, то есть примата принадлежности к какому-либо этносу, его интересов и возникающих перед ним угроз перед принадлежностью к мировой исламской умме. Примат этничности в определенной степени препятствовал расползанию чеченского конфликта и «чеченизации» Дагестана. Дагестанская элита прекрасно отдавала себе отчет в том, что в идее объединения двух республик под исламским флером скрываются вполне конкретные интересы чеченской элиты, стремящейся к укреплению собственной власти. Таким образом, факторы этничности и религии вступали в конфронтацию, в итоге происходило их взаимное ослабление.

Рамзан Кадыров, как и его отец Ахмат-хаджи, как и другие чеченские лидеры, пришел к власти как лидер этнонациональный, ставящий во главу угла интересы чеченского народа и Чеченской республики. При этом, как справедливо в свое время подметил А. Малащенко, он является «националистом-прагматиком». В этом случае, если проводимая политика может быть охарактеризована как «прагматичный национализм», появляется перспектива изменения роли и места «исламского проекта». «Исламский проект»

из цели превращается в средство. Соответственно, он используется и реализуется лишь в тех рамках, которые предполагаются в качестве уместных и допустимых, утрачивает свой радикализм. Но это происходит только в том случае, если использование такого проекта «националистами-прагматиками» происходит в чистом виде, в своего рода «безвоздушном пространстве», закрытом от воздействия внешних факторов. Очевидно, «чистый национализм», использующий «чистый ислаимзм» – это не более чем абстракция, не учитывающая специфику постсоветского пространства и Северного Кавказа как его части.

Одна из специфических черт постсоветского пространства в целом, а не только Северного Кавказа или других регионов России – архаизация общества. Подобная архаизация затрагивает не только политическую систему (то, что называется «феодалная архаика»), но и идеологию, парадоксально сочетаясь с глобализацией и элементами модернизации. При этом нередко такая архаизация сопровождается быстрым размыванием этничности, деградацией этнического ядра. В очередной раз демонстрируется, что национализм, этничность и этнос как самостоятельные явления и понятия являются наследием именно Нового времени, чуждым «феодалной архаике». То есть архаизация сопровождается маргинализацией. В результате фактор этничности, противостоящий реализации «исламского проекта», быстро ослабевает, паритет между факторами этничности и религии нарушается и исчезает. Напротив, реисламизация, как и любая клерикализация, является неотъемлемой частью процесса архаизации.

Таким образом, в условиях кризиса национализма «исламский проект» из средства превращается в самостоятельный фактор, начинает жить собственной

жизнью, выходит из-под контроля. Собственно говоря, аналогичные процессы в настоящее время мы наблюдаем и в Турции. «Националисты-прагматики» изначально делают ставку на традиционный ислам, испытывая вполне понятный страх перед ваххабизмом и салафизмом. Но, в условиях реисламизации, учитывая теоретическую слабость, социальную отчужденность и политическую пассивность официального ислама, его ущербность и недостаточную укорененность (обусловленные как относительно недавней по историческим меркам исламизацией большей части Северного Кавказа, так и советским прошлым), свой шанс получает мобильный исламский радикализм, предлагающий простые и внятные ответы на большинство вопросов, встающих перед новообращенными. Противостояние идет в большей степени не между традиционным и радикальным исламом, считать так было бы упрощением. Радикальный ислам на первом этапе теснит ислам суфийских тарикатов, при этом сторонники тарикатского ислама достаточно быстро в своей идеологии и практике превращаются в политизированных исламских радикалов. Победа суфизма, обогащенного идеями социального протеста и политического доминирования, над официальным исламом — это, возможно, только вопрос времени.

Следующий внешний фактор также в какой-то мере связан с кризисом национализма в его «чистом виде». Собственно говоря, преследующий российское общество и власть навязчивый термин «лицо кавказской национальности» противостоит этничности уже своей полной абстрагированностью от реального многообразия этносов, заселяющих Кавказ. То есть деление на «свой-чужой» здесь не исходит из национализма в его традиционном понимании.

Возрождаемый с определенными целью, в том числе, и властными структурами различного уровня, «исламский проект» (как и «православный проект») выходит из под контроля своих покровителей и приобретает уже даже не вид «северокавказского исламизма», а общероссийский характер. Общероссийский характер этого проекта, его консолидирующая и мобилизирующая роль, его демонстрационность, его склонность к конфронтации и даже его некоторая провокационность наглядно проявляли себя в последние годы во время празднования Ураза-байрама в Москве. Соответственно, «общероссийский исламизм» неизбежно имеет своим следствием «общероссийскую исламофобию». Усиление исламизма ведет к усилению исламофобии и наоборот. Можно сказать, что Кондопога и другие аналогичные события в городах и поселках России являются одновременно следствием и причиной. Но результат один – усиление конфронтационности в обществе. Было бы неверно рассматривать в данном вопросе религиозный фактор в качестве решающего. Но, безусловно, клерикализация общества, утрата им своего светского характера, будут иметь своим следствием углубление конфронтационности. Грубо говоря, превращение православия в государственную религию приведет к углублению конфронтации не между православными и исламскими иерархами, а между православной и исламской (или относящими себя к таковым) частью населения России.

Архаизация предполагает также установление не властной вертикали, а отношений вассалитета. При этом в качестве необходимого условия выступает «чеченизация» или «дагестанизация» и т.д. любого конфликта, то есть перекалывание ответственности за соблюдение норм иерархии и внешнего поряд-

ка в удельном княжестве на плечи вассала. Классический пример этого мы видим в Чечне. При этом методы «наведения порядка» и особенности такого «порядка» абсолютно не интересуют сюзерена. Но необходимо помнить, что за установлением удельной системы неизбежно следует феодальная раздробленность. Удельная система предполагает доминирование принципа неформального лидерства. Именно такими неформальными лидерами стали сначала Ахмат-хаджи, а затем и Рамзан Кадыров. В то же время, и это несколько странно, в регионе до сих пор практически не появилось других неформальных лидеров, перенявших и развивавших опыт Кадыровых. В качестве одной из причин этого можно назвать активность и вес чеченской элиты, вызывающей закономерные опасения у элит и обществ других северокавказских республик. Соответственно, возникает своего рода синдром «младшего брата» – никому из северокавказских лидеров не хочется получать роль вассала Рамзана Кадырова.

То есть пока что, на сегодняшний день, система «нового феодализма» или «конфессионального феодализма» не стала господствующей в регионе, который, по другим критериям, казалось бы, вполне готов к утверждению такой системы. Суть её можно свести к трем параметрам – архаизация, «феодализация», клерикализация. В то же время, утверждение этой системы на более широком, всероссийском (или постсоветском) пространстве делает неизбежным её утверждение и на Северном Кавказе. Можно сделать вывод о том, что ситуация во всем Северокавказском регионе является лишь частным случаем ситуации в Российской Федерации в целом.

*Крылов А.Б. (Москва)*

## **РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В АБХАЗИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Годы, прошедшие после распада СССР, стали временем возрождения сохранных абхазами традиций, обычаев и самобытной дохристианской религии. В условиях политической нестабильности важную роль в жизни абхазского социума сыграла традиционная религия, которая сохранилась у абхазов вопреки таким обстоятельствам, как официальное обращение абасгов (предков современных абхазов) в христианство в VI в., произошедшее в XVI-XVIII вв. распространение в их среде ислама, затем период активного «восстановления христианства» (1810-1917 гг.), и, наконец, семь десятилетий господства государственного атеизма.

Традиционная религия абхазов — это автохтонная религия, которая сложилась у абхазов в процессе их исторического развития без формообразующего воздействия мировых религий. Эта религия часто называется «языческой» из-за получившей широкое распространение богословской терминологии негативно-оценочного характера. На недопустимость ее использования в науке указывал крупнейший отечественный религиовед С.А. Токарев: «Об употребляемых иногда обозначениях — «языческие религии», «идолопоклонство» и т.п. — нечего и говорить:

им место разве лишь в церковно-миссионерской литературе, а никак не в научной»<sup>1</sup>. Это в полной мере относится к утверждениям о «языческой религии» абхазов, которые делались в прошлом и, к сожалению, продолжают повторяться до сих пор.

Собранные в ходе многолетних полевых исследований в Абхазии данные о религиозных представлениях и ритуалах в традиционной религии абхазов не подтверждают распространенного до сих пор мнения о политеизме (язычестве) абхазов<sup>2</sup>. Эти данные свидетельствуют о том, что традиционная религия абхазов – это монотеистическая религия, ее центральной идеей является существование единого Бога-Творца (Анцэа). Анцэа бесконечно множественен в своих проявлениях, он является первоисточником всего сущего, по его воле существуют ангелы-хранители (апаимбары), обеспечивающие абхазам защиту и благоденствие.

Традиционная религия абхазов отвечает определению теизма, в котором мир есть осуществление божественного промысла, а абсолютно бесконечный Бог стоит над миром и человеком, и определению «строгого монотеизма», где Бог является единственным источником добра и зла (к которому, по мнению многих религиоведов, нельзя отнести христианство и ислам). Эта религия представляет собой систему религиозных взглядов, канонов и ритуалов, которая сформировалась у абхазов в процессе длительного исторического развития. Несмотря на значительное количество локальных разновидностей, это – единая религия, в которой сохраняются устойчивые основополагающие представления и ритуальная практика. Степень влияния на эту религию со стороны иуда-

1. Токарев С.А. Ранние формы религии. М. 1990. С. 24.

2. См. подробнее: Крылов А.Б. Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994-2000 гг.). М.: ИВ РАН. 2001.

изма, христианства и ислама была незначительной и таким образом ее нельзя отнести к синкретическим религиям.

Отсутствие в абхазской традиционной религии профессионального жречества, составляющего в обществе отдельное сословие, способствовало сохранению передававшихся из поколения в поколение древних представлений и обрядовой практики. Они не были продуктом какой-то определенной исторической эпохи, в них как бы в спрессованном виде присутствуют все пройденные этим народом стадии развития. Сходные с абхазами монотеистические представления и ритуальная практика бытовали в прошлом и сохраняются до сих пор у многих других народов Кавказа. Наиболее наглядно это проявляется у осетин, также сохранивших до наших дней собственную традиционную религию<sup>3</sup>.

Сохраняющееся влияние традиционной религии объясняет почти полное отсутствие в среде абхазов мировоззренческих разногласий и бытовых различий между людьми, формально относящими себя по религиозной принадлежности к христианам и мусульманам. В своей истории абхазы, сохранявшие приверженность религиозным представлениям своих предков, под давлением политических обстоятельств были вынуждены объявлять себя христианами, мусульманами и атеистами. Однако у них не было двоеверия: вне политики, в народной массе, продолжала господствовать традиционная религия, и именно этот народный, а не официально-государственный характер данной религии получил отражение в полу-

---

3. Подробнее см.: Басилов В.Н., Кобычев В.П. Николайи кувд (осетинское празднество в честь патрона селения) // Кавказский этнографический сборник. Т. 6. М. 1976; Крылов А.Б. Абхазия. Осетинское святилище Ирон дзуар в Пицунде // Азия и Африка сегодня. № 3. 2000; Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М. 2008.

чившем широкое распространение термине «народная религия абхазов».

В Абхазии христианство, ислам (и атеизм) играли в первую очередь роль не религии, а официальной государственной идеологии. Именно на политическую роль мировых религий на Кавказе указывал еще в 1833 г. Фредерик Дюбуа де Монпере, подчеркивавший, что завоеватели всегда стремились использовать христианство и ислам для утверждения своих позиций на Западном Кавказе. По его мнению, это привело местное население «к глубокому равнодушию как к той, так и к другой религии и полному возврату к древним суевериям»<sup>4</sup>.

Официальное принятие христианства или ислама свидетельствовало не о переходе абхазов в новую веру, а о политической лояльности их правителей по отношению к утверждавшим свое правление в регионе державам (Византия, Османская империя, Россия). О том, что это мало сказывалось на жизни народов Западного Кавказа указывает все тот же Фредерик Дюбуа де Монпере: «Только черкесские князья и знать — мусульмане соблюдают магометанские обряды, но они выполняют их только ради успокоения совести и с полным равнодушием, насмехаясь зачастую над всеми этими церемониями. Черкес из народа в сущности все тот же язычник»<sup>5</sup>. Именно этим объясняется та легкость, с которой абхазы номинально переходили в новую веру, а затем, в случае изменения политической обстановки, отказывались от, казалось бы, безраздельно господствовавших в их среде в течение длительного времени мировых религий.

О том, что переход абхазов в новую веру имел характер политического акта и носил формальный ха-

4. Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. Т. 1. Сухуми. 1937. (пер. с фр.). С. 53.

5. Там же.

ракти, свидетельствуют события XI в., когда, как отмечал абхазский историк М.М. Гунба, «с исчезновением абхазской царской династии в Абхазии прекращается церковное строительство. Это обстоятельство можно объяснить не иначе как отмиранием христианства в Абхазии. Если в Грузии в XI–XIII вв. процветало христианство, тогда почему в Абхазии другая ситуация? В мировом масштабе ничего не произошло в христианстве. Значит, причины падения христианства в самой Абхазии, в ее негативном отношении к христианству»<sup>6</sup>.

Подобное развитие событий было названо М.М. Гунба загадочным<sup>7</sup>. Действительно, произошедшему трудно найти объяснение, если не учитывать разницы между религией как официальной государственной идеологией и народной религией. У абхазов это были совершенно разные религии. Поэтому справедливо отмеченный М.М. Гунба полный упадок христианства в Абхазии после переезда царского двора в Кутаиси представляется вполне закономерным именно в силу изменения политической конъюнктуры в ситуации, когда подавляющее большинство местного населения в течение многих столетий лишь формально числилось христианами, а на деле сохраняло приверженность собственной традиционной религии. То же самое произошло после распада СССР с, казалось бы, безусловно господствовавшим многие десятилетия XX в. атеизмом. Естественно, что приверженность абхазов собственной традиционной религии отнюдь не исключает наличия в их среде в прошлом и в настоящем искренних адептов христианства, ислама и других религий, а также атеизма.

---

6. Гунба М.М. Абхазия во II тысячелетии нашей эры (XI–XIII вв.). Сухум. 1999. С. 155.

7. Там же.

*Трапи Н.А. (Ростов-на-Дону)*

## **ИСЛАМ НА ЮГЕ РОССИИ И В ПОСТСОВЕТСКОЙ АБХАЗИИ: ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ**

Важнейшим трендом, определяющим комплексное функционирование глобального мира в конце XX – начале XXI вв., стал стремительный рост социально-экономического, политического и культурного влияния как традиционного, так и радикального ислама, являющегося, в целом, наиболее динамично развивающейся религиозно-идеологической системой. Исламский фактор оказывает доминирующее воздействие на общемировые и региональные процессы, определяя реальную политику властных структур и индивидуальное мировоззрение отдельных личностей. Мусульманские общины превращаются в значимую общественную силу не только в традиционных региональных границах, но и в европейском социокультурном пространстве, последовательно осваиваемом диаспорными группами, представляющими Северную Африку, Ближний и Средний Восток. Значительная часть этнических и конфессиональных конфликтов, постоянно возникающих в различных точках земного шара, связана с очевидным стремлением исламских радикалов к последовательному расширению собственного политического влияния.

Рассматриваемая тенденция обладает очевидной актуальностью и для постсоветского пространства, на котором размещаются многие автохтонные и диаспорные мусульманские общины. В настоящее время особое значение приобретает системное исследование исламского фактора применительно к социально-экономическим и политическим процессам на Кавказе, который по общей концентрации разнообразных конфликтов является самым взрывоопасным регионом в глобальном измерении. Региональная история свидетельствует о том, что в мозаичном этническом пространстве мусульманская идеология и культовые институты могут играть различную роль, способствуя интернациональному объединению для последовательного достижения общей цели или стимулируя дезинтеграционные процессы и вооруженное противостояние. В контексте указанного обстоятельства особый интерес представляют компаративистские исследования, позволяющие отчетливо охарактеризовать реальную специфику исламского воздействия на отдельные геополитические регионы. В частности, очевидными объектами подобного анализа могут стать северокавказские субъекты РФ и Абхазия, признанная независимым государством, но не утратившая разнообразных связей с родственными «горскими» сообществами.

Основной проблемой кавказского ислама, сохраняющей абсолютную актуальность на современном этапе, следует признать перманентное противостояние традиционных и радикальных форм доминирующей религии. На Северном Кавказе в постсоветский период указанный конфликт стал одним из ключевых элементов общественной жизни, оказывающим существенное влияние не только на региональный политический процесс, но и на административно-

управленческие практики федерального центра. Радикальный ислам превратился в универсальную идеологическую основу террористической и сепаратистской активности, имеющей глубокие исторические корни и постоянную поддержку заинтересованных иностранных государств, среди которых мирно соседствуют демократические и авторитарно-теократические режимы. В настоящее время традиционные мусульманские институты, опираясь на комплексную поддержку федеральных властей и региональных элит, постепенно возвращают утраченные позиции, способствуя конфессиональной интеграции местного населения.

Указанный процесс встречает существенные препятствия социально-экономического порядка, связанные с растущей латентной безработицей и высоким уровнем коррупционной активности, замещающей традиционные механизмы хозяйственного перераспределения и провоцирующей протестные действия, особо характерные для молодежной среды. Местная молодежь, фактически лишенная ясных жизненных перспектив и государственной поддержки, охотно принимает мировоззренческие ориентиры радикальных исламских течений, использующих не только разнообразные методы ментальной обработки, но и традиционные инструменты финансового стимулирования. Неустойчивый паритет между мусульманскими традиционалистами и радикалами не имеет объективных перспектив для длительного сохранения, а потому он неизбежно сменится естественным доминированием одной из противостоящих сторон, причем историческое время работает на более молодую группировку в возрастном измерении. Как представляется, радикальный ислам не может быть побежден исключительно репрессив-

ным путем, неизбежно детерминирующим протестные настроения и пополняющим сплоченные ряды потенциальных религиозных оппозиционеров.

В Абхазии рассматриваемая проблема, связанная с внутренним противостоянием в исламской общине, начала проявляться только в постсоветский период, что определяется сложным комплексом взаимосвязанных обстоятельств. С одной стороны, радикальный ислам начал проникать в региональное социокультурное пространство при активном участии северокавказских добровольцев, сыгравших важную роль в победном завершении грузино-абхазского конфликта 1992-1993 гг. Особое место в указанном процессе традиционно отводится представителям Чечни, возглавляемым известным полевым командиром Ш. Басаевым и завоевавшим высокий авторитет у местного населения благодаря активному и успешному участию в боевых операциях. С другой стороны, в первые послевоенные годы, когда молодое непризнанное государство оказалось в состоянии жесткой экономической блокады, инициированной грузинскими властями и поддержанной российским руководством, неофициальную экономическую поддержку оказало турецкое бизнес-сообщество, организовавшее жизненно необходимые поставки продовольственных товаров и топливных ресурсов. Хозяйственная помощь и активная коммуникация на уровне диаспорного сообщества способствовали также последовательному налаживанию неформальных контактов между мусульманскими общинами, которые использовались и для несистемной трансляции радикальных идей.

В послевоенные годы абхазское общество и политическая элита отчетливо осознали то существенное обстоятельство, что молодое государство с малочис-

ленным населением может легко оказаться в состоянии губительного гражданского противостояния, если оно допустит даже минимальное развитие этнических и конфессиональных противоречий. Единый курс местной власти и общественных институтов на религиозный и национальный мир принес очевидные результаты, выразившиеся в высокой социальной консолидации и фактической изоляции немногочисленных исламских радикалов.

Сложившаяся бесконфликтная ситуация начала постепенно меняться после известного кризиса 2004 года, когда разнообразные противоречия, сдерживаемые в предшествующий период, стали детерминирующими факторами затянувшегося политического противостояния. В указанный период прежний конфессиональный мир сменяется жестким противоборством внутри религиозных общин, сохранявших абсолютный нейтралитет во внешних контактах. В частности, 17 августа 2007 г. было осуществлено дерзкое убийство гудаутского имама Х. Гицба, которого некоторые российские и местные эксперты, а также спецслужбы, считали скрытым «ваххабитом», связанным с радикальным террористическим подпольем на Северном Кавказе и заинтересованными международными структурами. Указанное преступление не раскрыто до настоящего времени, а потому достаточно сложно говорить о подлинных мотивах жестокой расправы над видным представителем мусульманской общины.

В июле 2010 г. в Абхазии были совершены новые террористические акты, направленные против действующего имама Сухумской мечети С. Кварацхелия и полномочного руководителя Гагрского отделения Духовного управления мусульман Абхазии и члена Общественной палаты Э. Чакмач-оглы. Значитель-

ный интерес представляет то существенное обстоятельство, что неудачная попытка направленного взрыва, серьезно повредившая личный автомобиль С. Кварацхелия, стала известна Службе государственной безопасности Абхазии только через несколько дней, в течении которых велось так называемое неофициальное расследование. Дерзкое покушение на признанного лидера гагрской мусульманской общины Э. Чакмач-оглы, расстрелянного в собственном дворе, остается нераскрытым до настоящего времени, причем некоторые ангажированные эксперты полагают, что указанный террористический акт был осуществлен российскими спецслужбами, зачищавшими от исламских радикалов абхазскую территорию, прилегающую к олимпийскому Сочи.

Подобный подход объясняется последующими событиями, одним из которых стала резонансная операция, проведенная в мае 2012 года совместными усилиями Федеральной службы безопасности РФ и Службы государственной безопасности Абхазии. Официальным объектом превентивных действий стал так называемый «абхазский джамаат», организационно подчиняющийся известной террористической организации «Имарат Кавказ». В итоговой информации, представленной специальными службами, содержались впечатляющие данные о взрывчатых веществах и зенитных комплексах, обнаруженных на абхазской территории и предназначенных для потенциальных атак международных террористов во время Зимних олимпийских игр в Сочи. Однако экспертное сообщество с большим недоверием отнеслось к озвученной идее, связанной с масштабным присутствием радикальных исламистов в Абхазии. Как представляется, показательный разгром «абхазского джамаата» был масштабной демонстрацией полной

готовности российских спецслужб к комплексной защите спортивной и туристической инфраструктуры от потенциальных террористических актов, действительно планировавшихся заинтересованными лицами, связанными с северокавказским экстремистским подпольем и зарубежными спонсорами российского джихада. Однако, после кровавых внутренних конфликтов и «олимпийской зачистки» в Абхазии была устранена принципиальная основа для последующего развития радикальных исламистских идей, что не тождественно окончательной стабилизации внутри местной мусульманской общины.

Следует заметить, что конфликтные ситуации, возникающие между абхазскими мусульманами, связаны не только с дифференцированными представлениями об имманентном содержании исламского вероучения и культовой практики, но и с мирскими разногласиями, имеющими финансовый фундамент. Стремительный рост мусульманского влияния на постсоветском пространстве определялся не только историческими традициями и ментальной привлекательностью самой молодой мировой религии, но и масштабными инвестициями, поступающими от отдельных меценатов, благотворительных фондов и государственных структур Ближнего и Среднего Востока. В маргинальных кругах российского экспертного сообщества можно встретить с односторонним представлением о том, что инвестиционные ресурсы исламского мира, поступающие в северокавказский регион, полностью контролируются радикальным террористическим подпольем. В реальности значительные средства расходуются на последовательное восстановление разрушенных и аварийных мечетей, образовательные программы для разновозрастной аудитории, реальную благотворительность, которая

особенно необходима при невысоком уровне региональной экономики. Однако принципиальная проблема заключается в том, что любое распределение значительных финансовых средств является объективным условием для потенциального возникновения конфликтной ситуации. Северокавказский опыт предоставляет широкий спектр подобных примеров для различных уровней социокультурного и политического взаимодействия, а применительно к абхазским реалиям соответствующая проблематика актуализировалась как в контексте внутреннего перераспределения российских трансфертов, так и в связи с последовательным ростом зарубежного финансирования местной мусульманской общины. В частности, упоминавшееся покушение на С. Кварацхелия многие местные наблюдатели связывают с возможным перераспределением значительной финансовой помощи, полученной от благотворительных фондов Турции и Ближнего Востока.

В целом, необходимо признать, что исламский фактор играет на Юге России несравнимо большую роль, чем в отдельно взятой Абхазии, однако, общий спектр социокультурных и политических проблем, формируемых динамичным развитием самой молодой мировой религии, практически идентичен в рассматриваемом региональном пространстве. Разнообразный опыт Северного Кавказа должен быть проанализирован абхазскими властями в интересах превентивного противодействия возможным террористическим угрозам, а также для эффективной организации внутреннего социального взаимодействия.

*Добаев И.П. (Ростов-на-Дону)*

## **ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННОМУ ТЕРРОРИЗМУ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Начавшиеся в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. возрожденческие процессы практически во всех религиях в России не обошли стороной и ислам. Возрожденчество объективно предопределило политизацию и, как следствие, радикализацию ислама и исламского движения, обусловило сложный процесс институционализации исламских и исламистских структур в России, в том числе неправительственных религиозно-политических организаций радикального толка.

Опасная религиозно-политическая ситуация, сложившаяся в северокавказском регионе России, определяется целым рядом внутренних конфликтогенных факторов, среди которых эксперты чаще всего выделяют политические, социально-экономические, демографо-миграционные, этнические и собственно конфессиональные. Одновременно в самой исламской системе сложились внутррелигиозные основания исламизма, которые авторитетный отечественный исламовед А.А. Игнатенко обозначил как «эндогенный радикализм в исламе»<sup>1</sup>. Одновременно фиксируется мощное внешнее влияние на склады-

---

1. См. об этом: Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ (Лулео, Швеция). – 2000. – № 2 (8).

вающуюся обстановку. Взаимодействие эндогенных и экзогенных факторов запустило в действие разрушающий процесс политизации и радикализации ислама в современной России.

Этот процесс своим неизбежным следствием имеет появление групп адептов, скрепленных идеологией радикального исламизма, ставящих перед собой радикальные цели по созданию исламского государства, живущего по законам шариата. Реализация такого масштабного сепаратистского проекта, безусловно, невозможна мирным путем, без применения силы, и радикальные исламисты с готовностью ее используют в самых разнообразных формах, в том числе путем осуществления террористической деятельности.

Современный религиозно обусловленный терроризм — явление социально-политическое, представляющее собой идеологическую доктрину и базирующуюся на ней специфическую политическую практику. В радикальной идеологической доктрине задействованы два главных конструкта — такфир (обвинение в неверии т.н. «врагов ислама») и джихад (война за веру), подразумевающий борьбу с «врагами» любыми средствами и способами, включая террористические. В этой связи игнорирование идеологической составляющей религиозно мотивированного терроризма, перенос борьбы с терроризма на террористов, не приносит ожидаемого успеха. Более того, террористическая активность растеклась по всему Северному Кавказу, а отдельные ее метастазы уже фиксируются в Поволжье и в других регионах России. Отсюда следует, что акценты в антитеррористической практике следует переносить в плоскость идеологическую, в сферу идеолого-пропагандистской деятельности. Одновременно следует снижать уровень конфликт-

ности ключевых эндогенных факторов, подпитывающих девиации на религиозной почве. Только на этой основе возможна победа над терроризмом, а шире — деполитизация ислама. В этих целях весьма полезно обратиться к зарубежному опыту противодействия терроризму в идеологической сфере.

Международный опыт противостояния терроризму многогранен и поучителен, а потому отдельные его элементы могут быть взяты нами на вооружение. В частности, некоторые формы и методы разъяснительной и пропагандистско-идеологической работы, которой уделяется самое пристальное внимание во многих странах мира.

Например, в США большое значение придается деятельности, разоблачающей истинные цели и намерения исламских экстремистов, несостоятельность их теоретических подходов, противоречащих реалиям современного мира и коренным интересам исламских стран. Для реализации этой задачи серьезные усилия прилагаются со стороны ряда научных центров и институтов. С этой же целью регулярно проводятся специальные слушания в конгрессе США с привлечением экспертов ЦРУ, а также видных исламских ученых и авторитетов. Публикация материалов в СМИ по поводу террористических угроз приобрела в США характер хорошо организованной кампании.

Особое внимание американцы уделяют осуществлению мер по дискредитации радикалов и по поддержке умеренных исламистских сил. В США считают, что они должны побуждать правительства других стран не только оказывать силовое давление на радикальных исламистов, но и заниматься поиском альтернатив.

Одновременно Государственному департаменту и финансируемому США НПО вменено в обязанность

побуждать СМИ, в том числе радио «Свобода» и «Голос Америки», к увеличению продолжительности вещания на восточных языках, особенно на постсоветские государства СНГ, развивать контакты в области образования, направлять лекторов, производить обмены между местными религиозными деятелями и умеренными мусульманскими лидерами на Западе. При этом USAID, финансирующее визиты в США мусульманских духовных деятелей для ознакомления их с функциями ислама в демократическом обществе, всячески препятствует их контактам с базирующимися в США «ваххабитами», которые злоупотребляют предоставленными им демократическими свободами. Поэтому визитеры из Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, как правило, непосредственно общаются только с представителями традиционных умеренных школ ислама, суфийских орденов — тарикатистами и значительно реже — с умеренными реформистами-джихадистами.

США также добиваются от светских режимов мусульманского пояса прекращения преследований в отношении новых евангелистских христианских верований, буддистов и зороастрийцев. Способствуют развитию независимых СМИ, ориентирующихся на молодежь, женщин, бизнес-сообщество, на этнические и религиозные меньшинства, чтобы продемонстрировать угрозу, исходящую для указанных категорий со стороны радикальных суннитских групп.

Американцы последовательно добиваются полного запрещения или затруднения деятельности салафитско-ваххабитских организаций и других исламистских радикальных школ, проповедующих джихад против Америки и в целом Запада. Обеспечивают поддержку местных СМИ, публикующих негативные материалы и сообщения о вопиющих фактах

применения законов шариата, таких, например, как ампутация конечностей за незначительные проступки или употребление спиртного, в Пакистане, Афганистане под властью талибов, Саудовской Аравии и других местах. Показывают последствия гражданских войн джихадистского типа, таких, как в Алжире, где погибло до 200 тысяч человек. Одновременно обеспечивают поддержку тем местным СМИ, которые положительно отражают картину жизни на Западе.

В целом, американцы, говоря о перспективах борьбы с глобальным джихадом, как бы возвращаются к своей доктрине «вьетнамизации» войны во Вьетнаме, где, как они надеялись, южные вьетнамцы нанесут поражение северянам. На этот раз речь идет не об использовании бомб, пушек и напалма, а об идеологическом сражении, в котором против транснациональных исламистских сетей будут выступать десятки стран, отстаивающих свое суверенное право быть самостоятельными государствами, а не придатками «всемирного халифата». Поэтому все чаще звучат не только призывы, но и осуществляются конкретные мероприятия по разворачиванию идеологической битвы внутри самого ислама. При этом упор делается на то, что исламистский терроризм должен быть в значительной степени «разбит» внутри ислама самими мусульманами, а суть такого рода высказываний и предложений сводится к тому, чтобы победить исламистских радикалов при помощи умеренных сил<sup>2</sup>.

Американскими исследователями отмечается, что политико-идеологические установки ваххабизма распространяются по суннитскому исламскому поясу с неуклонно увеличивающейся скоростью. В послед-

---

2. См., например: Cohen A. Hizb ut-Taqhir. An Emerging Treat to U.S. interests in Central Asia // The Heritage Foundation. 2003. May 30.

ние годы они вдохнули новую жизнь в группировки «Братьев-мусульман» во многих арабских странах и кооптировали в свой состав деобандийское движение в Южной Азии (Пакистан и север Индии). Ликвидация базы «Аль-Каиды» в Афганистане, по мнению американцев, явилась крупным шагом вперед. Однако борьба с фундаменталистским насилием может продолжаться еще очень долго, если не развернуть идеологическую битву внутри самого ислама, что должно сузить базу вербовки новых членов для исламистских движений, с остатками которых потом можно будет справиться посредством вооруженного сдерживания, профессиональной работы разведки и технологических систем обеспечения безопасности<sup>3</sup>.

В развернувшейся теологической битве в первых рядах уже задействуется религиозный истеблишмент Саудовской Аравии, а также ведущие исламские центры типа университета Аль-Азхар в Египте. Слабым звеном салафитско-ваххабитской доктрины является ее враждебность, прежде всего, в отношении других направлений, течений, ветвей и толков ислама (шититы, суфийские ордены и т.д.), что автоматически множит число ее противников. Уже фиксировались призывы со стороны воинственно настроенных шититских аятолл убивать ваххабитов. Этот антагонизм создает широкое поле для деятельности, направленной на идеологическое разоружение исламистов.

В частности, под жестким прессингом американцев после известных событий 11 сентября 2001 г. в США, осуществляется противодействие терроризму в оплоте исламского суннизма — Королевстве Саудовская Аравия. Выработанная стратегия саудовских властей по противодействию терроризму включа-

---

3. Jabber P. Impact of the War on Terror on Certain Aspects of US Policy in the Middle East. 2001. December 27. <http://www.fas.org>.

ет в себя три составляющих: «люди, деньги, умы». «Люди» – это выявление, арест и осуждение террористов, разгром их структур. «Деньги» – это меры по усилению контроля над финансовыми потоками, идущими к террористам и экстремистам по разным каналам, включая перевозку денежных средств курьерами. Борьба «за умы» является, по мнению саудовских властей, самой сложной составляющей контртеррористической стратегии и требует длительного времени.

«Борьба за умы», помимо официальных заявлений саудовского правительства и религиозных деятелей, включает в себя ряд мероприятий по противодействию экстремистской идеологии, среди них:

- проведение активной антиэкстремистской кампании в СМИ с использованием различного рода объявлений, рекламных щитов и Интернета;
- распространение книг и памфлетов, видеодисков и кассет в школах, медресе, мечетях;
- перевоспитание тех богословов, которые проповедуют экстремистскую идеологию. Этим занимаются проповедники в 20 тыс. из 70 тыс. мечетей, в связи с чем саудовские власти постоянно проводят в них «просветительские» семинары и лекции.

В тюрьмах страны осуществляется программа реабилитации лиц, осужденных за терроризм или экстремизм, включая переданных американцами узников из тюрьмы на базе Гуантанамо. В 2004–2009 гг. эту программу прошли 4300 человек. После ее завершения рецидивы наблюдались примерно у 20 процентов участников, а потому ее можно считать достаточно эффективной<sup>4</sup>.

Принятые саудовскими властями меры, безусловно, снижают уровень террористической угрозы.

---

4. Добаев И.П., Добаев А.И. Терроризм и антитеррористическая деятельность в Российской Федерации. Ростов н/Дону. 2011. С. 124-125.

Тем не менее, в Саудовской Аравии терроризм остается актуальным явлением. В этой связи властями КСА признается необходимым принятие дополнительных мер как законодательного, так исполнительного и идеологического характера по противодействию терроризму.

Информационно-пропагандистская деятельность осуществляется также властями других мусульманских стран. Пропагандистская активность террористических организаций и группировок, а также их стремление посеять среди населения страх и тем самым сломить волю к сопротивлению вызывают необходимость оказания этим силам эффективного информационного противодействия.

Такого рода работа в некоторых исламских государствах, например, в Алжире, стала важной составной частью концепции национальной безопасности страны в области антитеррористической борьбы. В этом государстве создан единый информационно-пропагандистский центр. Перед ним в качестве основной была поставлена задача добиться перелома в сознании верующих мусульман, слепо воспринимающих «проповеди» экстремистов, а также вести контрпропаганду в противовес информационной войне, развязанной радикальными исламистами и их сторонниками внутри страны и за рубежом. К этой работе подключены видные ученые-теологи, религиозные лидеры, лояльно относящиеся к властям, представители средств массовой информации.

На внешнеполитическом направлении основная цель информационно-пропагандистской работы официального Алжира состоит в том, чтобы на конкретных примерах показать истинное лицо террористов, вызвать в международном сообществе возмущение их зверскими деяниями против мирных

граждан. Кроме того, алжирские правящие круги стремятся продемонстрировать Западу доказательств, свидетельствующие об интернациональном характере терроризма, опасности его распространения на другие страны и регионы, а также призвать мировое сообщество к объединению в борьбе с этим злом, несущим ему реальную угрозу.

Власти Алжира, как, впрочем, и многих других исламских государств, в религиозной контрпропаганде сосредоточивают внимание на тех положениях Корана и Сунны, которые ясно и недвусмысленно отвергают терроризм и преступность. На конкретных исторических примерах доказывается, в частности, что ваххабитское движение, возникшее на Аравийском полуострове в середине XVIII в. как стремление вернуть общество к «первоначальному исламу», фактически с самого начала вступило в противоречие с положениями, содержащимися в сакральных источниках мусульманства, отвергающими насилие. Взяв на вооружение в качестве господствующего принципа «последовательную борьбу с нововведениями в исламе», ваххабиты повергли в ужас мусульманский мир, когда на завоеванных территориях разрушали гробницы святых, в том числе, усыпальницу имама Хусейна бен-Али в Кербеле в 1802 г., а свою жестокость по отношению к другим мусульманам, не одобряющим их действия, оправдывали тем, что ведут против «неверных» священную войну — джихад.

Можно было бы приводить примеры успешной борьбы с идеологией радикального исламизма и в других мусульманских странах. Опыт этой борьбы с распространением влияния идеологии исламского фундаментализма свидетельствует о необходимости комплексного подхода к решению проблемы и в Российской Федерации. Здесь эта проблема имеет соци-

альные, политические, экономические, культурно-исторические и религиозно-этнические корни. Эффективное противостояние государства указанной угрозе возможно при условии объединения усилий всех институтов государства, наступательного информационного противодействия и наличия поддержки правительства со стороны влиятельных религиозных и общественных деятелей, гражданского общества. Понимание этого, безусловно, есть. По нашему мнению, своевременно и справедливо прозвучал тезис официального представителя Национального антитеррористического комитета России о том, что эпицентр контртеррористической деятельности должен быть смещен от силового противостояния к не силовой, политической, идейной, интеллектуальной борьбе: «...только используя широкий потенциал гражданского общества, дополняя силовой компонент активным диалогом со всеми влиятельными силами, и, наконец, опираясь на богатый исторический опыт, мы сможем поставить надежный заслон терроризму, обеспечить безопасную жизнь нашим согражданам и вселить в них уверенность в будущее»<sup>5</sup>.

---

5. Пржездомский А.С. В эпицентре противостояния идеологии смерти: интервью советника председателя Национального антитеррористического комитета. [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: <http://www.nak.fsb.ru>. Рубрика «Публикации».

*Муртазин М.Ф. (Москва)*

## **ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И МУСУЛЬМАНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В ДРУГИХ РЕГИОНАХ РОССИИ**

Прежде чем перейти к анализу современного состояния взаимоотношений государственных органов и мусульманских религиозных организаций (МРО) на Северном Кавказе и в других регионах России, как нам кажется, необходимо сделать небольшой исторический экскурс в особенности формирования самих МРО в различные исторические периоды существования российской государственности.

Если не принимать в расчет мелкие вкрапления мусульманского элемента в Великом Московском княжестве XV века в Москве, Касимовском царстве, татарских слободах Звенигорода, Серпухова, Каширы и других городов, то первоначальным шагом оформления отношений между российской государством и мусульманами следует считать вторую половину XVI века, когда войска Ивана Грозного завоевали последовательно Казанское (1552), Астраханское (1554), Ногайское (1577), Сибирское (1582-1598)

ханства. Все эти завоевания, по меткому замечанию К.Маркса, заложили «основу Азиатской России».

Административно-судебное и финансовое управление завоеванными территориями было передано вновь созданному Приказу Казанского дворца, а вот вопросами духовной культуры и просвещения от имени государства занималась созданная в 1555 г. Казанская епархия, во главе которой встал архиепископ Гурий. Главной задачей епархии в то время считалось крещение мусульманского населения покоренных областей, прежде всего, татар. Повсюду на завоеванных территориях начали строиться церкви и монастыри, а в татарских селах разрушались мечети и медресе, уничтожались мусульманские религиозные книги и рукописи, духовные лица и ученые изгонялись из крупных городов и поселений<sup>1</sup>. Политика подавления мусульманского духовного компонента в этих обретенных Россией областях и попытки насильственного крещения мусульман продолжалась до 1773 г., когда по инициативе Екатерины II был принят Закон «О терпимости всех вероисповеданий», была смягчена антимусульманская направленность внутренней политики государства, а в 1788 г. было учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС). Несмотря на это, деятельность различных миссионерских отделений в православных епархиях и академиях продолжалась вплоть до начала XX в., оставив в истории имена таких «русификаторов» мусульман, как Н.И. Ильминский, Г.С. Саблуков, Е.А. Малов, Н.П. Остроумов<sup>2</sup>.

---

1. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. М. 1991. С. 163 и далее.

2. Хабибуллин М.З. Миссионерские отделения Казанской духовной академии в 1842-1883 гг. // Электронная библиотека Казанской духовной семинарии. [http://kds.eparhia.ru/bibliot/kaz\\_schule/miss\\_otd/](http://kds.eparhia.ru/bibliot/kaz_schule/miss_otd/) (Дата обращения 01.06.2015).

Присоединение Крымского ханства к Российской империи произошло в 1783 г., через 9 лет после заключения Кучук-Кайнарджийского мирного договора, ознаменовавшего победу России над Османской империей в войне 1768-1773 гг. В результате этого договора Крымское ханство, являвшееся крупнейшим вассальным государством османов, перешло под протекторат России, а вскоре было включено в ее состав. Все административные и финансовые вопросы управления Крымом с этого времени стали решаться в российской юрисдикции. Вопросы внутренней религиозной жизни мусульман Крыма Екатерина II первоначально соглашалась оставить под духовным крылом турецкого султана в соответствии с артикулом 3 Кучук-Кайнарджийского мирного договора, который гласит: «в духовных же обрядах, как единоверные с мусульманами, в рассуждении его султанского величества, яко верховного калифа магаметанского закона, имеют сообразоваться правилам, законом их предписанным»<sup>3</sup>. Но в 1783 г. упомянутый договор был аннулирован, и Российская Империя уже сама обязалась «охранять и защищать их лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно»<sup>4</sup>. Благодаря тому, что присоединение крымско-татарского населения к российской нации происходило, во-первых, в условиях меньшего влияния православных иерархов на государственную политику, во-вторых, в рамках действия вышеупомянутого Закона «О терпимости всех вероисповеданий», крымские мусульмане, в отличие от поволжских, не подвергались политике насильственной христианизации, а их мечети не были разрушены. Более того,

3. [http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION\\_ID=6362&CENTER\\_ELEMENT\\_ID=147025&PORTAL\\_ID=6358](http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6362&CENTER_ELEMENT_ID=147025&PORTAL_ID=6358) (Дата обращения 01.06.2015).

4. Всероссийская газета мусульман «Ислам Минбаре». 2014. № 3(221).

уже в 1793 году в Крыму указом Екатерины II было учреждено второе в России Таврическое магометанское духовное управление (ТМДС).

Создание ОМДС и ТМДС в конце XVIII в. стало новой вехой взаимоотношений государства и мусульман в Российской империи, поскольку впервые были сформированы религиозные учреждения мусульман в форме ограниченной религиозной автономии, а главы духовных собраний признавались государством муфтиями всех мусульман России в своих регионах. Хотя указом правительствующего Сената в ведение МДС передавались полномочия по выборам и назначению на должности духовных лиц, выдача разрешений на строительство и ремонт мечетей, но фактически решения принимались на уровне губернских властей, а сам муфтий, формально избранный духовным собранием, назначался именованным указом императора по представлению министра внутренних дел.

Однако сам факт учреждения духовных собраний отнюдь не означал фактического единства мусульманских общин и иерархического подчинения всех мусульман одному главе. Местные общины продолжали в реальности существовать самостоятельно, обеспечивая не только свои духовные потребности и соблюдение ритуалов, но и сохраняя свою материальную независимость от центра. Подобная ситуация сохраняется в жизни мусульманского сообщества России вплоть до сегодняшнего дня, что не всегда учитывается федеральными и региональными властями.

Формирование взаимоотношений российского государства и мусульман на Северном Кавказе шло в ином русле, нежели в Поволжье, на Урале, в Сибири и Крыму. Это связано, прежде всего, с длительностью процесса завоевания Кавказа русскими войсками

и ожесточенным сопротивлением его народов, прежде всего, мусульман, российской экспансии. Не менее важным фактором, усложнившим выстраивание отношений российской государственности с народами Кавказа, являлся их пестрый этнорелигиозный состав. По этим причинам традиционный способ создания духовного собрания или управления долго не приживался в этом регионе. Мусульмане Северного Кавказа продолжали сохранять свое автономное бытование с различными взглядами на связи с православной Россией и мусульманской Турцией, со своими проблемами деления на «ортодоксальных» мусульман и «тарикатистов», борьбой между различными суфийскими течениями накшбандия и кадирия. Все внутренние проблемы религиозных общин не входили в сферу интересов русской военной администрации на Кавказе и передавались на суд глав тейпов и кадиев.

Советский период взаимоотношений государства и мусульманских организаций в России стал тяжелейшим испытанием на прочность веры и терпения мусульман. Об этом периоде написано много, но вывод можно сделать один: несмотря на колоссальные усилия государства с целью искоренения религиозного сознания в течение 70 лет Советской власти, превратить религию в «пережиток» не удалось, и при первом же послаблении религиозная жизнь мусульман в России вступила в период возрождения.

Тем не менее, внимательное рассмотрение процессов исламского возрождения в современной России и изучение изменившихся взаимоотношений государства и мусульманских религиозных организаций показывает как положительные, так и отрицательные стороны этих процессов в течение последних трех десятилетий. Но почему же мы говорим о тридцати го-

дах? Ведь сама Российская Федерация в ее новом облике существует только с 1991 г. Ответ заключается в том, что процессы исламского возрождения начались несколько раньше, чем распался Советский Союз и рухнул коммунистический строй.

Изучение вопроса, на каком уровне находились отношения государственных органов и МРО в 80-х годах прошлого века, следует начать с обозначения структурных единиц, которые обеспечивали это взаимодействие. В СССР до Великой Отечественной войны действовало единое и единственное Центральное Духовное управление мусульман (ЦДУМ) с центром в Уфе. По признанию муфтия ЦДУМ Ризаэтдина Фахретдинова к 1930 г. большая часть религиозных организаций мусульман находилась накануне полного разрушения, а само ЦДУМ в 1935 г. готовилось к демонстративной ликвидации<sup>5</sup>, поскольку Антирелигиозная комиссия ЦК ВКП(б) через постановления Правительства осуществляла политику планомерной ликвидации всех мечетей и медресе, подвергала арестам и физическому уничтожению мусульманских священнослужителей, преследовала любые проявления религиозной жизни даже на бытовом уровне.

Тем не менее, суровые испытания Великой Отечественной войны способствовали улучшению отношений между государством и религиозными организациями. Осенью 1943 г. Советское правительство дало согласие на создание трех новых Духовных управлений: мусульман Средней Азии и Казахстана с центром в Ташкенте, Северного Кавказа – в Буйнакске, Закавказья – в Баку. ЦДУМ в Уфе было переимено-

---

5. См. Муртазин М.Ф. Мусульманин в России // Ислам и мусульмане в России. Сборник статей. М. 1999. С. 14; Нуруллаев А.А. Ислам и мусульмане России в условиях советского режима // Ислам и мусульмане в России. Сборник статей. М. 1999. С. 141.

вано в Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири. Верующим был возвращен ряд мечетей, многие служители ислама были выпущены из мест заключения, а с 1944 г. было разрешено совершать хадж для очень незначительного числа «проверенных и надежных» мусульман<sup>6</sup>. В 1945 г. в Бухаре было создано первое в СССР мусульманское медресе Мир-Араб, в 1971 г. в Ташкенте учредили высшее учебное заведение – Исламский институт имени имама аль-Бухари. К слову, все российские имамы и муфтии получали богословское образование именно в этих учебных заведениях.

С другой стороны, 19 мая 1944 г. при Правительстве СССР был образован Совет по делам религиозных культов, который в 1965 г. переименовали в Совет по делам религий (СДР). Совет принимал решения о регистрации и ликвидации религиозных организаций, об открытии и закрытии молитвенных зданий и домов, и определял многие другие вопросы взаимодействия государства и религиозных организаций. При всех ограничительных и жестких контрольных функциях Совета по делам религий, одним из положительных моментов его существования стала четкая регламентация порядка и условий существования МРО. В Совете работали не только партийные идеологи, но и ученые, специалисты по исламу, включая Абдула Абдулвагаповича Нуруллаева, Талиба Сарымсаковича Саидбаева, которые хорошо знали специфику и особенности этой мировой религии, и старались, хоть в какой-то мере, ограничивать административное рвение чиновников.

Естественно, что осуществлять контроль из центра даже за не столь многочисленными официально зарегистрированными мечетями и местными МРО

---

6. Нуруллаев А.А. Указ. соч. С. 146.

(к 1991 г. таковых в РСФСР насчитывалось 870)<sup>7</sup>, было невозможно, поэтому в каждом областном центре работал уполномоченный СДР, на которого возлагалось решение практических задач взаимодействия с МРО, подготовка рекомендаций и решений. Все решения принимались обязательно с согласованием их с местными партийными и административными органами. Решения по наиболее важным вопросам (строительство или закрытие мечетей, учебных заведений) принимались только в СДР, но в своей повседневной работе уполномоченные были достаточно самостоятельны, и вопросы выборов руководителей местных организаций и духовных лиц (разделение полномочий было обязательным в советское время), беседы с верующими, определение кандидатов на учебу в медресе, входили в компетенции уполномоченных на местах. Авторитет этих уполномоченных был достаточно высок еще и потому, что за ними стояли не только партийные, но и правоохранительные органы, и наиболее «строптивых» мусульманских деятелей и священнослужителей подвергали административному и уголовному преследованию, при этом чаще всего такие меры применялись по отношению к незарегистрированным общинам на Северном Кавказе и в Крыму<sup>8</sup>.

В период с 1985 по 1991 гг., который принято называть «перестройкой», начали формироваться новые подходы к государственно-конфессиональным отношениям. Регистрация новых религиозных объединений, создание духовных учебных заведений, более широкое участие религиозных организаций в социально значимых и благотворительных мероприятиях стали свидетельством того, что государство

---

7. Ислам и мусульмане в России. Сборник статей. Прил. 1. М. 1999. С. 205.

8. Малашенко А.В. Ук. соч. С. 46.

ослабляет жесткий контроль над деятельностью религиозных структур, но даже в этот период перемены коснулись в основном лишь Русской Православной церкви (РПЦ)<sup>9</sup>. В августе 1986 г. появился один из последних антимусульманских партийных документов «Об усилении борьбы с влиянием ислама», установки которого выполнялись вплоть до октября 1990 г., когда был принят новый закон «О свободе совести и религиозных организациях», согласно которому гражданам впервые за всю историю СССР получили право свободно создавать религиозные общества, строить храмы, создавать духовные учебные заведения, экспортировать, импортировать и распространять предметы религиозного назначения и религиозную литературу.

Казалось бы, такие значительные послабления и свободы в отношении религиозной жизни внутри страны должны были послужить активизации деятельности официальных духовных управлений мусульман, но фактически события пошли по другому сценарию. Тревожным сигналом для спокойного развития отношений государственно-исламских отношений, сложившихся в поздний советский период, стало смещение муфтия ДУМ Средней Азии и Казахстана Шамсуддина Бабахана. Это произошло 4 февраля 1989 г. после массовой демонстрации верующих в Ташкенте. Чуть позднее произошло смещение муфтия единого ДУМ Северного Кавказа М. Геккиева и началось создание отдельных духовных управлений каждой из северокавказских республик<sup>10</sup>. Распад ДУМ Европейской части и Сибири пришелся на 1992 г., когда от муфтия Талгата Таджуддина откололись практически все его ученики и создали самосто-

9. Нуруллаев А.А. Указ. соч. С. 155.

10. См. подробнее <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2003/10/d1072/> (дата обращения 02.06.2015).

тельные духовные управления в Татарстане, Башкирии, Москве и многих других регионах. Только ДУМ Закавказья во главе с шейх аль-исламом Аллашукюром Паша-заде сохранило свою целостность и единство руководства. Все эти процессы разделения духовных управлений проходили на фоне борьбы за децентрализацию власти под знаменитым лозунгом Б.Н. Ельцина «берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить».

Тем не менее, главными причинами распада, произошедшего внутри мусульманского религиозного пространства СССР и России, можно назвать, по нашему мнению, следующие:

- искусственно навязанное в 40-е гг. разделение на 4 духовных управления для всего СССР уже перестало отражать фактическую картину внутрирелигиозной структуры мусульманского сообщества страны;
- сами ДУМ в силу своей полной подчиненности государственным органам оказались неготовыми к новым веяниям в среде мусульман, проявившимся в начале 90-х гг.;
- в силу резкого ослабления контроля над деятельностью религиозных организаций государственные органы оказались не готовыми противостоять подъему новых нетрадиционных мусульманских структур;
- в новых демократических условиях начала 90-х гг. органы власти Российской Федерации не имели никаких государственных установок по работе с образовавшимися мусульманскими религиозными и общественными организациями, особенно с теми, которые показали свое стремление к политизации исламского фактора.

Новый этап развития взаимоотношений государства с мусульманскими организациями в РФ начался уже после распада Советского Союза и ликвидации

СДР. Необходимо отметить, что требование ликвидации Совета выдвигалось целиком и полностью РПЦ. В Советском Союзе ДУМ значительно в большей степени, чем Патриархия, были зависимы от государственных органов. Факты низвержения муфтиев Средней Азии и Северного Кавказа стали наглядным примером того, что может произойти с другими, поэтому муфтии ДУМ не возражали против сохранения СДР или другого подобного госоргана. Но влияние руководства РПЦ на новые власти было настолько сильным, что Патриархия смогла воспрепятствовать воссозданию в Российской Федерации единого правительственного органа по работе с религиозными организациями. Функции по обеспечению взаимодействия государства с религиозными организациями передавались то Министерству по делам национальностей в его многочисленных ипостасях, то Министерству регионального развития, то Комиссии по вопросам взаимодействия с религиозными объединениями при Правительстве РФ, пока не нашли в последние годы «постоянной прописки» в Управлении Президента РФ по внутренней политике.

Кроме того, что взаимодействие государства и МРО пережило за этот период такую чехарду, не способствовавшую выстраиванию государственно-исламских отношений, значительным недостатком можно также назвать и то, что за это время не было подготовлено и принято ни одного открытого государственного документа, в котором были бы изложены основные принципы подобного взаимодействия. Это, очевидно, является свидетельством того, что в этой сфере существует серьезная проблема отсутствия кадров и административных ресурсов, которая может негативно сказаться на дальнейшем развитии не только государственно-религиозных, но и меж-

национальных отношений в нынешней Российской Федерации.

Резюмируя особенности взаимоотношений государства и МРО за этот период, напрашивается вывод, что отсутствие какой-либо цельно оформленной и обоснованной политики в этой важной и сложной социальной сфере создает проблему, от которой страдают, прежде всего, государственные органы, которые не имеют представления о том, как себя вести с мусульманскими организациями. Во всех федеральных министерствах от вопросов взаимодействия с МРО бежали как «черт от ладана»: это касалось и образования, и культуры, и работы с военнослужащими. Поскольку аппарат Совета по делам религий был разогнан, то специалисты разбрелись по разным углам, а принимать какие-либо решения, или давать рекомендации, как сотрудничать с МРО, было просто некому. Только одно министерство юстиции безотказно регистрировало местные и централизованные религиозные организации мусульман, духовные образовательные учреждения и учебные центры, не заглядывая в содержание их уставов и образовательных программ. Казалось бы, руководству многочисленных теперь ДУМ, местных религиозных организаций, духовных образовательных учреждений следовало радоваться и пользоваться предоставленными свободами, но, как и всякая свобода не должна означать вседозволенность, так и религиозная свобода должна иметь свои разумные пределы. И если руководство РПЦ это осознавало достаточно ясно, не допустив развала своей единой иерархической структуры и начав планомерную борьбу с сектами и нетрадиционными религиозными течениями, то мусульманское сообщество оказалось неготовым ко многим новым явлениям внутри своей религиозной общины.

Подобная ситуация привела к целому ряду внутренних проблем в жизни мусульманского сообщества России, в числе которых можно обозначить следующие:

1. Безудержный рост числа общин, особенно ДУМ, во всех регионах России привел к тому, что между ними началась внутренняя борьба за первенство как в своих регионах, так и на общероссийском уровне. К концу 90-х гг. в стране было зарегистрировано более 50 централизованных религиозных организаций мусульман, при этом в отдельных субъектах, например, в небольшой и отнюдь не мусульманской Мордовии их действовало одновременно четыре. Все они не только соперничали между собой внутри региона, но еще и поддерживали каждый более крупную структуру, к которым можно отнести Совет муфтиев России, Центральное ДУМ, Координационный центр мусульман России.

2. Никаких попыток объединить эти организации ни на региональном уровне, ни на федеральном не предпринималось. Предложение включить в закон Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» пункт о том, что в республике может существовать только одно централизованное ДУМ, не получило поддержку на федеральном уровне, хотя фактически в Татарстане, да и во многих северокавказских республиках, при административной поддержке органов власти удалось сохранить формальное единоначалие ДУМ.

3. При создании религиозных объединений, которые все по закону именовались «мусульманскими» и определялись только на основании справки о принадлежности к религии «ислам», не учитывалась их конфессиональная соотнесенность. Появление шитских объединений в центральной России, Повол-

жье, создавало напряженность между мусульманами внутри регионов, поскольку отношения суннитов и шиитов всегда были не только сложными, но иногда и антагонистическими, чему наглядным примером сегодня является ситуация в Ираке.

4. Главная проблема заключалась в том, что началось безудержное проникновение в МРО представителей экстремистских и радикальных мусульманских течений, которые стали называться то «последователями чистого ислама», то «ваххабитами», то «салафитами», то «такфиристами» и т.п. Они никогда формально не прописывали свою идеологическую направленность, но в своей деятельности очень четко и ясно проявляли принадлежность к так называемым «нетрадиционным» формам ислама.

Самым сложным периодом в этом отношении, без сомнения, стали 90-е годы. Отсутствие продуманной политики в сфере государственно-религиозных отношений в широком плане, и государственно-исламских, в узком, негативно отразилось на организационной стороне деятельности самих мусульманских общин и духовных управлений, но основной и наиболее опасной проблемой во взаимоотношениях государства и ислама стал религиозно-политический фактор, который резко активизировался на Северном Кавказе.

Необходимо отметить, что в силу определенных факторов политизация ислама в Поволжье, на Урале, в Сибири, в Центральной части России проявилась не так сильно и явственно, как на Северном Кавказе. К числу этих факторов можно отнести следующие:

- в среде тюркских народов России, представляющих подавляющее большинство мусульман этих регионов, исторически сложилась высокая степень веротерпимости;

- уровень религиозности мусульман Поволжья, Урала и Сибири и их идеологической противопоставленности православным был существенно ниже;
- в названных регионах сохранялась стабильная экономическая ситуация;
- степень интегрированности мусульман этих регионов в экономическую и культурную жизнь всего российского общества была значительно более высокой по сравнению с Северным Кавказом;
- период сосуществования мусульман Поволжья, Урала и Сибири с русскими/православными в рамках российской государственности был существенно дольше, чем у народов Северного Кавказа.

Отсутствие государственной политики в вопросе взаимоотношений с МРО, нежелание государства противостоять проникновению экстремистских и террористических группировок в среду мусульманской молодежи, особенно на Северном Кавказе, политизация ислама и использование его в реализации сепаратистских планов, создали в конце 1990-х гг. реальную угрозу целостности и безопасности Российской Федерации. События чеченских войн еще свежи у всех в памяти, и о них написано достаточно много.

Естественно, что винить только ислам в проблемах Северного Кавказа 90-х гг. нерационально, поскольку в этом регионе образовалось целое переплетение национальных, культурных, экономических факторов, приведшее к возникновению вооруженных конфликтов. Но то, что карта политического ислама была очень умело разыграна в попытках отделения Северного Кавказа от России с использованием вооруженной, политической и идеологической борьбы, сегодня уже не подлежит сомнению.

В рамках изучения особенностей взаимоотношений государства и МРО того времени необходимо

сделать особый акцент еще на один важный вопрос. Именно в те 90-е гг. многие тысячи молодых мусульман, а иногда просто дети, отправлялись на учебу в арабские и другие мусульманские страны. На эту проблему почему-то никто не хотел обращать серьезного внимания, хотя любой трезвомыслящий человек, тем более государственный чиновник из числа бывших советских (других просто не было) функционеров, должен был прекрасно понимать, что так же, как те молодые люди, которые учились в течение десятилетий в Советском Союзе, возвращались с определенным идеологическим багажом в свои страны, так и молодые мусульмане, прошедшие обучение в Саудовской Аравии, Египте, Иордании и других странах, вернутся заряженные идеями, отнюдь не симпатизирующими «кафирской» стране, а скорее враждебными по отношению к ней. Этому способствовала не только система их обучения, но и во многом пропаганда, которая представляла Россию и на Западе, и на Востоке как врага ислама и мусульман. Мы внутри страны тогда мало знали об этом, но любая поездка на Арабский Восток, показывала, что видели жители этих стран по ТВ и как они были настроены по отношению в России.

По мнению экспертов, число тех, кто получил исламское образование за рубежом после распада Советского Союза, превысило 10 тысяч человек<sup>11</sup>. Цифра сама по себе немалая, но если задуматься о том, каким может стать число радикально настроенных мусульман, если за каждым из них последует еще сто человек, то это станет серьезнейшей проблемой. Но, поскольку все эти молодые люди учились в разных странах (начиная от Малайзии и кончая Марокко), изучали различные течения, направления, мазхабы,

---

11. <http://www.rg.ru/2012/04/04/islam.html> (дата обращения 02.06.2015).

а следовательно, разделены между собой, то и внутри России они не представляют собой единую проповедническую «пятую колонну». Именно поэтому во внутреннем мусульманском пространстве образовались зачастую противоборствующие между собой течения, а отнюдь не единое радикальное ядро.

Тем не менее, основной проблемой взаимоотношений государства и МРО на Северном Кавказе и в 90-е гг., и в начале XXI столетия, было и остается распространение радикальных и экстремистских идей, облаченных в многочисленные тоги «ваххабизма», «салафизма», «сафисламизма», «такфиризма» и т.д. Как уже отмечалось, в начале 90-х гг. государственные органы ни в центре, ни на местах не имели реального представления об опасности распространения подобных тенденций в среде мусульманской молодежи. Прямые указания самих мусульманских деятелей на серьезную опасность распространения этих идей получали один ответ государственных органов всех уровней: в соответствии с Федеральным законом «О свободе совести» религиозные организации отделены от государства, поэтому мы не можем вмешиваться в эти вопросы. И только в тот момент, когда эта радикально настроенная часть молодых мусульман Северного Кавказа стала основным костяком в вооруженной борьбе в ходе чеченских войн, когда террористические акты достигли Буденновска, Волгограда и даже Москвы, власти стали задумываться о том, как бороться с этими явлениями внутри мусульманского сообщества.

Первым государственным актом, направленным непосредственно против экстремистов, стал закон Республики Дагестан от 22 сентября 1999 г. «О запрете ваххабистской и иной экстремистской деятельности на территории Дагестана». В 2000 г. Народное собра-

ние Дагестана даже выступило с инициативой принятия федерального «антиваххабистского» закона, но она была отвергнута Комитетом Государственной Думы по делам общественных организаций и религиозных объединений как не соответствующая Конституции. Принятие этого закона сопровождалось бурной дискуссией, в том числе и в мусульманских кругах, и хотя он был принят, но оказался несостоятельным, поскольку не давал четкого определения признаков того, что представляет собой «ваххабизм», и фактически не действовал. В настоящее время в Дагестане идет обсуждение нового закона «О профилактике экстремизма», который должен прийти на смену прежнему «антиваххабистскому».

Острые борьбы с распространением экстремизма среди мусульманской молодежи находилось на местах, в особенности, в Дагестане, но реальных средств для борьбы не столько с религиозной, сколько с преступной деятельностью не было ни у местных властей, ни у религиозных организаций. Попытки переложить задачу преодоления экстремизма среди мусульманской молодежи на духовные управления или на мусульманские учебные заведения изначально являлись утопическими, поскольку, как отмечалось выше, эта проблема давно переросла уровень внутрирелигиозных и межконфессиональных дискуссий: разговор шел не на уровне слова, а на уровне кулака и автомата.

Основными партнерами государственных органов, особенно в Дагестане и в Чечне, стали представители ДУМ, которые придерживались суфийских течений, которых иногда называют «тарикатистами». Естественно, что последователи других течений ислама, а уж тем более агрессивны настроенные экстремистские группы, которые в начале 2000-х гг. оконча-

тельно ушли в подполье, стали выражать свое недовольство не только на словах. Наряду с организацией громких массовых террористических актов, они стали проводить политику ликвидации не только представителей власти, но и своих идейных противников в лице религиозных деятелей. Р. Силантьев сообщает, что «начиная с 1995 года на лидеров традиционного ислама было совершено 68 нападений, в результате которых погибли 57 человек и еще 24 получили ранения»<sup>12</sup>, но сам тут же оговаривается, что эти сведения неполные. Вопрос скорее не в количестве погибших, а в их качестве, поскольку жертвами подобных нападений становились наиболее образованные и активные деятели, ученые и богословы мусульманской уммы. Только в период с 2010 по 2014 гг. среди них можно упомянуть и муфтия Татарстана И. Файзова и его заместителя В. Якупова, ректора Северо-Кавказского исламского университета М. Садикова, главу накшбандийского тариката Саида Чиркейского и многих других. Совершенно очевидно, что эта война продолжается и в наши дни, и вряд ли закончится в ближайшем будущем.

Подходя к анализу новейшего этапа взаимодействия государственных органов с МРО в 2000-2014 гг., следует отметить, что весь комплекс этих вопросов в последние годы был передан в Управление Президента РФ по внутренней политике. Поскольку к этому моменту период активных боевых действий в Чечне был завершен, то перед ответственными сотрудниками Администрации Президента встала задача выстроить в какой-то степени новую систему взаимоотношений с МРО, а также решить вопрос о прекращении финансирования экстремистов и террористов из-за рубежа. Если попытаться реконструи-

12. <http://www.pravoslavie.ru/smi/55934.htm> (дата обращения 02.06.2015).

ровать план действий, нацеленных на решение этих задач, то его можно было бы представить в следующем виде:

- оказать материальную помощь МРО в деле содержания мечетей, священнослужителей, издания просветительской литературы;
- создать систему подготовки мусульманских священнослужителей и специалистов по исламу внутри страны, ограничив выезд молодежи на учебу за рубеж;
- ограничить финансирование мусульманских организаций из-за рубежа и поставить этот процесс под государственный контроль.

Поскольку реализация этих задач без серьезных финансовых возможностей является невыполнимой, то в числе первых мероприятий было создание Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования, который, используя средства спонсоров, стал оказывать целевую поддержку местных религиозных организаций и ДУМ, исламских учебных заведений, различных просветительских, культурных и благотворительных программ<sup>13</sup>. Естественно, что сам по себе Фонд не может стать полноценной альтернативой комплексной системы взаимодействия государства и мусульманских организаций России, но он, в определенной мере, обозначил новую внутривнутриполитическую линию, указывающую на то, что государство готово проявлять интерес к проблемам МРО. Но основным выводом в вопросе развития государственно-исламских отношений в будущем может заключаться только в том, что необходима глубоко продуманная, идеологически обоснованная и материально обеспеченная программа, в которой должны принять участие орга-

---

13. См. о деятельности фонда на официальном сайте <http://www.islamfund.ru/> (дата обращения 02.06.2015).

ны власти различного уровня, МРО, научные круги и общественные организации.

Подводя итог, необходимо отметить, что ситуация 90-х гг. в отношениях государства с мусульманскими организациями, особенно на Северном Кавказе, еще не ушла в далекое и невозвратное прошлое. Опыт показывает, что экстремизм и терроризм как широкое международное явление имеет тенденцию плавного перетекания из одного региона в другой. В настоящее время все внимание в отношении так называемого «исламского» терроризма направлено на страны Ближнего Востока, где ведет активную деятельность ИГИЛ, но, в случае стабилизации ситуации в Сирии, Ираке, Ливии и других государствах в ближней или дальней перспективе, новая волна религиозного экстремизма может вернуться обратно в Россию, как в республики Северного Кавказа, так и в приграничную Среднюю Азию. И в этом случае очень важной является готовность и государственных органов, и мусульманских организаций противостоять новым вызовам и угрозам.

*Собянин А.Д. (Москва)*

## **ТРАНСПОРТНО-ИНФРАСТРУКТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КАВКАЗСКОГО И СРЕДНЕАЗИАТСКОГО РЕГИОНОВ: РОЛЬ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫХ ФАКТОРОВ**

В своём докладе я хотел бы показать прежде всего закономерности – как соотносятся транспортно-инфраструктурное развитие стран и территорий и этнорелигиозные факторы, психология народов, их модели хозяйствования и жизнедеятельности.

Начну с одного сюжета. Мы с 1999 г. писали о Киргизско-Китайской железной дороге (ККЖД). В 2001 г. ККЖД обрела статус закона Киргизской Республики «О приоритете проекта строительства железнодорожной линии Балыкчы-Джалал-Абад-Торугарт с выходом в Китай». В дальнейшем дело забуксовало, т.к. прямо угрожало геополитическим интересам России и Казахстана из-за предлагаемой узкой «китайской» ширины колеи. После двух революций 2005 и 2010 гг. тема дороги снова стала обсуждаться в Минтранском и в правительстве Киргизии.

27 мая 2013 г., во время саммита ОДКБ в Бишкеке, президенты Кыргызстана и Таджикистана подписали документ о строительстве железной дороги Россия – Казахстан – Кыргызстан – Таджикистан (в текстах нашей группы дорога из Сибири в Ферганскую долину и далее в Таджикистан называется ЖДЧФ, желез-

ная дорога Чуй-Фергана). Подписали в присутствии президентов России и Казахстана. Естественно, что на этот раз речь шла не о китайской колее, а о нашей евразийской колее 1520 мм. Не успели просохнуть чернила, как снова начались заигрывания с китайцами. Причём и в вопросе приоритета ККУЖД (в Китае дорога называется иначе – Китайско-Киргизско-Узбекской железной дорогой). После высказанного в России и в Казахстане недопонимания, киргизы снова вернулись к маршруту ЖДЧФ. Однако теперь начали мудрить с конкретным маршрутом ЖДЧФ, так произвольно рисуя его, что он больше похож на создание инфраструктуры для китайской ККУЖД. Это, вдобавок, подтверждается тем, что ТТХ дороги ККУЖД изменяется так, что она будет выглядеть уже военно-стратегической.

Казалось бы, зачем киргизам терять (не получая) сотни миллионов долларов вложений в ЖДЧФ и потенциальные миллиарды долларов из-за отсутствия дороги в Сибирь? Неужели ради десятков миллионов долларов, которые китайцы платят киргизским чиновникам за лоббизм, платят в виде финансирования «разработки» и «доработки» давно готового проекта ККУЖД? А всё дело в психологии, которую не учитывают ни русские, ни казахи, но учитывают китайцы. Между тем это вопрос принципиальный не только для киргизов, но и для России. Конечно, в скором будущем через Киргизию пролягут обе дороги, но то, чей проект будет реализован первым, определит и геополитическую ориентацию Киргизии.

Стратегическая разработка нашей научно-аналитической группы по инфраструктуре носит название «Система транспортных евразийских коридоров» (СТЕК). Целый ряд публикаций аналитиков группы 1999-2002 гг. по перспективным крупным

железнодорожным и автодорожным, морским проектам на Кавказе, в Средней и Центральной Азии, в Сибири и в Арктике в 2002-2003 гг. был обобщен и систематизирован в рамках деятельности Центра комплексных транспортных решений «ТрансЕвразия», который возглавлял эксперт по инфраструктурному развитию К.К. Рахимов, а в 2003 году обрел целостный вид в виде концепции СТЕК. За теоретическую основу мы взяли концепцию «Плиты и мосты» ленинградского геополитика С.Б. Переслегина и его группы. Основные разработчики СТЕК – Ю.Н. Голубчиков, Ю.М. Плюснин, В.С. Тикунов, К.К. Рахимов, С.Е. Боровиков, В.А. Бельдей и А.Д. Собянин. Коридоры СТЕК мы популяризировали в Министерстве транспорта и коммуникаций Казахстана, в Министерстве транспорта России, в ОАО «РЖД», встречали понимание и поддержку, а председатель Исполкома Координационного транспортного совещания СНГ Е.Д. Казанцев защищал идею СТЕК в Минтрансе РФ.

СТЕК появился как прямое продолжение русской и советской академических школ, которые традиционно рассматривали неразрывность географического пространственного экономического развития и развития общественного, гуманитарного, культурного. Разумеется, концепция транспортных евразийских коридоров во многом преемственна в первую очередь подходам советского территориально-промышленного развития. Которое, в свою очередь, прямо, через Комиссию по разработке плана электрификации России (ГОЭЛРО под руководством Г.М. Кржижановского), преемственно стратегическому планированию Российской империи, я имею ввиду Комиссию по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), созданную юри-

дически в 1915 году, но де-факто начавшую работать ещё до начала Первой мировой войны. Идея СТЕК опирается на отца русской геополитики генерал-майора А.Е. Вандама (Едрихина) и первого ректора Московского института востоковедения и организатора первых двух Съездов народов Востока М.Л. Вельтмана (Павловича), т.е. на военно-географический и востоковедно-географический фундамент русской геополитики 1900-1920-х годов. При разработке мы отталкивались от критики принятых в последние два с половиной десятилетия в России европейской системы международных транспортных коридоров (МТК) и системы азиатских коридоров ООН (ЭСКАТО ООН), т.к. они направлены в первую очередь на развитие международной торговли, и лишь в десятую очередь – на развитие экономики регионов и стран, через которые проходят. Что в корне противоречит русским, советским и евразийским академическим подходам.

Слаженная работа десятков и сотен учёных, инженеров, аналитиков, госслужащих – это дело сложное, требующее именно академического универсализма и сочетания практического опыта и теоретических знаний. Поэтому, скажем, в мире есть только два по-настоящему планетарных стратегических планирования, и сейчас уже проявляется и третье, китайское. Назову основные проекты инфраструктурного развития.

Лучше всего проработаны проекты Д.М. Рыскулова, А.А. Белякова и Ю.В. Громько. Д.М. Рыскулов опубликовал целый ряд книг по Трансазийскому коридору развития из Арктического региона (ЯНАО и ХМАО) через Казахстан и Среднюю Азию в Индию, Иран и Арабские страны. По этому коридору был проведен ряд больших конференций, организован-

ных правительствами ХМАО и города Москвы, самая крупная была в 2009 году.

Разработанный группой Ю.В. Громыко Трансевразийский коридор развития из континентальных США через Канаду и Аляску, далее через Чукотку и Якутию с направлением на Монголию, и через Среднюю Азию в Индию, Иран и Арабские страны. С Трансевразийским коридором развития практически полностью совпадает прорабатываемая нами Индо-Сибирская железная дорога, первым участком которой и должна стать вышеупомянутая ЖДЧФ из Западной Сибири в Ферганскую долину.

А.А. Беляков разрабатывал с конца советских времён Транспортно-энергетическую водную систему Евразии (ТЭВС), которая должна была бы заменить разрозненные отраслевые подходы к развитию гидроэнергетической сферы, а также речной системы и системы каналов. Фактически, А.А. Беляков завершил начатую еще в конце XIX века проработку единой системы рек и каналов в Российской империи, когда с Памира до Санкт-Петербурга, с берегов Амура до Петербурга можно было везти грузы только водным транспортом, что намного дешевле, чем железные дороги, при этом минуя океанические моря, которые всегда находятся под внешним воздействием. Благодаря поддержке «Проектного государства» Ю.В. Крупнова, ТЭВС разработки А.А. Белякова опубликована как «Речная доктрина Российской Федерации».

Все эти стратегические концепции не только учитывают этнопсихологические особенности народов, но и прямо подразумевают такое экономическое развитие регионов в транспортных коридорах, которое бы помогало одновременно и сохранять важнейшие особенности моделей жизнедеятельности и быта,

отношений с природно-географическим ландшафтом и антропогенным ландшафтом, и сопрыгать их с аналогичными моделями соседних народов, а также с новыми видами жизнедеятельности, которые с неизбежностью приходят вместе с новой инфраструктурой. Это наш русский академический подход – не рассматривать народы в отрыве от географии и территориального развития.

Безусловно, при взаимосвязи инфраструктурного развития и жизни народов особенно значим военно-стратегический и военно-географический фактор. Важно, что «постсоветское» время уходит в историю, приходит время нового «Большого государства» – Евразийского Союза. И в будущее мы пойдем через общую, совместную работу в общих совместных проектах. Ибо только так при экономическом развитии мы сможем содействовать развитию наших народов в замечательном евразийском единстве в многообразии. Мир нашего Евразийского Союза станет иным, чем сейчас. Но хорошим он станет только нашим с вами умом и нашей с вами волей.

**СЕКЦИЯ 2.**  
**Религия и политика на Юге России:**  
**проблемы науки, культуры,**  
**воспитания и толерантности**

*Черноус В.В. (Ростов-на-Дону)*

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ**  
**АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ**  
**ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**  
**НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Первое пятилетие деятельности Научного общества кавказоведов, его организационные и содержательные итоги, убедительно свидетельствуют, что оно состоялось и стало важным фактором развития как кавказоведения, так и кавказской политики России, международного научного сотрудничества по проблемам Южного и Российского Кавказа. Сомнения, которые звучали на учредительной конференции в Сухуме, не оправдались. Во многом это заслуга нашего председателя Александра Борисовича Крылова и его ближайших соратников.

Площадки, которые создает НОК для дискуссий кавказоведов по самым актуальным темам чрезвычайно важны, т.к. постоянно генерируют научные коммуникации.

Тема моего выступления посвящена соотношению этнической, конфессиональной и российской идентичности и потенциалу государства и социально-гуманитарных наук (кавказоведения) в одном из самых сложных и проблемных регионов Российской Федерации – на Северном Кавказе. Формирование российской идентичности, консолидация российского общества, особенно на полиэтничном Северном Кавказе – это важнейшая задача всего комплекса социально-гуманитарных наук и национальной государственной политики.

Теоретическая проблема – что мы понимаем под этносом, народом, нацией – не сводится только к понятийному аспекту, она определяет стратегическую цель движения общества и государства. Спор о том, должна ли Россия стать политической гражданской нацией по типу западных государств – наций, в которых этнические и конфессиональные признаки элиминируются, или же должна развиваться через этнонации как многонациональный народ, ведется весь постсоветский период.

Разработчики «Стратегии государственной национальной политики России до 2025 г.» нашли «соломоново решение», считая его крупным теоретическим достижением: российская политическая нация и многонациональный народ России (как зафиксировано в Конституции России) это синонимы. В какой-то степени такая позиция имеет основания, если иметь в виду перспективы интеграционных процессов для Российской Федерации в составе Евразийского Союза. (Аналогичные проблемы встают

перед Европейским Союзом, если он будет двигаться в сторону укрепления общеевропейских надгосударственных структур: европейская идентичность, национально-государственная идентичность, т.е. политическая нация, актуализирующаяся этнонациональная идентичность. Например, французы как политическая нация и этнические французы).

Но, если речь идет о современной Российской Федерации, то очевидно, что стратегия, направленная на построение гражданской политической нации, социально-гуманитарные технологии, используемые при этом, будут иными, чем стратегия дальнейшего развития многонационального народа России. Если на Западе реализуется модель гражданской нации, элиминирующей этнические и конфессиональные отличия (отсюда борьба с хиджабами, крестами и другими маркерами подобной идентичности), то в России традиционно к внешним признакам этничности или конфессиональности относятся нейтрально.

В России невозможно конструирование гражданской политической нации только на политической основе и общих социальных компетенциях населения, без обострения защитной напряженности в межэтнических отношениях. Необходимо искать баланс этих качеств и характеристик с духовными и социокультурными смыслами, которые вкладываются различными народами в общечеловеческие ценности<sup>1</sup>.

В этом смысле Стратегия не определяет четко свою конечную цель, и, соответственно, пути ее достижения. В ней фактически не учитывается роль конфессионального фактора и региональное многообразие Российской Федерации. На наш взгляд, теоретиче-

---

1. Дегтярёв А.К., Черноус В.В. Гражданская идентичность в пространстве националистического дискурса // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 3.

ская невнятность Стратегии определяет скромные результаты ее реализации, несмотря на обилие мероприятий и организационно-политических усилий<sup>2</sup>. Даже несмотря на мощный патриотический эффект воссоединения Крыма с Россией.

Нелинейную динамику имеет процесс формирования российской гражданской идентичности на Северном Кавказе. В 90-е гг. XX в., в условиях системного кризиса и распада советской общности, российская идентичность не сформировалась и в условиях конфликтов и межэтнической напряженности уступала этнической и региональной.

Удачным политическим решением было создание Южного федерального округа, за счет усиления Северо-Кавказского экономического района субъектами Российской Федерации с преимущественно русским населением — Волгоградской и Астраханской областями (Калмыкия всегда в равной степени тяготела к Северному Кавказу и Нижнему Поволжью). Создание ЮФО способствовало формированию южно-российской идентичности, которая даже на символическом и семантическом уровнях органично вписывалась в российскую идентичность, концепцию российской общности. В первое десятилетие XXI в. российская идентичность у абсолютного большинства граждан Юга России, включая республики Северного Кавказа, существенно опережала по своему значению этническую, конфессиональную и региональную.

Негативно на процессе укрепления российской идентичности на Северном Кавказе сказалось решение о выделении из состава ЮФО Северо-Кавказского федерального округа, что было вызвано

---

2. Опыт реализации «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025» в субъектах СКФО. Махачкала. 2013.

стремлением повысить эффективность борьбы с терроризмом и этноконфессиональным экстремизмом на Северном Кавказе и имиджевыми интересами Сочинской Олимпиады 2014 г.<sup>3</sup>.

Создание административных, пусть во многом иллюзорных, границ между федеральными округами способствовало конструированию северо-кавказской идентичности. Режим М. Саакашвили в Грузии и его зарубежные покровители применили манипулятивные технологии информационных войн, чтобы усилить на Северном Кавказе конкуренцию между общекавказской и российской идентичностями как якобы альтернативными и использовал для этого «черкесский вопрос» для демонизации России и ее политики на Кавказе, как показатель противоположности интересов народов Северного Кавказа и России. Эти информационные атаки были успешно отражены, в том числе усилиями Научного общества кавказоведов. Но избыточное муссирование «черкесского вопроса» в контексте не научного дискурса, а информационных войн едва не раскололо отечественных кавказоведов, преимущественно по этническому принципу.

Создавшаяся ситуация показала, что процесс формирования социальных идентичностей на Северном Кавказе во многом определяется научным кавказоведением, его состоянием и доминирующими концепциями, продуцируемыми смыслами.

Интегрирующую роль кавказоведение, не ограничиваясь академическими задачами, играло в Российской империи. Оно способствовало взаимной интеграции народов Северного Кавказа и российской социокультурной и административной систе-

---

3. Состояние межнациональных отношений и религиозная ситуация в СКФО по состоянию на I и II полугодие 2014. Экспертный доклад. М. – Пятигорск – Ставрополь. 2014.

мы. В Советском Союзе кавказоведение было также важным инструментом формирования советской общности, что лежало в основе деятельности Северо-Кавказского научного центра высшей школы.

В 90-е гг. XX в. кавказоведение охватил этноцентризм и оно распалось на замкнутые группы и направления, между которыми началась непримиримая полемика, которая в литературе получила название «историографических войн», «войн исторической памяти» за приватизацию общего историко-культурного наследия, обоснование собственной этнической исключительности, уход в паранаучное конструирование этнонациональных мифов и т.п. С одной стороны, ситуация в российском (да и в мировом) кавказоведении определялась геополитическими и этнополитическими факторами, с другой стороны, «конфликтующее кавказоведение» само превратилось в условие консервации и обострения межэтнических противоречий (между кабардинцами и балкарцами, ингушами и чеченцами, ингушами и осетинами и т.п.), легитимации идей сепаратизма, различных проектов административного реструктурирования Северного Кавказа.

Политизация этничности на Северном Кавказе сказалась на политизации кавказоведения. Едва ли не любая иная точка зрения на академическую дискуссионную проблему: этногенез, стадийный уровень развития в тот или иной период развития, оценка русско-кавказских отношений и т.п. стала вызывать взаимные обвинения в поддержке сепаратизма или шовинизма, неуважении к историческим травмам друг друга. В политизированной полемике кавказоведов часто использовалась не взвешенная научная терминология, а эмоциональные политизированные

или морализующие оценки и ярлыки, иногда на грани привлечения к уголовной ответственности.

Иначе как тупиковой такую ситуацию в кавказоведении назвать нельзя, что осознавала значительная часть кавказоведов и пыталась найти выход из данной ситуации. Наряду с активной конструктивной деятельностью НОК, необходимо отметить регулярные заочные «круглые столы» в журнале «Научная мысль Кавказа» по дискуссионным проблемам и знаковым кавказоведческим монографиям, в обсуждении которых участвовали представители альтернативных научных школ и направлений<sup>4</sup>. Круглые столы в журнале показали, что академические дискуссии возможны по всем кавказоведческим проблемам, если не подозревать друг друга в ангажированности и тайных политических замыслах (не имея в виду провокаторов и ландскнехтов информационных войн, не имеющих прямого отношения к кавказоведческому цеху).

О потребности в восстановлении нормальных научных коммуникаций в кавказоведении говорилось на крупных форумах во Владикавказе, Грозном, Краснодаре, Махачкале, Ростове-на-Дону, Пятигорске и др., т.к. представители враждующих школ неохотно ездили или даже заявлялись в программы «конкурирующих конференций».

Постепенно сложились условия, которые после непростых переговоров позволили в октябре 2013 г. созвать международный форум историков-кавказоведов в Ростове-на-Дону. На нем сошлись ведущие представители научных школ из Грозного и Армавира, Махачкалы и Краснодара, Нальчика и Пя-

---

4. Мир культуры адыгов // Научная мысль Кавказа. 2008. № 2; Народы Дагестана // Там же. 2004. № 2; Народы Юга России // Там же. 2006. № 1; Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе // Там же. 2007. № 2; Евразийство на Юге России // Там же. 2008. № 1; Северный Кавказ: двадцать лет спустя // Там же. 2011. № 4; и др.

тигорска, Ростова-на-Дону и Москвы, Владикавказа и Магаса. Форум проходил настроенно и напряженно, но в целом конструктивно. На нем была подписана Хартия историков-кавказоведов, в которой была выражена корпоративная воля к возвращению научных принципов проведения дискуссий, прекращению «историографических» войн. Было также принято решение о разработке Этического кодекса кавказоведа<sup>5</sup>.

Хартия получила поддержку на нескольких крупных научных конференциях, которые прошли в различных городах Юга России.

В октябре 2014 г. в Ростове-на-Дону состоялся Второй форум<sup>6</sup>, который принял Этический кодекс кавказоведа. Конечно, напоминание об этике кавказоведения и этике научной деятельности в гуманитарных науках не снимает деструктивных проблем, конфликтогенности отдельных исторических и культурологических сочинений. Но в последние два года публикации, выступления на конференциях, при сохранении плюрализма мнений, подходов, концептов, стали носить вполне конструктивный характер. Эта тенденция нуждается в закреплении и развитии. К сожалению, рецидивы «проработочной» исторической публицистики в отношении своих оппонентов случаются, когда стремление уязвить автора отодвигает на второй план научную аргументацию. Все-таки хочется верить, что нам удастся оставить внутренние «исторические войны» в прошлом, в том числе благодаря деятельности НОК.

---

5. Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону). Отв. ред. Черноус В.В. Ростов-на-Дону: МАРТ. 2013.

6. Материалы II Международного форума историков-кавказоведов (15-16 октября 2014 г., г. Ростов-на-Дону). Отв. ред. Черноус В.В. Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования. 2014.

Начался, хотя и непоследовательный, процесс преодоления этноцентризма в региональной учебной литературе<sup>7</sup>.

Нормализация ситуации в российском кавказоведении может способствовать сбалансированности исторической памяти на Северном Кавказе как основы южного варианта российской гражданской идентичности, выработке иммунитета против идеологии этноцентризма и сепаратизма. Складывающееся социальное партнерство (а не диктат) в сфере исторической науки и культуры на Северном Кавказе научной и административной элиты, регионального бизнеса являются условием успеха современного этапа формирования российской общности<sup>8</sup>.

В то же время мы должны учитывать объективную тенденцию, когда позитивный поиск наукой истины, а также установления причинно-следственных связей и т.п., в виртуальном пространстве уступает по влиянию новым каналам и технологиям воздействия на массовое, в первую очередь, молодежное сознание. Известный кавказовед-культуролог Х.Г. Тхагапсоев отмечает, что в контексте новых средств коммуникации формируется современный модус социальной идентичности, который может быть определен как «коммуникативно-спектральный» поскольку выражает универсальную мобильность человека и решающую роль коммуникативного давления в его жизни<sup>9</sup>. Интернет, массовая культура придают социальным идентичностям (в т.ч. естественным, физиологическим) не просто вариативный, но неустойчивый,

---

7. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. 2014.

8. Крамарова Е.Н. Социальная ответственность бизнеса в сфере культуры (на примере Юга России) // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 5. С. 40-45.

9. Тхагапсоев Х.Г. В поисках новой методологической парадигмы политической науки: принципы идентичности // Полис. 2013. № 4.

мерцающий характер, легко поддающийся манипуляциям. В полной мере это относится к национальной, этнической, региональной идентичностям.

В виртуальном пространстве возникают и распадаются новые формы социогенеза, которые напоминают ранние формы социальной и политической жизни в гораздо большей степени, чем современные, и которые скорее поддаются объяснению инструментарием политической антропологии, чем социологии, политологии и др.

Кавказоведение, как и другие гуманитарные науки, методологически пока не готово к пониманию и объяснению, а тем более конструированию новой социальности, в том числе, укреплению гражданской и сохранению этнической идентичности.

В том числе настораживает, что переход на компетентностный подход в ходе реформы образования в России копирует модель формирования набора компетентностей, т.е. идентичности среднего «европейца», а не гражданина и патриота России и входит в явное противоречие с программами патриотического воспитания и укрепления национального самосознания.

Наряду с необходимостью возрождения научных принципов и этики научной деятельности, возникает задача выработки новой парадигмы кавказоведения, социально-гуманитарных наук в целом.

## **ЦИРКУМПОНТИЙСКАЯ ЗОНА КАК ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР: КРЫМ**

Исторически Крым входит в Средиземноморскую контактную зону цивилизаций, являясь её пусть и очень важной, но, все же, периферией. С некоторой степенью условности, можно утверждать, что формирование этого целостного региона относится к эпохе античности и, особенно, эллинизма, хотя основные направления связей были заложены в еще более ранний период. Вспомним в этой связи кавказские параллели средиземноморским дольменам, специфику диалогичной по своему многокомпонентному характеру культуры древнего Крита, многочисленные параллели между материальной и духовной культурой племен эпохи раннего железного века Италии, Балкан, Малой Азии и Кавказа (а Крым для этого периода, предшествующего греческой колонизации, может рассматриваться как периферия культурных центров Кавказа), а также не имеющее однозначной привязки в рамках черноморско-средиземноморского мира путешествие аргонавтов. Наконец, Средиземноморье, включая бассейн Черного моря, стало сферой греческой колонизации, и именно к этому времени относится формирование специфики всего этого огромного региона, ставшего зоной диалога культур — эллинской (со всеми её локальными специфика-

ческими вариантами) и условно называемой «варварской», к которой относились цивилизации Египта, Ближнего Востока, Персии, Малой Азии, Кавказа, Скифии, Фракии, Северной Италии и т.д. Именно на базе нескольких веков такого взаимодействия возник феномен эллинизма, не сводящийся исключительно к завоеваниям Александра Македонского и невозможный без предшествующего опыта межкультурного диалога. Причем такой диалог не сводился к формированию, к примеру, «ориентализирующего» стиля или к обмену техническими достижениями, он шел также в сфере идеологии (в том числе, религии), мировоззрения, уклада жизни, политических и правовых институтов. Дальнейшее углубление и расширение пространства диалога мы видим в Римском мире.

Крах Римской империи и эпоха Великого переселения народов стали, с одной стороны, временем частичного слома механизмов диалога культур, с другой — ввели в процесс этого (пусть теперь и ограниченного) диалога новые огромные группы населения, обогатившего наследие Римского мира своей специфической культурой. В этот период Крым, как и Западный Кавказ, по преимуществу оставались в сфере постримского (византийского) христианского мира, периодически вынужденного отступать под давлением «варварских» вторжений и молодых неустойчивых государств, утвердившихся в соседних регионах (Хазария, Алания, Киевская Русь и т.д.). Культура становится еще более синкретичной, но римское наследие продолжает доминировать. Ситуация меняется после разгрома крестоносцами Византийской империи, утверждения в бассейне Черного моря сначала венецианцев, а потом генуэзцев, завоевания Крыма татарами-монголами. Теперь, начиная со второй половины XIII — рубежа XIII-XIV вв., Крым становится

пространством потенциального диалога не только культур, но и конфессий, имея в виду православие (греки), армянское григорианство, католицизм (генуэзцы), иудаизм и его формы (будущие караимы и крымчаки), ислам (крымские татары и турки).

К этому периоду и несколько позже, в результате арабских, сельджукских, монгольских и османских завоеваний, пояс поликонфессиональности занимает значительную часть Средиземноморья, выполняя роль не только буфера, но и моста между Востоком (Югом) и Западом (Севером), христианской условной «Европой» и исламской ещё более условной «Азией». Это Андалусия в Испании, Сицилия, Египет, Крит, Палестина, Ливан и Сирия, Балканы и Малая Азия, Крым, Кавказ (восточное побережье Черного моря, современные Армения и Азербайджан, Дагестан). Причем этот регион диалога (удавшегося или неудавшегося) культур и конфессий не сводится к взаимодействию или противопоставлению ислама и католицизма, в его поле входят как участники и партнеры православная, коптская, армянская и иудейская культуры. Зримыми памятниками этого диалога являются, к примеру, турецкие бани и гробница дервиша Гюль-бабы (XVI в.) в Будапеште, Армянский собор XIV в. в Львове, синагоги XVI в. в городах Украины и Белоруссии. Диалог православия и ислама на территории России также имеет длительную историю, достаточно вспомнить татарское Касимовское ханство близ Москвы и его исламские памятники (мечеть с минаретом, как считается второй половины XV в., и два мавзолея XVI-XVII вв. в г. Касимове)<sup>1</sup>.

Хорошо известно, что взаимоотношения между исламом и христианством в первые века их контактов не были антагонистичными. К примеру, араб-

---

1. См., к примеру, Макаров Д.В. Дорогами ислама Центральной России. М.: Издательский дом Марджани. 2012. С. 119-151.

ское завоевание Средиземноморья оказалось таким быстрым благодаря, в первую очередь, массовому переходу в ислам местных христиан, которые, являясь монофизитами, подвергались дискриминации и репрессиям со стороны византийских правителей<sup>2</sup>. Сражение арьсгарда во главе с Роландом в Ронсевальском ущелье с христианами-басками (778 г.) лишь спустя время превратилось в битву с мусульманами-маврами<sup>3</sup>. Сама по себе идея крестовых походов появляется лишь во второй половине XI в. и, отметим, не по отношению к Иерусалиму и «Гробу Господню», а в связи с осадой мусульманской крепости Барбастро в Испании (1063-1064 г.) и нападением на порт ал-Махдия в Тунисе (1087 г.)<sup>4</sup>. Напротив, хорошо известна синкретичная культура полиэтнических и поликонфессиональных государства норманнов в Сицилии и Иерусалимского королевства<sup>5</sup>, и это лишь два примера, а их можно привести гораздо больше. Отметим и то, с каким уважением к христианским святыням и духовенству отнеслись арабские завоеватели Иерусалима<sup>6</sup>.

Взаимодействие конфессиональных и культурных миров имело периоды успеха и согласия, но результат оказался плачевным. Успешная христианская реконкиста имела своим следствием ухудшение положения «неверных» (к примеру, в мусульманских областях Испании — христиан-мосарабов и евреев) в исламских странах, и их массовый выезд. А по мере ослабления «мусульманской угрозы» христианским странам, в них стала ужесточаться политика по отношению к тем же мусульманам, евреям, марранам

2. Кардини Франко. Европа и ислам. История непонимания. СПб.: ALEXANDRIA. 2007. С. 16.

3. Там же. С. 65-70.

4. Там же. С. 58-59, 72-73.

5. Там же. С. 52-53, 74-75, 86-89.

6. Там же. С. 77-79.

(в Испании это обращенные в христианство бывшие иудеи), морискам (в Испании это принявшие христианство бывшие мусульмане и их потомки)<sup>7</sup> и схизматикам-православным. Следствием стало размежевание и «обмен населением», принявший к XX в. форму геноцида (политика, проводимая в Османской и Кемалистской Турции по отношению к армянам и грекам, события в ходе армяно-азербайджанского конфликта, противостояние боснийцев-мусульман и православных сербов в Боснии и Герцеговине, недавние массовые убийства на конфессиональной почве в Египте, Сирии и Ираке и т.д.). Этноконфессиональное размежевание является сутью и затяжного арабо-израильского конфликта, и раздела Кипра. Тенденция противопоставления конфессий, как видим, не преодолена до сих пор, об этом, среди прочего свидетельствуют изгнание на протяжении последних нескольких лет музеев из византийских Софийских соборов в Изнике (Никея)<sup>8</sup> и Трабзоне (Трапезунде)<sup>9</sup>, настойчивые попытки превратить в мечеть Софийский собор<sup>10</sup> и руинированный знаменитый Студийский монастырь<sup>11</sup> в Стамбуле (Константинополе), а также сложно объяснимые запреты на строительство мечетей в нескольких старых русских городах<sup>12</sup> (почему-то в конце XIX — начале XX вв. такие вопросы решались гораздо проще) и минаретов в Швейца-

---

7. Там же. С. 190-192,

8. <http://www.pravmir.ru/mechet-svyatoj-sofii-v-nikee-foto/> (дата обращения – 27.02.2015).

9. [http://www.truechristianity.info/churches/hagia\\_sophia\\_trabzon.php](http://www.truechristianity.info/churches/hagia_sophia_trabzon.php); <http://golosislama.ru/news.php?id=14919>; <http://kromni.livejournal.com/36843.html> (дата обращения – 27.02.2015).

10. <http://artpolitinfo.ru/udar-po-svyatoy-sofii-udar-po-tretemu-rimu/>; <http://www.ansar.ru/sobcor/2012/05/28/30501>; <http://www.azan.kz/article/show/id/1954.html> (дата обращения – 27.02.2015).

11. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1023451&cid=520> (дата обращения – 27.02.2015).

12. <http://www.sova-center.ru/religion/news/harassment/places-for-prayer/2003/01/d50/>; <http://islamreview.ru/community/zaprety-na-stroitelstvo-mecetej-v-rossii-obzor-islamreview/> (дата обращения – 27.02.2015).

рии<sup>13</sup>. Поликонфессиональные и поликультурные государства стали вроде бы сменяться монокультурными и моноэтническими, но полиэтничность в итоге просто приняла новые формы, обернувшись пугающим ростом количества абсолютно инокультурных трудовых мигрантов в первую очередь в ряде стран Западной Европы.

В результате от пространства межконфессионального и межкультурного диалога, широким поясом охватывающего Европу, осталось лишь несколько драгоценных фрагментов, и одним из них на сегодняшний день является Крым. Другой, хорошо известный нам пример такого исторически сложившегося поликонфессионального и поликультурного региона — это Татарстан. Очевидно поэтому, насколько необходимо беречь межэтническое и межконфессиональное согласие в Крыму, и неперенным условием для этого является сбережение культурного достояния этносов, населяющих Крым, и обеспечение широкого культурного взаимообмена, то есть, иначе говоря, пропаганда культурных свершений, достигнутых этими этносами. Сюда входит и крымско-татарское наследие Крыма, которое не ограничивается Ханским дворцом в Бахчисарае. К примеру, широкий читатель в той же России, не говоря уже о других странах, не имеет никакого представления о крымско-татарской литературе, а имя Исмаила Гаспринского (1851-1914 гг.) на сегодняшний день в России кроме людей, интересующихся исламской культурой и историей, известно только специалистам.

Общемировая тенденция к формированию моноэтнических и монокультурных регионов, доминирующая, как мы видим, в недалеком прошлом и ска-

13. <http://ria.ru/world/20091129/196128612.html>; <http://forums.vif2.ru/showthread.php?t=1003&s=ed09a5cd53bb511fc8f61fb544e924c2> (дата обращения — 27.02.2015).

зываются своими кровавыми рецидивами и по сей день, в полной мере затронула и Крым. Конечно, она коснулась прежде всего изгнанного со своей Родины крымско-татарского народа. Трагичной оказалась судьба и других менее многочисленных этнических и этноконфессиональных групп полуострова.

Сложившееся в XI–XIV вв. сообщество крымских армян оставило значимый след в истории и культуре<sup>14</sup> не только Крыма, достаточно назвать имя великого русского и армянского художника Ивана Айвазовского. На 1381 г., к примеру, армяне составляли 19 % населения Кафы (ныне Феодосии)<sup>15</sup>, на 1475 г. — две трети<sup>16</sup>. Но в 1778–1779 гг. значительная часть армян и греков Крыма была организовано и на определенных условиях переселена русским правительством на Дон (Нор-Нахичевань). Из (по примерным и заниженным данным) 40 тыс. христиан полуострова было переселено 18407 греков, 12598 армян, 219 грузин и 163 валаха<sup>17</sup>. Тем не менее, к 1919 г. в Крыму насчитывалось 19 тыс. армян (на 1897 г. — 19,5 тыс. чел., на 1917 г. — 16907 чел.<sup>18</sup>). Но летом 1944 г. практически вся армянская община полуострова подверглась депортации, выселено было 9919 человек<sup>19</sup>. Армяне Крыма были сочтены «антисоветским элементом»,

---

14. Якобсон А.Л., Таманян Ю.А. Армянская архитектура в Крыму. Ереван: «Айастан». 1990.

15. Могаричев Ю.М. Средневековый Крым (VI – середина XIII в.): история, религия, культура. Учебное пособие. Симферополь: «Бизнес-Информ». 2014. С. 98.

16. Якобсон А.Л. Крым в средние века. М.: «Наука». 1973. С. 112; Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). Сост. Т.Э. Саргсян. Симферополь: Сонат. 2008. С. 8.

17. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван: «Айастан». 1996. С. 26.

18. Ганкевич В.Ю., Шевелев С.С. Крым в конце XVIII – начале XX вв. // Россия и Крым. Сборник Русского исторического общества. № 10 (158). М.: Русская панорама. 2006. С.214; Зарубин В.Г. Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. – 1921 г.) // Россия и Крым. Сборник Русского исторического общества. № 10 (158). М.: Русская панорама. 2006. С.233.

19. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После ваших указаний проведено следующее...». М.: Гриф и К. 2011. С. 251.

оказывавшим помощь немецко-фашистским оккупантам. Та же судьба постигла крымских болгар (появились на полуострове во второй половине XIX в. в качестве переселенцев из Османской империи). На 1939 г. их проживало в Крыму 15344 чел., на 1941 г. — 14300 чел., выселено было 12075 (приводится также цифра в 12422) человек<sup>20</sup>. Аналогично поступили с крымскими греками, которых на 1941 г. насчитывалось 22652 чел. В июне 1944 г. из Крыма было выселено 15040 греков<sup>21</sup>.

Не менее печально сложилась судьба караимов и, особенно, крымчаков, учитывая связь и тех и других с иудаизмом. Тюркоязычных иудеев крымчаков (их этногенез, как и этногенез караимов<sup>22</sup>, остается загадкой<sup>23</sup>) на 1897 г. насчитывалось 4,5 тыс. человек, на 1913 г. — более 5282 человек (переписью не было охвачено около 1,5 тыс. симферопольских крымчаков), на 1926 г. — 6400 человек, на 1941 г. — около 6-9 тыс.<sup>24</sup>. Фашистские концлагеря привели к фактическому исчезновению этого крошечного этноса. Сейчас по всему миру их насчитывается около 1500-2000 человек, в Крыму — лишь 280 (на 1989 г. — 604 чел.)<sup>25</sup>. Отметим при этом, что крымчаками были известный советский поэт Илья Сельвинский и военачальник командарм Герой Советского Союза Владимир Колпакчи.

Несколько больше повезло тюркоязычным караимам, не принимающим талмудизм (их религия называется караимизм) и сумевшим благодаря этому убедить фашистов в своей непринадлежности к еврей-

20. Там же. С. 256-258.

21. Там же. С. 270-271.

22. Чижова Л.В. (автор-составитель). Караимы // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки. М.: Наука. 2003. С. 17-27.

23. Ачкинази И.В. Крымчаки // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки. М.: Наука. 2003. С. 268-376.

24. Там же. С. 377,378,380,382.

25. Там же. С. 358.

скому народу. Напомним, что караимы дали России таких выдающихся личностей, как историк Авраам Фиркович, разведчик и историк Иосиф Григулевич, один из основателей Таврического университета и премьер-министр Крымского краевого правительства в 1919 г. Соломон Крым. По данным последней переписи (2001 г.), в Крыму проживает 671 караимов<sup>26</sup> (иногда их численность на настоящее время оценивается в 800 чел.<sup>27</sup>), старинные общины караимов, ведущие свою историю с конца XIV в., сохранились в Западной Украине (Галич, Луцк – 106 чел.) и в Литве (Вильнюс, Тракай, Паневежис – 241 или 250 чел.)<sup>28</sup>, крупные общины существуют в Польше (по разным оценкам, 45<sup>29</sup>, около 120<sup>30</sup> или 346 чел.) и России (на 2002 г. 366 чел.<sup>31</sup>, на 2010 г. 205 чел.<sup>32</sup>). Но, благодаря выезду в Израиль, крупнейшая община караимов находится сейчас там (около 500 человек). Соответственно, при общей численности около 2-2,2 тыс. чел., идет ассимиляция караимов и утрата караимской национальной идентичности.

Итак, важнейшей задачей является сейчас сохранение, развитие и изучение культур всех народов Крыма. Важной задачей является также сохранение полиэтнического характера старинных городов Крыма. В этой связи показателен этнический состав го-

---

26. [http://kimmeria.com/kimmeria/strkrym/stkrym\\_history\\_45.htm](http://kimmeria.com/kimmeria/strkrym/stkrym_history_45.htm) (дата обращения – 27.02.2015).

27. Марьянова Е.В. О судьбе крымских караимов, потомков гуннов и хазар // Россия и Крым. Сборник Русского исторического общества. № 10 (158). М.: Русская панорама. 2006. С.203.

28. Чижова Л.В. (автор-составитель). Караимы // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки. М.: Наука. 2003. С. 27-29; <http://guide-israel.ru/country/37378-karaimy/> (дата обращения – 27.02.2015).

29. <http://guide-israel.ru/country/37378-karaimy/> (дата обращения – 27.02.2015).

30. <http://karai.crimea.ua/karai/obshini/obshina-polsha>; <http://guide-israel.ru/country/37378-karaimy/> (дата обращения – 27.02.2015).

31. <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения – 27.02.2015).

32. [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf) (дата обращения – 27.02.2015).

рода Старый Крым, включающего памятники культурного достояния как минимум трех народов Крыма: русского (музей Александра Грина), крымско-татарского (мечеть и медресе хана Узбека)<sup>33</sup>, армянского (монастырь Сурб-Хач)<sup>34</sup>. На 1926 г. в Старом Крыму жило 1897 русских, 1183 болгар, 900 греков, 266 крымских татар, 175 украинцев, 84 еврея, 63 немца<sup>35</sup>. К сожалению, сохранить это этнокультурное многообразие не удалось. Несколько лучше ситуация на сегодняшний день в городе Белогорске, исторически называемом (до 1944 г.) Карасу базар. На 1926 г. здесь проживали 2580 крымских татар, 2397 русских, 1000 крымчаков, 426 греков, 400 армян, 200 украинцев, 190 евреев<sup>36</sup>. По переписи 2001 г. 37 % населения города составляли русские, 28 % – крымские татары, 24 % – украинцы<sup>37</sup>.

Можно считать, что сейчас перед многонациональным народом Крыма открылся уникальный шанс. Наученная горьким опытом второй половины XIX (махаджирство народов Кавказа) – первой половины XX вв. (сталинские депортации и искусственное сокращение списков этносов при проведении переписей) Россия ориентируется на максимальное сохранение и развитие этнокультурного многообразия, доставшегося нам в итоге тысячелетнего развития. По сути, Россия является сейчас единственной крупной страной, где, по данным переписей, количество учтенных этносов возрастает (к примеру, дигорцы, поморы), а не уменьшается, и эти этносы не

33. Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: «Бизнес-Информ». 2014.

34. Бабаян Фрина, Корхмазян Эмма. Армянские монастыри Сурб Хач и Св. Степаноса близ города Старый Крым. Ереван: Издательство «Гитутюн» НАН РА. 2000.

35. [http://www.инфо-крым.рф/staryj\\_krym.aspx](http://www.инфо-крым.рф/staryj_krym.aspx) (дата обращения – 27.02.2015).

36. <http://unfriend.ru/a6154b38a8be49b4.html> (дата обращения – 27.02.2015).

37. Там же.

носят характер реликтов или экспонатов заповедника, а в полной мере развивают свою культуру и сохраняют свой язык. Речь идет не об ассимиляции, а об интеграции. Отметим, что это выглядит несколько контрастно по сравнению с идеями, нередко звучащими в демократической Европе. К примеру, по словам хорошо известного и популярного немецкого банкира и публициста Тило Саррацина, обращенным к находящимся в Германии мигрантам: «со временем станете немцами – если не вы, то, самое позднее, ваши дети»<sup>38</sup>. По его словам, «мы не хотим национальных меньшинств. Тот, кто хочет оставаться турком или арабом или желает того же для своих детей, тому будет лучше в стране его происхождения»<sup>39</sup>. И это говорит гражданин (отметим, образованный и социально активный) страны, где официально, в соответствии с Рамочной конвенцией Совета Европы о защите национальных меньшинств, ратифицированной Германией в 1997 г., признаны 4 национальных меньшинства (и это не считая трудовых мигрантов последних 50 лет, при этом показательно, что турки в Германии не признаны национальным меньшинством) – датчане, фризы, лужицкие сорбы, цыгане<sup>40</sup>. В отличие от Саррацина думаю, что национальные меньшинства – это ценнейшее достояние, которое мы обязаны сберечь, а Крым – уникальный и редчайший исторически сложившийся регион контакта цивилизаций, этносов и культур.

---

38. Саррацин Тило. Германия: самоликвидация. М.: АСТ. 2013. С. 285.

39. Там же.

40. Региональные языки и языки меньшинств в Германии. Интервью с Уполномоченным федерального правительства по вопросам переселенцев и национальных меньшинств Хартмутом Кошиком о роли региональных языков и языков меньшинств в Германии // <https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/germaniya-evropa/regionalnye-yazyki-i-yazyki-menshinstv-v-germanii> (дата обращения – 27.02.2015).

## **РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ АБХАЗСКИХ УЧЕНЫХ**

Обозначенные понятия — и религия, и политика — для абхазских ученых стали предметом исследования достаточно давно. Но здесь необходимо иметь в виду одно очень важное обстоятельство, а именно то, что абхазские исследователи начинали свою работу не на голом месте. Они пользовались богатым описательным и исследовательским материалом, оставленным путешественниками, естествоиспытателями, краеведами и учеными.

Сведения об истории религии абхазов, их религиозном состоянии в достаточно большом количестве мы встречаем в официальных документах. Это различного рода докладные записки, рапорты, отношения российских чиновников, военных, священнослужителей, а также воспоминания, обозрения, статьи и корреспонденции авторов, в разное время служивших, работавших или просто побывавших в Абхазии. Из такого круга источников выделим следующих авторов XIX — начала XX вв.: С. Броневского, М. Серебрякова, М. Селезнева, Л. Люлье, Ф. Торнау, Г. Филипсона, П. Услара, И. Бартоломея.

В различных периодических изданиях («Кавказ», «Кавказский сборник», «Церковные ведомости», «Русская старина», «Сборник сведений о кавказских

горцах», «Сборник материалов для описаний местностей и племен Кавказа», «Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества», «Акты Кавказской археографической комиссии» и др.) публиковались работы о вероисповедании кавказских народов, в том числе, абхазов. Мы имеем в виду публикации С. Пушкарева, Д. Бакрадзе, И. Аверкиева, А. Введенского, В. Чернявского, А. Миллера, Н. Альбова, К. Мачавариани, Н. Джанашия, А. Дирра, Н. Марра, С. Алферова и др.

Если же говорить об этнических абхазах, то раньше всех эту тему, как, впрочем, и многие другие, затронул С.Т. Званба, который по праву считается первым абхазским этнографом. В 1853 г. в газете «Кавказ» он опубликовал статью «Обряд жертвоприношения св. Победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазами», а спустя два года, в 1855 г., другую очень ценную статью в той же газете под заголовком «Абхазская мифология и религиозные поверья и обрядности между жителями Абхазии». Эти статьи в числе других этнографических работ С. Званба дважды в 1955 и 1982 гг. выходили в свет под редакцией и с обстоятельным предисловием Г.А. Дзидзария.

Из работ, опубликованных в начале XX в., следует отметить статьи Н. Джанашия «Религиозные верования абхазов» и «О религиозных верованиях абхазов», напечатанные в журнале «Христианский Восток» (1915), а также статьи, описывающие религиозные ритуалы: Н. Патеипа «Молния Лейбовых» (1912), А. Чукбар «Ет-ных Аг-ных (божество Ампаровых)» (1912) и Н. Ладария «Священная гора Дыдрыпш» (1913) в журнале «Сотрудник Закавказской миссии».

Настоящее научное осмысление религиозной проблематики Абхазии происходит в XX в., а становление ее как системного научного направления про-

исходит, как это ни парадоксально, уже в советское время. Это связано, прежде всего, с созданием научных учреждений и появлением профессиональных, прошедших специальную подготовку, научных кадров. Правда, в этот период в исследованиях акцент делается на истории религиозных верований абхазов, т.е. преобладает диахронный метод изучения, при котором синхронный подход играет значительно меньшую роль, в связи с господствовавшей атеистической доктриной. Из работ первых десятилетий советского периода, посвященных религиозным тематике, следует назвать исследования Д.И. Гулиа «Божество охоты и охотничий язык у абхазов» (1926) и «Культ козла у абхазов» (1928), а также раздел о религии в книге С.П. Басария «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях». В ряде исследований, поднявших на более высокую ступень этнографическую науку об Абхазии и религиоведение в частности, в первую очередь следует назвать работу Г.Ф. Чурсина. Несмотря на то, что его «Материалы по этнографии Абхазии» не были завершены и вышли только через 17 лет после смерти автора, рукопись была известна исследователям, а после издания стала настольной книгой по данной теме.

Позже, уже во второй половине века, появляются фундаментальные работы Л.Х. Акаба — «У истоков религии абхазов» (1979) и «Исторические корни архаических ритуалов абхазов» (1984). В них, на основе скрупулезного изучения литературы и богатого полевого материала, предпринята попытка системного изложения исторической эволюции традиционной религии абхазов и связанных с ней ритуалов и обрядов. Не остались без внимания роль и место мусульманства в Абхазии, которые отражены в книге Г.В. Смыр «Ислам в Абхазии и пути преодоления его

пережитков в современных условиях» (1972). Тот же автор, уже в постсоветское время, издает брошюру «Исламский фактор в Абхазии и на Северном Кавказе: правда и домыслы» (1994).

В ряду религиоведческих работ особое место занимает исследования Ц.Н. Бжания. В частности, раздел «Об основных пережитках религиозных верований абхазов», вошедший в посмертное издание его книги «Из истории хозяйства и культуры абхазов» (1973). В этой работе автором рассмотрены вопросы о соотношении язычества, христианства и мусульманства у абхазов, об их языческом пантеоне, о христианских и мусульманских праздниках и обрядах. Религиозная тематика занимала немалое место в работах философов И. Тарба и М. Квициния.

После распада СССР резко возросло количество публикаций, отражающих различные аспекты религии, в том числе, её историю, формы бытования в современных условиях. Первым, кто написал капитальную научную монографию, на основе проведенных многолетних экспедиций в Абхазии, был А.Б. Крылов. Его работы о традициях и религии абхазов пробудили интерес других исследователей (в том числе и абхазских) к этим проблемам. На мой взгляд, недостаточную оценку получил крайне важный вывод автора о монотеистической сущности абхазской традиционной религии. По словам А.Б. Крылова, «собранные сведения о религиозных представлениях и ритуалах абхазов наглядно свидетельствуют, что в данном случае мы имеем дело с монотеистической религией, центральной идеей которой является существование единого Бога – творца (Анцџа). Анцџа бесконечно множественен в своих проявлениях, он является первоисточником всего сущего, по его воле существуют апаимбары – ангелы-хранители, обеспе-

чивающие защиту и благоденствие отдельных аждла и абипар, общин и всего абхазского народа, Абхазии».

Доводы А. Крылова не были напрямую аргументированно опровергнуты, их просто проигнорировали. Свидетельством тому является постоянное увязывание традиционной абхазской религии с язычеством, которое имеет место в публикациях не только представителей духовенства, но и ученых.

Изучение вопросов религии в последние десятилетия идет в двух направлениях. Во-первых – это история религии Абхазии и религиозных верований абхазов, во-вторых – современное религиозное состояние общества. Первое направление представлено книгами Е. Аджинджала «Из истории христианства в Абхазии» (2000), Д. Чачхалиа «Православная Абхазия» (1994) и «Абхазская Православная церковь» (1997). В основном в том же ключе, т.е. в историческом плане, но уже для более поздних периодов рассмотрены вопросы религии в работах М. Квициния.

Истории создания и функционирования Новофонского монастыря посвящены статьи Э. Чкок-Эшба, опубликованные в различных журналах и сборниках. В работах Р. Барцыц и А. Бройдо, посвященных вопросам религии абхазов, предпринята попытка сравнительного анализа исторических форм бытования традиционной религии и ее современных проявлений. В начале нынешнего века вышла книга «Молодежь Абхазии и религия» (2005) А. Гумба. Молодые ученые также обращаются к религиозной тематике. Имею в виду работы Э. Эшба, которая опубликовала статьи «О ситуации в Абхазии», «Религиозный облик Абхазии и современность» и др. К сожалению, авторы, после публикации своих работ, прекращают работы в этом направлении, видимо, считая тему закрытой. А между тем, как известно, жизнь не стоит

на месте, и религиозное сознание общества может динамично изменяться.

В последние годы интерес к изучению традиционной религии проявляет В.Л. Бигуаа, который издал по данной теме несколько работ. В наиболее полной и обобщающей монографии «Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов» (2012) автор путем структурного анализа исследуемого материала предпринял попытку реконструкции традиционных форм религии абхазов, рассматривая ее как высшую стадию политеистических верований, которую он определяет термином «супермотеизм».

Особое место среди работ о религии занимают исследования о. Дорофея (Дмитрий Дбар) «Из истории Абхазского Католикосата» (1997), «Религиозные тенденции в современной Абхазии» (1999), «История христианства в Абхазии в первом тысячелетии» (2001; 2015), «Краткий очерк истории Абхазской Православной Церкви» (2006), «Православная церковь в Абхазии: прошлое, настоящее, будущее» (2012). Работы этого автора отличаются привлечением большого количества новых источников – архивных материалов и литературы, написанной на западноевропейских языках. В то же время он, будучи священнослужителем, излагает свой материал с определенной точки зрения, но теологический подход не умаляет значимости и научного достоинства его работ.

Что касается политической тематики, то нужно заметить, что все, что написано по истории Абхазии, в той или иной степени касается политики. Поскольку количество работ велико, в полном объеме раскрыть обозначенную тему не представляется возможным. Поэтому мы ограничимся обзором наиболее значимых публикаций, изданных в постсоветское время. При этом необходимо отметить, что основная на-

правленность работ абхазских ученых последних двух десятилетий связана с военной тематикой. Весь корпус подобных исследований в жанровом отношении можно разделить на монографические работы, сборники документов и материалов, сборники научно-публицистических статей и мемуарную литературу.

К первой категории работ относится книга В.М. Пачулия «Грузино-абхазская война. 1992-1993» (2010). Основой для ее написания послужили документы архива Министерства обороны РА, полевые материалы, а также личные воспоминания автора, служившего в период войны в Генеральном штабе Вооруженных сил Абхазии. В этой работе хронологически изложены основные этапы войны, показаны итоги, уроки и предпосылки победы Абхазии в войне.

С.З. Лакоба изданы две книги: «Абхазия-де-факто или Грузия-де-юре» (2001) и «Ответ историкам из Тбилиси» (2001). В первой из них автор акцентирует внимание на политике России в грузино-абхазском конфликте, рассматривая ее во взаимосвязи с общекавказскими и мировыми процессами.

Особо следует отметить исследования по данной тематике А.Ф. Авидзба. Им написаны три монографии: «Отечественная война (1992-1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии» (2008), «Абхазия и Грузия: Завтра была война. (О абхазо-грузинских отношениях в 1988-1992 годы)» (2012) и «Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.)» (2013). Из них выделим последнюю работу, представляющую собой двухтомник. В ней наиболее полно изложены события, предшествовавшие началу войны, предложена ее периодизация. События военной поры в Абхазии рассматриваются в контексте региональных

и глобальных геополитических процессов. Также отмечена роль и значение Конфедерации горских народов Кавказа и всего добровольческого движения в поддержку Абхазии в ходе отражения грузинской агрессии. В работе прослежены динамика и трансформация позиции России и ведущих акторов международного сообщества в ходе войны.

Брошюра Е. К. Аджинджал «Абхазская реконкиста и международное право» (2002) посвящена юридической тематике, в частности, праву народов на самоопределение. В ней на основе международно-правовых документов освещается борьба абхазского народа за политическое самоопределение и создание независимого государства.

Работа Т.А. Ачугба «Этническая история абхазов XIX-XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты» (2010) является обобщающим исследованием по этнической истории означенного периода. Особое внимание в книге уделяется этнополитическим и миграционным аспектам, оказывавшим негативное влияние на этнокультурное и демографическое развитие абхазского народа.

Важной частью исследования различных аспектов Отечественной войны в Абхазии (1992-1993) являются сборники документов и материалов. В частности Г. Амкуаб и Т. Илларионова издали сборник «Абхазия: хроника необъявленной войны» (Часть 1, М., 1992), который охватывает события с 14 августа по 14 сентября 1992 г. В течение 1993 г. в Москве было издано еще три части этого сборника, их составителем являлся Г. Амкуаб. Каждая часть хронологически охватывает период в один месяц.

Сборник «Белая книга Абхазии. 1992-1993», составленный Ю.Н. Вороновым, П.В. Флоренским и Т.А. Шутовой был также издан в Москве (1993).

В книге собраны документы, материалы, факты, личные свидетельства очевидцев и потерпевших. Представлены также официальные документы, краткий обзор истории абхазского народа, дана информация о положении этнических общин в Абхазии. Основное внимание уделено трагическим последствиям войны и оккупации для экономики, культуры, экологии и демографической ситуации в Абхазии.

Большой материал представлен в двухтомнике «Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы»», составленном Т.А. Ачугба (2003). В сборник включены архивные документы, материалы следствия и периодической печати, свидетельствующие об осуществлении этнической чистки негрузинского населения на оккупированной части территории Абхазии.

В 2014 г. издан сборник документов и материалов «Добровольцы в Отечественной войне Абхазии», в который вошли документы, освещающие участие в войне добровольцев из Северного Кавказа, представителей казачества Юга России и абхазской диаспоры.

Третью группу публикаций о войне 1992-1993 гг. в Абхазии составляют различные сборники статей, очерков и научно-публицистические работы. Остановимся на некоторых из них.

В. Хагба издал книгу «Международное право и агрессия Грузии» (1995), представляющий собой сборник статей, опубликованных в абхазской прессе во время войны. Л.Р. Хагба опубликовала сборник «Их души тают над горами...», выдержавший два издания (2003, 2013). В книге собраны очерки про добровольцев из трех республик — Адыгеи, Кабадино-Балкарии и Карачаево-Черкессии — погибших за свободу Абхазии.

О.Б. Шамба составил сборник «Летопись войны: грузинские беженцы — кто они?» (2004). Основу кни-

ги составляют передачи абхазского радио, прозвучавшие в эфире в 1992-1993 гг. Особенно впечатляют тексты репортажей под рубрикой «Наш корреспондент из Сухума сообщает», в которых даны материалы из оккупированной столицы Абхазии, доставлявшиеся в Гудауту с риском для жизни.

Научных и научно-популярных работ абхазских авторов, посвященных политической проблематике, насчитывается более сотни. И они, безусловно, заслуживают специального изучения и осмысления, что невозможно сделать в рамках данной обзорной статьи. Поэтому ограничимся перечислением, на наш взгляд наиболее важных из них: В.В. Шария «Абхазская трагедия» (1994); Ю.Н. Воронов «Боль моя Абхазия» (1995), представляющая собой сборник статей и интервью о войне в Абхазии, опубликованных в основном в российской прессе; Б.Р. Джапуа «Фронт восходящего солнца» (2008), посвященная ходу боевых действий на Восточном фронте в 1992-1993 гг.; К.Н. Думаа «Апостолы грузинского шовинизма» (1997) и «Грузино-абхазская война: мифы и реалии» (2002); С. Жидков «Бросок малой империи» (1996) и «Зерна мятежа. (Очерки истории национально-освободительной борьбы в г. Ткварчели (1977-1991))» (2011).

Следует также выделить книги, посвященные жизни и деятельности Первого Президента Абхазии: В.К. Зантариа «Слово о Первом Президенте» (2008, 2014); «Наш Владислав» (Автор проекта К. Хагба, сост. В. Зантариа) (2010); «Эпоха Ардзинба» (Автор проекта Г. Аламиа) (2009). В названные работы вошли фрагменты из выступлений, интервью и бесед В. Ардзинба, а также размышления о нем абхазских и зарубежных авторов. Работа В.З. Чамагуа «Эпоха Владислава. Хроники» (2013) представляет собой

сборник очерков, написанных на основании свидетельств и воспоминаний В. Ардзинба и его бесед с автором книги. В книге «Мы шли на смерть, чтобы жить» (2011) собраны интервью и выступления В.Г. Ардзинба за 1992-2005 гг.

Необходимо отметить и то, что в 2007 г. в АБИГИ им. Д.И. Гулиа был открыт новый отдел – политологии и конфликтологии. Сотрудниками этого отдела подготовлен и издан сборник «Документы по политической истории Абхазии» (2012) в трех томах (4-х книгах), куда вошли документы ООН по Абхазии (1992-2009 гг.). Среди них – все без исключения резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, доклады Генеральных секретарей, другие документы ООН. В этих документах отражаются противостояние Абхазии и Грузии и позиция международного сообщества по данному вопросу. Руководитель нового отдела В.А. Чирикба издал книгу «Международно-правовой статус Республики Абхазия» (2013), в которой обосновывается международно-правовая легитимность абхазского государства. Свой вклад в политологическую науку Абхазии вносят и представители НПО, чьи статьи регулярно публикуются в сборниках, издаваемых различными зарубежными фондами.

Суммируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы: вопросам религии и политики абхазские исследователи уделяют большое внимание, при этом нужно отметить, что, если раньше в работах политика была больше сопряжена с историей, то в последние годы начали появляться чисто политологические работы, где проблемные вопросы истории занимают меньше места. В Абхазии появились молодые ученые, защитившие диссертации по политологии, а это дает основание надеяться, что данное научное направление в республике имеет перспективу.

*Арешев А.Г. (Москва)*

## **РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ: ЭВОЛЮЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ**

Армяне принадлежат к числу тех народов, история которых развивалась не только в собственной стране, но и (зачастую вследствие трагических обстоятельств) также и за ее пределами. Во многих странах мира уже со времен средневековья возникали армянские поселения. История каждой из этих общин в своем роде уникальна, но всех их объединяет нечто общее. Оно проявляется прежде всего в духовных, культурных и прочих связях с исторической родиной. Вот почему армяне, независимо от того, в каком регионе мира они ни находились бы, стремились сохранить цельность национального духа, свою культуру и нравственные устои.

Формирование армянских поселений на территории Российского государства имеет давнюю историю и шло по нескольким направлениям. Первое и наиболее раннее — по реке Днепр — относится к X-XI вв., когда устанавливаются тесные отношения Византии с Киевской Русью, в процессе чего завязывается широкий культурный и экономический обмен. Занимая важное место в экономической и политической жизни Византийской империи, армяне активно содействовали налаживанию связей между двумя странами. Особенно укрепились эти отношения с принятием

ем Русью христианства и женитьбой великого князя Киевского Владимира I на принцессе Анне, сестре византийского императора Василия II, что способствовало упрочению дружественных взаимоотношений. В ряде исторических источников указывается на факт армянского происхождения византийской династии, которая вела свой род от царской династии Аршакуни<sup>1</sup>.

Упоминания об армянских поселенцах на Руси можно встретить начиная с XI века, причём отдельные армянские торговцы и мастера появились в Киеве уже раньше. При киевском дворе известны были и армянские врачи. Древнерусские князья практиковали также привлечение на договорных началах вооруженных дружин разных инородцев, в том числе, армянских, в целях охраны границ своих владений. Один из армянских отрядов был приглашен на военную службу русским (предположительно, Подольским, на территории современной Западной Украины) князем Федором Дмитриевичем. Вооруженные армянские отряды помогали галицко-волынскому князю Даниилу; его сын Лев предоставил им для поселения один из районов основанного им города Львова. Местные армяне имели органы самоуправления и пользовались своим законодательством, в основе которого лежал «Судебник» Мхитара Гоша<sup>2</sup>.

Постепенное развитие торгово-ремесленной деятельности армян на западнорусских землях способствовало усилению их роли в экономической жизни Львова и других городов Галиции, Подолья и Прикарпатья. В дальнейшем, после вхождения Галиции в XIV в. в состав Королевства Польского

---

1. Амбарян А. Интеграция армянской диаспоры в общероссийский социум на примере Поволжья: ретроспектива проблемы // Власть. 2011. № 11. С. 138.

2. Хачатрян В. Становление армянских колоний в России // Диаспоры. 2000. № 1-2. С. 80

(с 1569 г. – Речи Посполитой), привилегии местных армян были подтверждены и расширены<sup>3</sup>. Военно-административная организация армян присутствовала также в средневековом Крыму. Так, жители армянского селения Казарат (возле Старого Крыма) по договору с генуэзскими властями обязались осуществлять военное прикрытие Кафы, ставшей в XIII в. генуэзской колонией<sup>4</sup>.

Монголо-татарское нашествие в первой половине XIII века привело к новому крупному потоку армянских беженцев как из областей исторической Армении, так и из других захваченных монголами местностей, где проживали армяне. Расширилась география армянских поселений – они появляются и в Северо-Восточной Руси. Новый импульс росту армянских поселений и увеличению количества переселенцев придаёт постепенное объединение русских земель в единое централизованное Русское государство.

---

3. Подробнее см.: Григорян В. История армянских колоний Украины и Польши. Ереван. 1980; Оганесян М. Очерки истории армянских колоний Польши и Украины. Ереван. 1977 (на арм. яз.). Исследователи отмечают наличие у армян Речи Посполитой собственной модели культурной адаптации, которая продолжительное время способствовала поддержанию культурного своеобразия этой этнической общности. Достаточно высокими были возможности доступа к социально-экономическим, политическим и культурным ресурсам региона, чем армянская этническая общность активно пользовалась. Этому способствовало наличие собственного языка, религиозной традиции, систем передачи знаний, исторического этноцентризма и традиций самоуправления. В то же время ряд факторов оказал значительное влияние на процессы культурной ассимиляции армян в Речи Посполитой, которые де-факто привели к исчезновению этой весьма интересной и самобытной общины. При общей численной незначительности в многомиллионном государстве, переход в католицизм и отказ от армянских традиций даже нескольких человек мог серьезно влиять на количественно небольшие общины. Кроме того, наличие собственной религиозной традиции закрывало для армян в Речи Посполитой «социальные лифты» – см. Захаркевич С. Армяне Речи Посполитой: анализ модели культурной адаптации // Художественная культура армянских общин на Землях Речи Посполитой. Минск. 2013. С. 27. Сравнительный анализ истории армянских общин на «польских» территориях Восточной Европы и в России даёт немало поводов для размышлений относительно того, какая модель государственного управления и общественного устройства – «европейская» или «евразийская» – более предпочтительна в контексте сохранения самобытности национальных меньшинств.

4. Подробнее см.: Микаелян В. История армянской колонии Крыма. Ереван. 1964. С. 99, 108-109 (на арм. яз.).

Создавая в дальних краях свои колонии, армяне тем самым получили возможность эффективного воспроизводства в новых условиях основных институтов национальной жизни, включая возможность создания органов национального самоуправления. Армянские поселения уникальны также и тем, что, возникнув в связи с опустошительными нашествиями на Армению иноземных захватчиков, они стали важным элементом в политической, экономической и культурной жизни не только самого армянского народа, но и тех стран, в которых они существовали. Все сказанное относится также к интересной и весьма насыщенной истории российских армян, которые в течение всего периода существования российского государства селились на его территории, образуя свои колонии и общины, обладавшие различным статусом. Армянскими колониями следует считать поселения, жителям которых предоставлялось внутреннее самоуправление (помимо базовых атрибутов национальной жизни, к ним следует причислить магистрат, суд). Общины, как правило, имели собственную церковь или приход, а также школу (иногда и типографию), но не обладали самоуправлением, подчиняясь целиком внутреннему законодательству страны пребывания<sup>5</sup>.

В России эта терминология требует лишь той корректировки, что здесь, как нигде, существовали в чистом виде армянские города-колонии, такие, например, как Нор Нахичеван (Новая Нахичевань), Григориополь, Святой Крест. С самого начала они были основаны как армянские поселения и имели национальное самоуправление. Например, вопло-

---

5. См.: Ананян Ж., Хачатурян В. Армянские общины России. Ереван: изд-во Варандян. 1993. С. 3-5.

щением автономии созданного после переселения армян из Крыма города Новая Нахичевань стал магистрат, основанный в 1780 году и объединивший в себе судебные, полицейские и исполнительские функции для города и близлежащих сёл. От других одноимённых учреждений городов империи избираемый всем населением колонии магистрат отличался тем, что непосредственно вобрал в себя все управленческие звенья. Например, странно выглядело объединение судебных и полицейских функций, на что не раз указывали царские чиновники<sup>6</sup>. Впоследствии правовой статус армянских поселений менялся в сторону общей унификации административно-территориального устройства в рамках Российской империи.

Расширению географии армянского зарубежья немало способствовало активное участие армян, начиная приблизительно с XII века, в налаживании, поддержании и развитии торгово-экономических связей между Востоком и Западом. Торговые маршруты армянских коммерсантов пролегли от Ирана и Индии до Португалии и Франции, а обосновывавшиеся на юге России (Астрахань, Новая Нахичевань и т.д.) армяне играли важную роль в транзитной торговле через территорию России.

Путь в Европу для армянских купцов, развернувших широкую деятельность в Персии, лежал через Архангельск, а позднее, при Петре I — через Санкт-Петербург. Однако, по мере изменения ситуации на Ближнем Востоке, с середины XVII века начинается постепенная переориентация армянского торгового капитала в направлении России<sup>7</sup>.

---

6. Бархударян В. История армянской колонии Новая Нахичевань. Ереван: Айастан. 1996. С. 47.

7. Долбакян Э. Персидские армяне в Российской империи. Семья Лазаревых // Армения – Иран. История, культура. Современные аспекты взаимоотношений. М. 2013. С. 55-56.

На всём протяжении торговых путей армянские купцы основывали торговые дома, на основе и вокруг которых формировались местные армянские общины<sup>8</sup>. Купеческая колония Новой Джульфы играла значительную роль в налаживании ирано-российско-европейской торговли через Волго-Каспийский путь, что соответствовало также интересам ряда европейских государств. При этом джульфинцы сталкивались с конкурентной деятельностью англичан (Ост-Индская компания), стремившихся переключить иранскую торговлю на «океанический» путь в ущерб «евразийскому» (Волго-Каспийскому). Однако ослабить русско-иранскую и ирано-западноевропейскую торговлю через Русское государство им в конечном итоге так и не удалось. Едва ли не вся торговля по Волго-Каспийскому транзитному пути была связана с деятельностью армянских купцов Новой Джульфы<sup>9</sup>. По мере упадка иранского государства некоторые из них переселились в Россию и внесли существенный вклад в дело её экономического, культурного развития, укрепления внешнеполитических позиций (наиболее известна семья Лазаревых)<sup>10</sup>.

Конечно, преимущества, предоставляемые армянским переселенцам, равно как и представителям других народов, привлекаемым в целях освоения ново-приобретённых земель Российской империи, не яв-

8. Мелконян Э., Дятлов В. Армянская диаспора. Очерки социокультурной типологии. Ереван. 2009. С. 37-38.

9. Подробнее см.: Байбуртян В. Армянская колония Новой Джульфы в XVII веке. Ереван. 1969. С. 94-120.

10. Заметим, деятельность джульфинцев – лишь наиболее яркий, но отнюдь не единственный пример подобного рода. Скажем, деятельность женатого на русской женщине армянского купца Карапета, обосновавшегося в Нежине, была направлена на расширение и укрепление русско-армянских экономических связей. В 1720-х – 30-х годах он держал в Нежине торговую факторию, через которую армянские купцы с Кавказа, Турции, Крыма и Персии развили активную торговую деятельность в России, на землях современной Украины, а также в Молдавии и Румынии – см.: Микаелян В. Мартиросян В. Материалы по истории армянского купечества в России. Հրաբեր Հասարակական Գիտություններ, 1978. № 4 . pp. 79-99.

лялись результатом случайности и были обусловлены определёнными политико-дипломатическими обстоятельствами. Заинтересованность царского правительства в освоении новых земель во многом предопределяла предоставляемые колонии права и рамки её автономии. В последнюю четверть XVIII века, в период подготовки проектов армяно-российского «союза» и оживления чаяний армян на восстановление под покровительством России государственности на исторической родине, основание сугубо армянского города и пяти армянских сёл на «предкавказской» территории произвело на армянскую общественность сильное впечатление<sup>11</sup>.

На протяжении отдельных исторических периодов самоуправлением обладали также общины, составлявшие часть населения или территории ряда других городов (Астрахань, Феодосия, Каменец-Подольский, Кизляр, Моздок и другие). Остальные же поселения (в том числе даже такие, как армянское население Москвы и Петербурга) существенно отличались своим статусом от армянских колоний. Армянские поселения России, особенно начиная с XVII века, являлись немаловажным фактором внешней политики страны, в частности, в делах Ближнего Востока и Кавказа.

Таким образом, армянам отводилось особое место в военных и политических планах России на Кавказе и в Причерноморье. В сфере экономики они проявляли себя в основном в отраслях, являвшихся (или становившихся) стержневыми (структурообразующими) для конкретного города или местности, занимая в них зачастую господствующее, а то и монопольное положение. Ярким примером является

---

11. Бархударян В. История армянской колонии Новая Нахичевань. Ереван: Айастан. 1996. С. 39, 45.

вклад астраханских армян в развитие восточной торговли России, в становление производства шелковых и хлопчатобумажных тканей, а также роль в российской торговле кизлярских и моздокских армян<sup>12</sup>.

Экономическая деятельность армянских колоний способствовала, с одной стороны, формированию армянской национальной буржуазии, а с другой — зарождению и развитию капиталистических отношений в России, росту благосостояния значительных территорий (например, на юге страны и в Поволжье). Если колонии XVII-XVIII веков (Астрахань, Кизляр и другие) сыграли важную роль в развитии и укреплении восточной торговли, то колонии XIX века (Нор Нахичеван, Григориополь, армянские поселения в Крыму) внесли свой вклад в хозяйственное освоение окраин российского государства. Армянские колонии отличались от других центров дореформенной России более быстрым вызреванием элементов капиталистического производства. Это объясняется тем, что армянские колонии не испытывали такого давления полицейско-административного надзора, как города и села внутренней России. Сословные ограничения также не действовали там в полную силу<sup>13</sup>.

К концу XVII в. армянское население одной только Москвы составило около 2 тыс. человек, и власти разрешили открыть на улице Ильинке Армянскую церковь. Армяне строили в Москве и различные промышленные объекты, содействуя экономическому развитию страны. Например, приехавший в 1717 г. из Нор-Джуги в Москву Игнатий Шериман (Шериманян) совместно с русскими промышленниками создал здесь первую шелкоткацкую фабрику. Самую

12. Хачатрян В. Становление армянских колоний в России // Диаспоры. 2000. № 1-2. С. 95.

13. Ананян Ж., Хачатурян В. Армянские общины России. Ереван: изд-во Варандян. 1993. С. 5.

лучшую по тем временам в России аналогичную фабрику построил в Москве вместе со своими братьями Василий Хастатов. Он же стал обер-директором созданного в 1755 г. первого русского акционерного общества, совершавшего торговые сделки с различными странами<sup>14</sup>.

В 1717 г. в Астрахани учреждается первая в России епархия Армянской церкви. Выбор этого города представляется вовсе не случайным: в нем имелась многочисленная армянская колония, возникшая еще в конце XIII в., и пять церквей. По количеству армянских церквей и духовенства в России впереди Астрахани была только армянская колония на Дону, центр которой город Новая Нахичевань (Нахичевань-на-Дону) стал местом пребывания главы второй епархии ААЦ в России. Образование Астраханской епархии ААЦ способствовало установлению тесных отношений между российским правительством и представителями духовной и политической элиты армянского народа<sup>15</sup>.

Политический аспект истории армянских общин в России заключается в том, что начиная с середины XVIII в. консолидация армян на территории России являлась частью общей программы освобождения армянского народа, благодаря чему колонии и общины играли также важную роль в развитии армянского освободительного движения. В России составлялись проекты освобождения Армении от иноземного ига, формировались армянские боевые отряды, поддерживалась связь представителей армянского народа с русскими военными и политическими властями.

---

14. Степанян А. Социокультурные особенности армянской этнообщины Москвы (экскурс в прошлое и результаты полевого исследования в 2003 г.) // Диаспоры. 2004. № 1. С. 52-59.

15. Акопян В. Этапы развития деятельности епархии армянской апостольской церкви на Северном Кавказе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 1. С. 223-229.

Эти программы способствовали развитию армянской освободительной общественной мысли.

Кроме того, в армянских поселениях, в том числе и в России, имелись (вопреки условиям в самой Армении) возможности для сохранения и развития армянской национальной культуры: открывались школы, типографии, музыкальные, театральные и другие культурные очаги. При этом происходил интенсивный процесс взаимовлияния, взаимопроникновения и взаимообогащения армянской и русской культур. Воспитанные в армянских колониях культурные, общественные, военные и политические деятели, а также армяне – выпускники российских учебных заведений – внесли огромный вклад в развитие не только армянской, но и русской науки, культуры, общественной мысли<sup>16</sup>. Значительную роль в двусторонних контактах играла Армянская Апостольская Церковь, исторически занимавшая важное место в самоорганизации армянских общин по всему миру. Проследившая историю её взаимоотношений с российской имперской властью, нельзя не заметить, что практически на всем протяжении русско-армянских контактов они отличались стабильностью, взаимной поддержкой, близкой дружбой, основанной на общности христианской веры. Некоторыми исключениями в политике царского правительства был закон 12 июня 1903 года и ряд других подобных актов (в том числе, на уровне Кавказского наместничества), в основе которых лежало стремление наиболее реакционных кругов правительства к насильственной русификации Кавказа и понижению роли и влияния Армянской церкви на армянское население. Однако, благодаря мудрости наиболее прогрессивных сло-

---

16. Ананян Ж., Хачатурян В. Армянские общины России. Ереван: изд-во Варандян. 1993. С. 5.

ев российского общества, эта ошибка была вовремя исправлена, что способствовало дальнейшему развитию российско-армянских отношений в рамках общего государства<sup>17</sup>.

Конечно, процесс интеграции армян в российское общество не всегда протекал безболезненно. Различные антиармянские «установки» и мотивации на Кавказе имели преимущественно социально-экономический характер и неизменно актуализировались в периоды острых социально-политических кризисов в регионе и в стране в целом, что, конечно, не уникально: этнофобии, как известно, переходят в активную фазу в переломные для общества периоды<sup>18</sup>. Дополнительное беспокойство властей вызывала близость некоторых армянских тайных революционных обществ с русскими радикальными организациями, а также с армянами, проживающими в Москве, на Северном Кавказе и в других регионах обширной империи. Так, автор одного из донесений полковник Дебиль рассматривал революционное общество «Гнчак» как серьёзную организацию, в которую входят влиятельные лица, в частности архимандрит Леон (Хаджаян), и имеются значительные средства, собранные в разных городах Кавказа, в Ростове-на-Дону и в Закаспийской области, что позволило рассылать эмиссаров, вести пропаганду и вооружение отрядов. Для сбора пожертвований члены общества не остановились перед убийством нескольких армянских купцов. Характеризуя деятельность организаций «Гнчак», «Арменкакн», «Крив», автор донесения (оно датируется 1898 г.) отмечает, что среди армян,

---

17. См.: Ованесов Б. Роль Армянской церкви в образовательном процессе и сближении ее с русским правительством (XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 207.

18. См.: Гатагова Л. «И сыну грозно возопил...» // Родина. 2012. № 8. С. 85.

как переехавших в Россию из Турции, так и местных, «идёт сильное брожение, охватившее не только армянскую интеллигентскую молодёжь и низшие слои населения городов и местечек этой народности, но также и те элементы её, которые по своему выдающемуся положению в торговом мире и своим серьёзным торговым занятиям, казалось бы, должны были быть вполне поглощены ими»<sup>19</sup>.

Таким образом, вплоть до начала XX века армянские поселения России занимали особое место среди всей тогдашней диаспоры («спюрка»), играя в истории армянского народа выдающуюся политическую, экономическую и культурную роль. Вместе с тем, уже в начале XIX века правительство России встало на путь ограничения привилегий армян и уравнивания их в правах с другими российскими подданными. Например, в годы Кавказской войны предпринимались попытки причислить армян-селян, обосновавшихся в бассейне реки Терек, к казачьему сословию, однако местное армянское население проявило противодействие правительственной политике. К середине XIX века завершилось приведение армян в социально-правовое пространство России. Они заняли свое место в рядах российского дворянства, купечества, мещанства и прочих сословий<sup>20</sup>.

Рубеж XIX – начала XX веков характеризуется резким ростом национального самосознания армянского населения Российской империи. Здесь сказались расширение сети образовательных учреждений, создание национальных общественно-политических организаций, появление армянских газет, активная

19. См.: Гросул В. Национальные движения России в конце XIX в. // Российская история. 2015. С. 59-84.

20. Суздальцева И.А. О политике российского правительства в отношении армянского населения Притеречья в первой половине XIX века // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 45-48.

деятельность армянского торгово-промышленного класса не только на Кавказе, но и по стране в целом. Мысли и чаяния армянской интеллигенции, особенно, духовенства, были заняты поиском путей решения Армянского вопроса, связанного с освобождением Западной Армении из-под власти Османской империи. Подобные настроения усилились после поражения Турции в Балканской войне 1912 г. Представители армянских общественных организаций России стремились получить гарантии безопасности западных армян, что во многом предопределило их активную позицию после 1914 года, когда Россия оказалась в состоянии войны с Турцией. Благотворительная деятельность различных армянских обществ в Петербурге, Москве и других крупных городах, направленная, в частности, на оказание помощи солдатам русской армии и беженцам из Западной Армении, приобретает в период Первой мировой войны особый размах<sup>21</sup>.

Трагедия Геноцида армян, революционные катаклизмы 1917 года, хаос и смута Гражданской войны с её массовыми жертвами и колоссальными перемещениями населения, резкими социально-экономическими, общественно-политическими и культурно-идеологическими сдвигами открыли новую, «советскую» страницу истории российского армянства, которая характеризуется как несомненными приобретениями, так и громадными потерями. Социальная структура общин претерпевает заметную трансформацию, в немалой степени связанную с непримиримой политикой Советской власти в «церковном вопросе» (напомним, что именно церковь традиционно являлась важным фактором консоли-

---

21. См., напр.: Опарин Д. «Армянская Москва» // <http://www.youtube.com/watch?v=E9vKePDbA3Q>

дации общинных институтов армян на территории России). Однако полностью общинную жизнь прервать не удалось, и в конце 1980-х годов начинается процесс постепенного воссоздания этих институтов. Как в начале XX века, так и на излёте существования Советского Союза, следствием драматических событий на исторической родине армян (Первая мировая война и нагорно-карабахский конфликт) неизменно являлся подъём общественно-политической и экономической активности армянских общин в помощи беженцам, вынужденным переселенцам, а также в оказании гуманитарной помощи соотечественникам.

\* \* \*

Анализ процессов этносоциального развития армян в непростых условиях постсоветской России представляет особый интерес хотя бы в силу количественного фактора. За период между переписями 1989 и 2010 гг. армянское население в РФ более чем удвоилось, составив, согласно официальным итогам переписи 2010 года, 1182388 человек (городское 816375 и сельское 366013 человек)<sup>22</sup>. А если добавить к ним армян, проживающих в России на временной основе, то можно прийти к выводу, что общее их количество значительно превышает 2 миллиона человек. Это до некоторой степени сопоставимо с населением Республики Армения<sup>23</sup>.

Для Республики Армения и армянского народа в целом успешная деятельность организаций диаспоры, предполагающая выстраивание многоуровневых форматов взаимодействия с окружающим миром,

---

22. Национальный состав населения Российской Федерации // [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/population/demo/per-itog/tab5.xls](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab5.xls)

23. Арутюнян Ю. Армяне-россияне: опыт социально-культурной адаптации // *Общественные науки и современность*. 2010. № 4. С. 92.

является немаловажным фактором эффективной реализации внешнеполитического курса, а также крайне важным историко-культурным феноменом, позволяющим обеспечивать в том числе и внутривнутриполитическую стабильность. В свою очередь, российские государственные и общественные структуры заинтересованы в максимальном раскрытии потенциала армянского народа как составной части российского гражданского общества, укреплении взаимовыгодных связей с Республикой Армения.

*Навоян Ю.Л. (Москва-Ереван)*

## **РУССКО-АРМЯНСКОЕ СОДРУЖЕСТВО: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

«Русско-Армянское Содружество» (РАС) занимает нишу общественной дипломатии и способствует развитию российско-армянского диалога через общественные проекты.

Деятельность РАС развивается в нескольких направлениях: отношения с российскими политическими силами, аналитическими центрами, действующими армянскими организациями и т.д. Для каждого из этих направлений разработаны конкретные программы, поэтому работа по ним носит системный и последовательный характер.

Одна из таких программ – «Осторожно, исторические факты» – направлена против попыток фальсификации истории и искажения исторических фактов. За последние годы на российских передовых медиа-площадках были представлены ценные исследования армянских, российских и зарубежных авторов совместно с Научным обществом кавказоведов, Институтом политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона, Международным институтом новейших государств. В последние годы значительно увеличилось количество публикаций с различными «версиями», намеренно искажающими исторические факты нашей истории.

Противостоять этому негативному явлению, на наш взгляд, может историко-культурное просвещение. Программа «Осторожно, исторические факты» – это лишь один из способов такого просвещения.

Среди проектов сотрудничества с аналитическими институтами можно выделить круглый стол «Турецкий фактор на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве», проведенный в марте 2012 г. совместно с Российским институтом стратегических исследований (РИСИ). Актуальность этой темы подтверждается интенсификацией турецкой политики в стратегически значимых регионах Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии. В этом контексте научно-практическое осмысление внешнеполитической стратегии Турции на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве (активизация которой не может не угрожать национальной безопасности Армении и России) способствует укреплению сотрудничества экспертного сообщества наших стран.

Нельзя обойти такое событие, как учреждение, кстати, в Год российской истории, «Библиотеки Русско-Армянского Содружества». Из серии книг «Библиотеки» российские читатели узнают, как тесно связаны между собой судьбоносные страницы истории наших стран. Уже представлены такие ценные издания, как сборник статей известного политолога Станислава Тарасова «Мифы о карабахском конфликте», труд известного кинодраматурга и писателя Кима Бакши «Духовные сокровища Арцаха», роман итальянского автора Антонио Арслан «Повесть о книге из Муша», трехтомник башкирского автора, члена Совета Федерации РФ Рафаила Зинурова «Армения: путь тысячелетий...», сборник статей «Армения-Иран», книга директора РИСИ Леонида

Решетникова «Вернуться в Россию» (на армянском языке), книга доктора исторических наук Александра Крылова «29-й и 67-й сибирские стрелковые полки на Германском фронте».

Кроме того, активно развивается программа «Армения глазами друзей», в рамках которой организуются презентации трудов российских и зарубежных авторов о культуре, истории армянского народа и современной Армении.

Нами учреждена информационно-аналитическая телепрограмма «Голос российских армян», которая с периодичностью дважды в месяц транслируется в эфире телеканала «Еркир Медиа». Эта программа показывает всемирной армянской аудитории современную Россию и представляет российскую армянскую диаспору, для чего приводятся мнения и комментарии российских политиков и политологов по актуальным вопросам международных отношений, региональной политики и армянской тематики. Программа показывает разные стороны жизни армянской диаспоры, рассказывает о знаменитых персонах диаспоры и друзьях Армении.

Стабильно поддерживаются контакты с фракциями Государственной Думы РФ, представители которых присутствуют и выступают на наших мероприятиях. По поводу важных политических мероприятий организуются визиты российских парламентариев в Армению и Арцах.

Особо хочется отметить проведенный 14 сентября 2012 г. митинг российского сообщества с участием известных политических лидеров, депутатов, представителей крупных общественных объединений и национальных диаспор, посвященный осуждению венгерско-азербайджанской сделки по экстрадиции и помилованию убийцы армянского офицера. Мож-

но сказать, что это мероприятие заметно усилило нравственную составляющую официального заявления МИД РФ по этому вопросу.

Во время российских парламентских и президентских выборов проводятся встречи с различными партиями и кандидатами, что можно отнести к проявлению новой культуры диалога между армянским сообществом и российскими политическими силами. Армянский фактор в России, перспективы развития русско-армянских отношений, международное согласие и гражданский мир в российском обществе, мирное решение карабахского вопроса и право арцахцев на самоопределение, увековечение памяти жертв Геноцида армян и ликвидация его последствий – вот основной блок вопросов, обсуждающихся во время этих встреч.

Ежегодные апрельские мероприятия по осуждению Геноцида армян проводятся в Москве с участием представителей различных фракций Государственной Думы и известных политиков.

Нами учрежден клуб политической дискуссии «Диалог». Это дискуссионная площадка, на которой ведущие российские, армянские и зарубежные политики и эксперты высказывают свое мнение по актуальным вопросам современных международных отношений и делятся размышлениями на общественно значимые темы.

«Русско-Армянское Содружество» часто выполняет определенную роль коммуникатора между организациями армянской диаспоры в Москве по значимым вопросам, обеспечивая их сотрудничество в разных форматах. Нами наработан положительный опыт сотрудничества со всеми действующими в Москве организациями. В московской диаспоре есть понимание того, что отдельным организациям не под

силу вынести всю тяжесть работы. В последние годы взаимодействие организаций происходит вокруг содержательных программ, нет никакого механического объединения. Уходит в прошлое потребительский подход, когда все ждут, что кто-то придет и решит все проблемы, а если этого не случается, реальная деятельность заменяется бесконечными жалобами и бесплодными обсуждениями. Необходима новая культура поведения организаций и их взаимоотношений. Мы считаем, что содержательное единение при реальном организационном многообразии – путь к созданию полноценной диаспоры. В Москве в определенном смысле обеспечена именно такая атмосфера, и нам приятно, что мы внесли в это свой вклад.

Консолидирующий опыт предыдущих лет позволил нам в январе 2012 г. инициировать создание московской региональной комиссии по координации мероприятий, посвященных 100-летию Геноцида армян с участием всех организаций Москвы. Введен институт сопредседателей комиссии, отражающий новый тип взаимодействия в московской диаспоре. На базе этой комиссии в мае 2013 г. уже была создана Общероссийская комиссия по координации мероприятий, посвященных 100-летию Геноцида армян. Она организовывала, координировала и проводила общественно значимые мероприятия, посвященные 100-летию Геноцида, в частности, вечер памяти жертв Геноцида армян и митинг, осуждающий это международное преступление.

Мы также уделяем большое внимание самоорганизации диаспоры. Можно выделить наши инициативы по созданию молодежных и женских организаций.

Интеграционные проекты на постсоветском пространстве и вопрос степени участия Армении в них

занимает прочное место в повестке РАС. И этот интерес обусловлен не только с точки зрения российско-армянских отношений. Достаточно выделить одну нашу программу: в рамках Московского экономического форума РАС в 2014 и 2015 гг. проводила отдельные круглые столы по интеграции Армении в ЕАЭС.

Следует выделить также программы сотрудничества с ОДКБ. РАС, как член Аналитической ассоциации ОДКБ, участвует в соответствующих информационно-аналитических программах. В рамках Аналитической ассоциации, усилиями РАС, в 2013 г. в Ереване проведена международная конференция «ОДКБ и современные вызовы безопасности», которая подчеркнула важную роль ОДКБ в обеспечении безопасности региона и сохранении баланса. Еще в 2007 г. в сотрудничестве с партнерскими организациями мы в Ереване провели международную конференцию «Роль ОДКБ в российско-армянском стратегическом сотрудничестве», результатом которой стало учреждение первого Информационного центра ОДКБ, который в дальнейшем стал Институтом ОДКБ в Армении.

Важным компонентом межгосударственного диалога и проявлением новой политической культуры является межпартийное сотрудничество. Усилиями РАС в июле 2007 г. было заключено первое российско-армянское межпартийное соглашение между партиями «Дашнакцутюн» и «Справедливая Россия». Сегодня это сотрудничество развивается не только на двухстороннем уровне, но и в рамках Социал-интерна. А это уже дополнительная международная площадка для представления позиций Армении и России по актуальным вопросам мировой политики. За подписанием первого межпартийного российско-армянского соглашения последовало установление

межпартийного сотрудничества между правящими партиями наших стран («Единой Россией» и «Республиканской партией») в январе 2008 г.

РАС участвует также в программах развития межпарламентского диалога в рамках деятельности Комиссии по сотрудничеству между Федеральным Собранием РФ и Национальным Собранием Армении и по линии профильных комитетов парламентов России и Армении.

*А. Цинкер (Израиль)*

## **ЕВРЕИ КАВКАЗА: САМОИЗОЛЯЦИЯ ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ?**

Не секрет, что мы живем в такое время, когда различные силы опять активно начинают использовать религию в политических целях, для разжигания межнациональной розни и — как следствие — войн между народами и государствами. Исходя из этого, расхожий термин «исламский фундаментализм», на мой взгляд, правильнее было бы заменить на понятие «политизированный ислам». Квинтэссенцией этого понятия является нынешний режим в Иране, но мы видим, какие еще более уродливые формы может принять политизированный ислам на примере организации ИГИЛ, действующей сегодня в Сирии и Ираке, и уже засылающей своих эмиссаров в самые различные регионы мира, включая и Северный Кавказ.

Но, как мне кажется, именно на Северном Кавказе с его многовековыми традициями национальной и религиозной толерантности радикальные исламисты могут и должны получить отпор, и даже если и добьются каких-либо успехов, то успех этот будет минимальным и непродолжительным.

В регионе, где мусульмане всегда не просто терпимо, а самым дружеским образом относились к своим соседям евреям и христианам, у подобной модификации ислама попросту нет почвы.

И тут мне как раз и хочется обратиться к урокам, которые можно извлечь из истории еврейских общин Северного Кавказа. Как известно, эта история уходит корнями вглубь даже не столетий, а тысячелетий. Уже в Талмуде мы находим упоминание о еврейской общине Дербента, который там называется Тарабантом и о том, что туда специально направляли раввинов из Иерусалима.

Как и многие еврейские общины, оказавшиеся разбросанными по десяткам стран мира, евреи Кавказа оказались перед непростым выбором: либо принять обычаи, традиции и религию местного населения, либо во имя сохранения своей культуры и национальной самоидентификации замкнуться в рамках гетто. Не секрет, что евреи Европы, да и большинства стран ислама, выбрали именно последний путь, и, как считается, именно благодаря этому выбору еврейский народ продолжил свое существование и дожил до наших дней.

История евреев Кавказа, выбравших иной, «третий путь», в этом смысле уникальна. Осмелюсь предположить, что объясняется это как раз уникальностью самого Кавказского региона, где на относительно небольшой территории всегда проживали бок о бок десятки различных народов и где — в условиях явного преобладания населения, исповедующего ислам, — впервые в мире родилось подлинно мультикультурное, толерантное общество.

Разумеется, сами жители Кавказа не знали таких модных сегодня понятий, как «мультикультурность» и «толерантность», но зато они с успехом следовали этим понятиям на практике, сделав их основой своей повседневной жизни. Кавказское гостеприимство, умение уважать язык, обычаи и традиции соседей, а не навязывать им свои, делить с этими соседями

радость и приходиться на помощь в трудные минуты, без преувеличения, известны всему миру. При этом я отнюдь не собираюсь заниматься лакировкой прошлого. Безусловно, в истории Кавказа есть и поистине страшные, кровавые страницы. Но, в целом, основной все же была тенденция многокультурности, мирного проживания народов даже не рядом друг с другом, а как бы друг в друге. Неминуемым следствием этой тенденции стало взаимное культурное обогащение и накапливание уникального культурно-исторического опыта, определившего неповторимый самобытный облик Кавказского региона.

Эта уникальность Кавказа и определила уникальную историю живущих здесь еврейских общин, и в первую очередь — общины горских евреев.

С одной стороны, они получили возможность сохранить верность иудаизму, обычаям и традициям предков и создать на их базе свою, тоже, безусловно, уникальную горско-еврейскую культуру. Больше того: когда в европейском мире начался стремительный процесс ассимиляции евреев, именно евреи Махачкалы, Дербента, Нальчика, азербайджанской Кубы и других населенных пунктов стали одними из основных хранителей иудаизма и традиционных еврейских ценностей на европейском континенте.

С другой стороны, они всегда чувствовали себя неотъемлемой частью некоего, стихийно сложившегося, «общекавказского этноса», и это нашло проявление в их музыке, танцах, литературе, и, само собой, в многоязычии, что также всегда являлось неотъемлемой чертой кавказских народов. Как и большинство жителей Кавказа, многие евреи, помимо родного горско-еврейского языка, свободно владели аварским, лезгинским, чеченским, азербайджанским

и другими языками. Уже в советское время к этому списку добавился и русский язык.

Таким образом, почти каждый горский еврей является примером воплощения в жизнь идеи мультикультурализма в самом положительном смысле этого слова – в том, какой вкладывают в него сторонники, а не противники этой идеи. Как еврей он, вне сомнения, является частью своей горско-еврейской общины и еврейского народа в целом, но как выходец с Кавказа он несет в себе те жизненные установки, культурные и прочие предпочтения, которые характерны именно для уроженцев этих мест. Наконец, став интегральной частью русской, а через нее и западной культуры, именно горские евреи обогатили элементами этой культуры жизнь народов Кавказа в целом.

Я мог бы привести немало примеров, доказывающих справедливость этой мысли, но ограничусь напоминанием о Танхо Израилове, создавшем всемирно известный ансамбль «Лезгинка». Сменивший великого Израилова на этом посту Иосиф Самуилович Матаев не только продолжил его традиции, но и стал автором и постановщиком первого оригинального кавказского балета «Парту-Патима».

Это великое умение вбирать в себя различные культурные пространства, не навязывать другим своих обычаев и видения мира, но принимать это видение, одновременно сохраняя собственную этническую идентификацию и определило в итоге ту уникальную роль, которую горские евреи играют сегодня в жизни как России, так и Израиля и США.

В России, на мой взгляд, они олицетворяют собой представителей того будущего общества, которое уже с успехом строится в этой стране. С точки зрения самосознания они, безусловно, в первую очередь,

россияне, так как отождествляют себя с Россией, являются ее горячими патриотами, свободно владеют русским языком и т.д. Одновременно они — «кавказцы», и как бы ни пытались некоторые очернить или унизить это понятие, они им по праву гордятся, сохраняя приверженность кавказской кухне, кавказским обычаям, переходя в разговоре с земляками на язык своего детства. Но как евреи они отмечают все еврейские праздники, соблюдают субботу и еврейские диетарные законы, щедро жертвуют деньги на синагоги и другие еврейские учреждения и организации. Одно, как видим, не мешает другому, а другое — третьему. Напротив, все эти три ментальности, три самосознания прекрасно совмещаются и уживаются друг с другом.

Этот бесценный многовековой опыт «практического мультикультурализма» в значительной степени обусловил успешную интеграцию горских евреев в американское, израильское и европейское общества, в которых они оказались в рамках идущих в мире миграционных процессов.

Если в той же Европе выходцы из исламских стран в значительной степени под влиянием своих радикальных проповедников стали на путь самоизоляции и навязывания окружающему обществу своих норм и установок, то горские евреи опять-таки пошли по пути интеграции в него с одновременным сохранением этническо-религиозной самобытности. И, как показывает опыт, такая диалектика является наиболее продуктивной. Выбранный путь, повторю, не только помогает избежать конфликтов, но и ведет к взаимному обогащению народов.

Примеры диалектики интеграции и сохранения самобытности евреев Кавказа мы наблюдаем и в современном Израиле. Представителей горско-

еврейской общины мы можем найти сегодня среди звезд израильской эстрады, ведущих ученых, адвокатов, врачей, высших офицеров израильской армии. В то же время в стране продолжает выпускаться «Кавказская газета», ориентированная именно на горско-еврейского читателя, действует издательство, выпускающее книги на русском и горско-еврейском языке, созданные прозаиками и поэтами-выходцами с Кавказа, пропагандирующие историю, искусство, кухню, язык и традиции горских евреев. Наконец, в стране действуют синагоги и общинные центры, где сохраняется традиционный стиль молитвы горских евреев, читают проповеди духовные лидеры их общины и т.д.

Разумеется, на пути этого диалектического синтеза интеграции и сохранения самобытности в Израиле не обошлось и без конфликтов. Но, как опять-таки показывает опыт, эти конфликты решаемы, если в стране и в самом деле хотят их решить.

К примеру, как известно, в Израиле существует всеобщая воинская повинность, в рамках которой на службу призываются как юноши, так и девушки. Однако в горско-еврейской общине призыв девушек в армию, служба в смешанном коллективе вызвала отторжение, и в результате государство официально предоставило девушкам-выходцам из Кавказа право самим решать, хотят они служить, или нет. Любопытно, что если поначалу эти девушки пользовались предоставленным им правом и отказывались от службы в армии, то сейчас мы видим все больше и больше горских евреек в различных подразделениях израильской армии, в том числе, и в боевых.

Другой конфликт был связан с выполнением военнослужащими нарядов по кухне. Юноши-выходцы из Кавказа заявили, что они отказываются выпол-

нять эти наряды, так как «для кавказского мужчины позорно работать на кухне». После нескольких скандалов командование армии решило пойти на уступки и теперь солдаты-выходцы с Кавказа официально освобождены от любой службы на армейской кухне — вместо этого они получают какие-либо альтернативные задания.

Завершить этот разговор мне бы хотелось тем, с чего мы начали: история и современный день Кавказа, а также кавказских евреев как органической части населения этого региона, однозначно доказывает, что построение подлинного толерантного мультикультурного общества возможно. Ислам на этом пути ни в коем случае не помеха, напротив — он может выступать в роли союзника и активного проводника идей толерантности. И если мир и в самом деле хочет прийти к такому обществу, он должен воспользоваться бесценным кавказским опытом.

Последнее вовсе не означает, что политические, духовные и интеллектуальные лидеры Северного Кавказа и России в целом могут почивать на лаврах и утратить бдительность. Напротив: тот же кавказский опыт показывает, как легко радикальные силы могут разжечь огонь ненависти и войны в стабильном и процветающем регионе. Не допустить их проникновения на Северный Кавказ, выбить у них из рук «спички» и «канистры с бензином», то есть любые возможности дестабилизации — вот задача, стоящая сегодня перед интеллектуальной элитой Кавказа. И я убежден, что ей вполне по силам с этой задачей справиться.

**«ВОССТАНОВЛЕНИЕ  
ХРИСТИАНСТВА» КАК НАПРАВЛЕНИЕ  
МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ  
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ  
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ  
ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.:  
К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА**

Среди многочисленных тем, которые поднимались в отечественном кавказоведении, была и история христианства на Северном Кавказе, история Русской православной церкви (РПЦ) и ее миссионерских институтов, действующих в регионе во второй половине XVIII – начале XX вв. Государственная политика, направленная на инкорпорацию Северного Кавказа, населенного представителями различных этноконфессиональных сообществ, в единое социально-экономическое и социокультурное пространство Российской империи, предполагала использование, в том числе, и методов миссионерской деятельности. Священники-миссионеры сыграли определенную роль в установлении межнациональных отношений, выработали определенные механизмы взаимодействия с коренным населением.

Северный Кавказ относится к территориям, на которых христианство стало распространяться раньше, чем в других регионах современной России, уже

в первые века нашей эры. Среди местных народов были приверженцы как ортодоксального христианства, так и его этнизованных направлений. За период двухтысячелетней истории присутствия христианства в регионе периодически отмечались подъемы и падения, расцветы и угасания, а в отдельные исторические периоды и почти полное забвение христианской веры. Во многом это завесило от того, насколько интенсивно миссионеры и другие носители христианской религии занимались просвещением местных жителей, для которых были характерны духовно-религиозный консерватизм и устойчивость традиционных воззрений. Имели место и попытки вторичного распространения, поддержания, восстановления и укрепления христианства в северокавказских землях со стороны Русской православной церкви и Российского государства. При этом надо отметить, что политика российского правительства в конфессиональной сфере была достаточно взвешенной и толерантной, способствующей сохранению стабильности в регионе.

Историография истории христианства на Северном Кавказе и деятельности Русской православной церкви в регионе во второй половине XVIII – начале XX вв. довольно обширна. Заметное место в ней занимает и история изучения миссионерской деятельности, одним из направлений которой в рассматриваемый период было «восстановление христианства». Термин этот был введен в научный оборот еще в XIX в. и активно используется в современных научных исследованиях. Под «восстановлением христианства» ряд авторов понимает идейную установку или доктрину, «особые, приемлемые для местных условий формы и направление миссионерства церкви, политики государственных институтов и должностных

лиц, деятельности представителей общественности с историко-культурной составляющей, нацеленных на особую категорию людей – «бывших христиан»<sup>1</sup>. Как отмечает Е.А. Савенко, рассматриваемое понятие относится к области миссионерской деятельности, процедура «восстановления» предполагает использование особых способов и средств миссионерства и особую группу или слой людей – «бывших христиан», на которые эта деятельность нацелена<sup>2</sup>. В работах исследователей «восстановление христианства» рассматривается в контексте миссионерской деятельности РПЦ.

В рамках классической отечественной историографической традиции литературу по истории изучения миссионерской деятельности РПЦ на Северном Кавказе указанного периода условно можно разделить на три этапа. Они соответствуют трем хронологическим периодам развития отечественного кавказоведения, что объясняется, прежде всего, спецификой научно-отраслевого понимания исторических текстов, принадлежащих перу ученых, путешественников, военных, историописателей, священников, включая обширный пласт краеведческих по природе и сути трудов российских авторов. Имеющуюся литературу по истории миссионерской деятельности РПЦ на Северном Кавказе можно рассмотреть и в проблемном аспекте, выделив группы работ, посвященных:

- истории христианства на Северном Кавказе;
- истории деятельности РПЦ на Северном Кавказе;
- изучению государственной политики по рассматриваемому вопросу;

---

1. Савенко Е.А. История восстановления христианства в центральных районах Северного Кавказа в 1742-1917 гг. (идеи, практика, результаты). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Краснодар. 2013. С. 15.

2. Там же.

- биографиям церковных и государственных деятелей, судьбы которых имели непосредственное отношение к процессу «восстановления христианства» в регионе;
- изучению духовных миссий на Северном Кавказе;
- рассмотрению социального статуса духовенства;
- истории общественных православных организаций;
- истории развития православной периодической печати;
- истории церковной археологии;
- образам северокавказской реальности в общественном сознании второй половины XIX – начала XX вв.

Возможно выделение и иных групп.

Первый период хронологически определяется второй половиной XVIII в. – рубежом 1920-30-х годов и охватывает значительный этап дореволюционной историографии, ряд положений исторических концепций которой оказали влияние на историографию советского периода. Работы, созданные в это время, несмотря на разброс времени их публикации, были близки по структуре, форме изложения материала, тематике исследований и отчасти по методам и методикам историописания. Осмысление миссионерской деятельности на Северном Кавказе в отечественной исторической, историко-религиозной и публицистической литературе четко прослеживается со второй половины XIX в. Вместе с тем, сведения о раннем христианстве, его пережитках в северокавказских горских обществах, начале миссионерской деятельности РПЦ в регионе встречаются в трудах путешественников, ученых и военных уже со второй

половины XVIII – начала XIX в. Сведения эти были отрывочны, носили преимущественно описательный характер и затрагивали в основном деятельность миссионеров.

Одной из первых работ, в которых упоминается деятельность миссионеров, в частности, Осетинской духовной комиссии, на Северном Кавказе является знаменитое «Путешествие по Кавказу» академика И.А. Гильденштедта<sup>3</sup>. Истории создания Осетинской миссии с целью распространения христианства в центре Северного Кавказа, организованной при поддержке российского правительства, уделяет внимание и академик Г.Ю. Клапрот в описании своего «Путешествия»<sup>4</sup>.

Значительное количество историко-статистических и историко-этнографических сочинений о Кавказе, в которых нашли отражение и вопросы христианства в регионе, вышли из-под пера военных. О деятельности Осетинской духовной миссии, ее преобразовании в 1771 г. в Осетинскую духовную комиссию, рассуждает и известный военный историк, академик П.Г. Бутков в своих «Материалах для новой истории народов Кавказа с 1772 по 1803 гг.»<sup>5</sup>. Работа была написана в первой четверти XIX в. и уже в ней применяется понятие «возобновление христианства» по отношению к деятельности Осетинской духовной комиссии, рассматривается процесс христианизации в регионе. Работа содержит обширные статистические данные, выдержки из официальных документов

---

3. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб.: Петербургское востоковедение. 2002.

4. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т.д. Пер. с англ. К.А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа. 2008.

5. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ред. и ком. Л. Броссе. СПб.: Типография Императорской Академии наук. 1869. Ч. I-II.

и представляет собой уникальный источник по истории Кавказа. Упоминание об Осетинской комиссии, основанной при ней в 1775 г. школе, а также о причинах прекращения ее деятельности в 1792 г. из-за противоречий с кабардинцами, встречается в труде штабс-капитана Иоганна Бларамберга «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа», датированном 1834 г. Этот чрезвычайно обширный историко-этнографический источник был переведён и введен в научный оборот исследователем-кавказоведом И.М. Назаровой<sup>6</sup>. В 1862 г. полковником Ракинтом был составлен краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен Св. Апостолов до XIX столетия<sup>7</sup>.

Интерес представляют и работы по истории христианства на Северном Кавказе авторами которых были священнослужители, или же написанные при их участии: архиепископа Астраханского Платона, посвященные Осетинской Духовной комиссии; епископа Ставропольского и Екатеринодарского Владимира, по инициативе которого была подготовлена и опубликована обстоятельная историческая справка об истории христианства на Северном Кавказе; священника-миссионера А. Гатуева по истории христианства в Осетии; владикавказского и пятигорского священника протоиерея И. Беляева по истории миссий РПЦ, в т.ч. и Кавказской миссии; епархиального миссионера А.И. Платонова об Обществе восстановления православного христианства на Кавка-

6. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Пер. И.М. Назаровой. М.: Изд. Надьшин. 2005.

7. Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен Св. Апостолов до XIX столетия. Сочинение Генерального Штаба полковника Ракинга. 1862. СПб. Публ., коммент. В.А. Захарова // Россия и Северный Кавказ. Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). М.: Русская панорама. 2000. С. 15-38.

зе; епархиального миссионера С. Никольского о Ставропольском церковно-археологическом обществе<sup>8</sup>.

Тема истории христианства на Северном Кавказе, вопросы миссионерства нашли отражение и в трудах известных общественных деятелей, просветителей Северного Кавказа (Ш.Б. Ногмов, К.Л. Хетагуров, Г. Баев, Х. Уруймагов и др.)<sup>9</sup>, ученых-кавказоведов (П.К. Услар, В.Б. Пфаф, Д. Бакрадзе, М.М. Ковалевский, А. Фиркович, В.Ф. Миллер и др.)<sup>10</sup>, провинциальных исследователей и историописателей (П. Хицунов, И. Хазаров, Д. Айналов, А.П. Архипов, А.Н. Дьячков-Тарасов, А. Кодзаев, Г.Н. Прозрителев, М.И. Ермоленко, С.В. Фарфоровский, П.В. Архангельский, И.А. Владимиров и др.)<sup>11</sup>; на страницах

8. Владимир, епископ Ставропольский и Екатеринодарский. Историческая записка о христианстве на Северном Кавказе // Ставропольские епархиальные ведомости (СЕВ). Отдел неофициальный. 1888. № 18-19; Его же: Священные достопримечательности по р. Теберде, Кубани и Б. Зеленчуку // СЕВ. 1888. № 22, 23, 24; Гатуев А. Христианство в Осетии // Терские ведомости. 1891. № 14-15, 19, 27, 32, 234, 36, 42, 46, 47, 48, 51; Беляев И. Русские миссии на окраинах. СПб. 1990; Платонов А.И. Обзор деятельности общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1860-1910 гг. / Издание Совета Общества. Тифлис. 1910; Никольский С. Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество в первом 10-летию своего существования и деятельности. Ставрополь: Типолитография Т.М. Тимофеева. 1905.

9. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа составленная по преданиям кабардинцев. Вступ. ст. и подгот. текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус. 1994; Избранные произведения адыгских просветителей. Сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик. 1980.

10. Услар П. Начало христианства в Закавказье и на Кавказе. Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Вып. II. Тифлис. 1869. С. 1-24; Пфаф В.Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // ССКГ. Т. I. Тифлис. 1871. С. 127-176; Бакрадзе Д. Кавказ в древних памятниках христианства. // Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией (АКАК). Т. V. Тифлис. 1873. С. 993-1109; 1875. Т. VI. Ч. II. С. 885-905. Тифлис, 1873. Т. V. С. 993-1109; 1875. Т. VI. Ч. II. С. 885-905; Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М. 1890. Т. 1-2. Ковалевский М.М. Очерки этнографии Кавказа // Вестник Европы. 1867. Дек. Т. III. С. 102-116; Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского археологического общества. Вып. II. Т. IX. СПб., 1857. С. 371-405; Миллер В.Ф. Осетинские этюды: [Репринт]. Владикавказ. 1992. и др.

11. Хицунов П. О состоянии некогда бывшего христианства на Кавказе // Кавказ. 1846. № 34-35; Его же: Об остатках древних памятников христианства на северной стороне Кавказа // Сборник газеты «Кавказ», второе полугодие 1847 года. Тифлис. 1848. С. 117-119; Хазаров И. Остатки христианства между закубанскими племенами, прошедшее и нынешнее состояние их нравов и обычаев // Кавказ. 1846. № 40 (5 окт.) С. 159-161; Айналов Д. Некоторые христианские памятники Кавказа. М. 1895; Архангельский П.В. Справочная книжка по

северокавказской периодической печати («Кавказ», «Кавказские епархиальные ведомости», «Владикавказские епархиальные ведомости», «Ставропольские епархиальные ведомости», «Церковная старина на Северном Кавказе»)¹².

Значительное количество работ, вышедших в до-революционный период, посвящено истории Осетинской Духовной комиссии, деятельность которой рассматривалась в связи с задачами по «восстановлению» православия в регионе, особенно в период правления князя А.И. Барятинского, являющегося инициатором создания, основателем и первым председателем Общества восстановления православного христианства на Кавказе¹³. Деятельность этого обще-

---

Ставропольской епархии. Ставрополь: Тип. Ставропольского губ. правл. 1889; Его же: Справочная книжка монастырям, пустыням, настоятелям, настоятельницам оных, благочинным, благочинническим округам, соборам, церквям, городам, селениям, станциям, поселкам, хуторам и местечкам Кавказской епархии, составленная столоначальником Кавказской духовной консистории П. Архангельским. Ставрополь: Тип. Т.М. Тимофеева. 1896; Архипов А.П. О древнем христианском храме, находящемся близ слияния рек Теберды и Кубани, на границе Большой Кабарды // Кавказ. 1852. №24. 12 апр.; Дьячков-Тарасов А.Н. Сентинский храм и его фрески с приложением автотипов и фотохемиграфий // Куб. сб. – Екатеринодар, 1899. Т. V. Отд. 7. С. 1-9; Отд. 8. С. 1-7; Прозрителев Г.Н. Древние христианские памятники на Северном Кавказе. Ставрополь: Тип. наследников Берка. 1906; Ермоленко М.И. Древние храмы близ Нальчика и мумии балкарских могильников Терской области. Ставрополь: Тип. губ. правл. 1911; Его же: Памятники древнего христианства на Кавказе // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии (СУАК). Вып. V. Отд. II. Ставрополь. 1912.; Владимиров И.А. Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области // Известия Императорской Археологической комиссии (ИАК). Вып. 4. СПб. 1902. С. 1-14; Его же: Развалины старинного храма близ речки Амгаты // ИАК. Вып. 1. СПб. 1901. С. 104-106 и др.

12. Никольский С. Указатель статей неофициальной части Кавказских – Ставропольских епархиальных ведомостей за 35-летний период времени их издания: 1873-1907 годы. Ставрополь: Типолитография Т.М. Тимофеева. 1907. Периодические издания Ставропольского края: 1850-1916 гг.: Библиографический указатель / Ставропольская гос. краевая универсальная науч. б-ка им. М.Ю. Лермонтова; сост. Т.И. Фунтикова. Ставрополь. 1988. Попов И.Г. Систематический указатель содержания «Владикавказских епархиальных ведомостей» за шесть лет их издания (1895-1900 гг.). Владикавказ. 1904; Раздорский А.И. Справочные издания епархий Русской Православной Церкви (1861-1915). Сводный каталог и указатель содержания. СПб. 2002; Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Сост. Л.А. Чибиров. Книга 6. Цхинвал. 2006. и др.

13. См.: По предложению Наместника Кавказского об учреждении Общества восстановления православия на Кавказе. Тифлис. 1858; Записки Василия Антоновича Инсарского // Русская старина. 1894. № 1-6, 12. 1895. № 1-9. 1897. № 9-12. 1898. № 1-3. 1904. № 8-12. 1905. №1. 1906. № 1, 5. 1907. № 1, 3, 6.

ства также была отражена в литературе, но преимущественно в публикациях юбилейного характера и отчетных материалах<sup>14</sup>. Были опубликованы статьи и о древних христианских святынях, православных храмах, монастырях, об отношении к православным святыням местных жителей, о необходимости сохранения церковной старины.

В дореволюционный период в самостоятельное направление исследований оформляется и история Русской православной церкви, понятие «восстановление христианства» прочно входит в научную, научно-популярную, публицистическую и религиозную литературу (П. Знаменский, И. Коменский, А. Гатуев, И. Беляев, А. Платонов, И. Попов и др.)<sup>15</sup>.

Второй период – с начала 1930-х до конца 1980-х годов – соответствует общепринятой периодизации советской историографии, характеризуется реорганизацией научных учреждений гуманитарного профиля, значительными кавказоведческими исследованиями, масштабными экспедиционными работами, структурированием основных проблем кавказоведения, появлением первых обобщающих трудов как по отечественной истории в целом, так и по северокавказской в частности, а также специальных работ по истории изучения Кавказа и истории распространения христианства в регионе.

---

14. О действиях Высочайше утвержденного Общества восстановления православного христианства на Кавказе. СПб.: Типография Императорской академии наук. 1862; Лилов А.И. Деятельность общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1860-1870 г. Тифлис. 1872; Отчет общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1890 год. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1891; Каллистов Н. Краткая историческая записка об Обществе восстановления православного христианства на Кавказе // Духовный вестник Грузинского экзархата. № 7. Тифлис. 1891. и др.

15. Знаменский П.В. Учебное руководство к русской церковной истории. Казань: Университетская типография. 1870; Коменский И., протоиерей. Обращение осетин в христианство в XVIII веке // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. Под ред. графини П.С. Уваровой. 1881. М.: Типография А.И. Мамонтова и К. 1887. С. 140-145 и др.

Дореволюционная история России изучалась с позиций традиционной марксистской методологии в русле формационной концепции, основывавшейся на приоритете социально-экономических факторов в объяснении процессов и событий. Работы, созданные в 1930-е — начале 1950-х годов, уже порывают с дореволюционной историографической традицией в рассмотрении исторических текстов. Авторские тексты изучались преимущественно с точки зрения общественно-политической направленности их содержания. Анализ местной книжно-журнальной продукции свидетельствует, что даже идеологизированная литература сохраняла региональную специфику, проявившуюся в особенностях историографического письма. Реконструкция же истории Русской православной церкви, по известным причинам, надолго выпала из поля зрения отечественной историографии. Смена этапов советской историографии была связана со сменой политических ориентиров в обществе и сказывалась на ее содержании и инфраструктуре. В конце 1980-х годов в свете политических «перестроечных» процессов в отечественной исторической науке появились новые сюжеты, заполнявшие «белые пятна» не только национальной, но и местной истории. В это же время появляется методологическая и идеологическая «разногласица», с преобладанием второй. Это несовпадение идейно-теоретических подходов в дальнейшем вылилось в методологический плюрализм, захвативший и историю науки в провинции.

В советский период развития исторической науки вопросы, связанные с историей христианства на Северном Кавказе, рассматривались исследователями в контексте развития российско-северокавказских

социально-политических и культурных связей, становления и развития письменности и образования в регионе (Б.А. Алборов, В.Б. Скитский, М.С. Тотоев, Б.А. Калоев, М.М. Блиев и др.)<sup>16</sup>. При этом термин «восстановление православия» как правило, не употреблялся, а деятельность общественных религиозных организаций в данной области оценивалось преимущественно в контексте реакционной политики царского правительства в регионе. В 1989 г. вышел сборник «Русское православие: вехи истории», один из разделов которого был посвящен миссионерской деятельности РПЦ во второй половине XIX – начале XX в., в рамках которого рассматривалась и работа созданных в дореволюционный период на Северном Кавказе общественных религиозных организаций по восстановлению памятников церковной архитектуры<sup>17</sup>.

Отличительной чертой третьего периода, с начала 1990-х годов и по настоящее время, является появление новых подходов и методов в изучении дореволюционной истории России. Ряд из них пришел в современную науку из работ дореволюционных и опальных советских историков. Произошли изменения в проблемном поле истории исторической науки, на повестку дня выдвинулись новые исследовательские задачи, значительно обновилась источниковая база. Внимание стало уделяться истории самой истории-

---

16. Алборов Б.А. Первая печатная осетинская книга (К 130-летию осетинской письменности) // Некоторые вопросы осетинской филологии: статьи и исследования об осетинском языке и фольклоре. Орджоникидзе: Ир. 1979. С. 12-36; Скитский В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. М. 1948; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе: Ир. 1970. С. 73-127; Калоев Б.А. В.Ф. Миллер – кавказовед (исследования и материалы). Орджоникидзе: Сев.- Осетинское кн. изд-во. 1963. и др.

17. Русское православие: вехи истории. Науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат. 1989.

ческой науки и роли тех, кто раньше был незаметен, но много делал для развития исторического знания, накапливал факты, популяризировал его и влиял на общественное сознание. Начали изучаться сюжеты, связанные с организационной структурой дореволюционной исторической науки, с историей провинциальных научных и религиозных обществ, биографиями провинциальных исследователей. Приоритетным направлением в современной историографии, экстраполированным и на историю исторической науки, стало исследование человека во всем многообразии его отношений с обществом.

Отечественные историки обратили внимание на «новую историческую науку», принципы которой тесно связаны с постмодернизмом. Обращение к выработанному западными коллегами методологическому инструментарию дало возможность плодотворней работать с историческим материалом. Широта исследовательских полей «новых историй», глубина их «проникновения в былое» позволили исследовать процесс развития провинциальной историографии, включая в корпус историографических источников труды не только профессиональных историков, но и широкого круга знатоков и любителей истории Северного Кавказа, краеведов второй половины XIX — начала XX века. Повышенное внимание обращено на изучение научного инструментария, приемы интерпретации источников, своеобразие конструирования текстов, структуры внутридисциплинарных коммуникаций и их уровни. Значительно расширилась и тематика исследований. В поле зрения историков вновь оказалась история РПЦ, ее миссионерская деятельность, в том числе и на Северном Кавказе. Появились диссертационные исследования, так или

иначе затрагивающие проблемы «восстановления христианства» на Северном Кавказе<sup>18</sup>.

В 1992 г. был опубликован труд митрополита Ставропольского и Бакинского Гедео́на, посвященный истории христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России, написанный еще в советский период и по понятным причинам не опубликованный в свое время. Он стал своеобразной точкой отчета для исследователей, занимающихся историей РПЦ на Северном Кавказе, в том числе историей миссионерской деятельности в части восстановления православия в регионе<sup>19</sup>.

В работах российских историков была восстановлена и продолжена линия дореволюционной отечественной историографии, ряд проблем были освещены по-новому, с позиций современных достижений исторического знания, открытия новых. В трудах ученых собран значительный материал, связанный с темой миссионерства, «восстановлением православия» на Северном Кавказе, проанализированы данные о материальных и этнографических призна-

---

18. Раздольский С.А. Миссионерская деятельность православной церкви на Северном Кавказе в XIX – начале XX веков. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар. 1997; Цимцба А.Л. Деятельность Абхазской миссии Общества восстановления православного христианства на Кавказе: исторические условия, методы и формы работы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Майкоп. 2001; Паршина Н.В. Влияние русского православия на исторические процессы в Северокавказском регионе (XVIII-XIX вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск. 2002; Дзанагова Л.В. Роль православного христианства в развитии просвещения и школы народов Центрального Кавказа XVIII – начало XX вв. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Владикавказ. 2003; Мамиев М. Э. Православное христианство в позднесредневековой Осетии (Аланская традиция). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ. 2004; Данилюк М. Ю. Роль Русской Православной Церкви в политике России в Дагестане во второй половине XVIII – начале XX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала. 2008; Наскидаева Е.Х. Конфессиональная политика России в горских обществах Центрального Кавказа (вторая половина XVIII – начала XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ. 2011; Савенко Е.А. История восстановления христианства в центральных районах Северного Кавказа в 1742-1917 гг. (идеи, практика, результаты). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Краснодар. 2013. и др.

19. Гедео́н, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Пятигорск-Москва. 1992.

ках существования христианства в среде местного населения в эпоху средневековья, выявлены сведения о попытках воссоздания христианства со стороны Русской и Грузинской православных церквей во второй половине XVI-XVII вв., исследованы вопросы организации и деятельности Осетинской Духовной комиссии, Общества восстановления православного христианства на Кавказе, прослежены судьбы представителей духовенства, связанных с миссионерской деятельностью.

Историографических исследований по рассматриваемой теме очень мало. Отметим работу М.Ю. Горожанина, посвященную изучению истории Православной Церкви на Северном Кавказе и совместный труд Е.А. Савенко и С.Н. Савенко «Вопросы историографии православного христианства на Северном Кавказе в середине XVIII – начале XX в.», в котором рассматриваются основные этапы истории изучения и историография «восстановления» христианства на Северном Кавказе в середине XVIII – начале XX вв., приведена библиография по теме<sup>20</sup>.

Оценивая современный этап изучения истории миссионерской деятельности РЦП и такого ее направления как «восстановление христианства» на Северном Кавказе во второй половине XVIII – начале XX вв., нужно отметить, что в большинстве работ деятельность по восстановлению православия в регионе рассматривается в общем, без акцентов на специфику в разные исторические периоды. Основное внимание авторы уделяют политическому

---

20. Горожанин М.Ю. Изучение истории Православной Церкви на Северном Кавказе: основные этапы и их специфика // Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа. Материалы IV Свято-Игнатьевских чтений. г. Ставрополь, 11-12 мая 2011 г. Вып. II. Ставрополь: Издательский центр СтГДС. 2012. С. 88-104; Савенко Е.А., Савенко С.Н. Вопросы историографии православного христианства на Северном Кавказе в середине XVIII – начале XX в. Ставрополь: Графа. 2013.

и административному аспекту, по-прежнему в поле зрения исследователей – развитие письменности и духовного образования местных народов, менее исследуются культурные аспекты, в частности, идеи, проекты и формы «восстановления христианства», историко-культурный потенциал миссионерства и его результаты.

На повестке дня стоят и исследования религиозной политики в регионе в дореволюционный период. К результативности религиозной политики Российского государства на Северном Кавказе следует подходить комплексно, рассматривая ее в широком контексте. Ведь она была тесным образом связана с другими направлениями внутренней политики, в первую очередь, с социально-экономическим. При таком подходе выявляются противоречивые, неоднозначные итоги и последствия, в том числе и «восстановления христианства». Вообще в плане достижения главной цели – христианизации следует говорить не столько о количественных показателях, сколько о социокультурных последствиях. Смена религиозной идентичности влекла за собой новую культурную идентичность, что в ряде случаев вызывало ситуацию раскола. Необходимо изучать опыт осуществления религиозной политики государства в одном из самых полиэтничных и поликонфессиональных регионов России. На определённых исторических этапах он был эффективен, а продуктивность политики была тем выше, чем дальше она смещалась от нетерпимости в сторону уважительного отношения ко всем конфессиям. Это создавало благоприятную почву для межэтнического, межконфессионального и межкультурного диалога.

## **К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ОБЩЕСТВА НА КАВКАЗЕ В XIX В.**

В 1856 г. на Кавказе произошло судьбоносное кадровое изменение: вместо генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева-Карского, который руководил русскими войсками на Кавказском театре военных действий в ходе тяжелой Крымской войны и смог добиться успеха в столкновении с турками, новым командующим Кавказским корпусом и наместником был назначен князь А.И. Барятинский, который имел богатый опыт службы на Кавказе и участия в Кавказской войне, в первую очередь, в боевых действиях против имамата Шамиля.

Князь Барятинский пришел на Кавказ со своей программой деятельности как на военном, так и на гражданском поприще. В Кавказском корпусе, вскоре переименованном в армию, были осуществлены серьезные преобразования в системе управления и комплектовании, улучшено техническое оснащение русских частей и осуществлен полный перевод отборных подразделений на нарезное оружие. В результате этого на Северо-Восточном Кавказе была успешно проведена полномасштабная военная операция, приведшая в 1859 г. к ликвидации имамата и пленению имама Шамиля в ауле Гуниб.

Несмотря на интенсивные военные действия, Барятинский одновременно развил кипучую деятельность на гражданском поприще, тем более, что многое в этом направлении было начато его выдающимся предшественником светлейшим князем М.С. Воронцовым.

Князь Барятинский выступал сторонником смягчения правительственной политики в отношении как иностранных, так и российских поселенцев различных вероисповеданий в регионе. Наместник считал это необходимым в деле расширения русской колонизации Кавказа, настаивая на снятии всяческих сословных и конфессиональных ограничений по переселению. Одновременно наместник предлагал усилить деятельность по обращению переселенцев в православие<sup>1</sup>. Для этой деятельности, в числе прочих, было задумано и в дальнейшем создано по инициативе наместника «Общество восстановления православного христианства на Кавказе», ставшее крупнейшим православным обществом в регионе (превратившись со временем в связующее звено между российской администрацией на Кавказе и Церковью и одновременно показав себя серьезным инструментом поддержки ее деятельности на территории наместничества).

Барятинский считал важным направлением своей политики именно восстановление позиций христианства в подчиненном ему регионе, которое, по его мнению, представляется одним из основных средств в продолжавшемся процессе умиротворения Северного Кавказа. Необходимые консультации по данной теме он смог получить у епископа Кавказского и Черноморского, знаменитого святителя Игнатия (Брянчанинова). В 1857 г. князь написал специаль-

---

1. АКАК. Т. 12. С. 12-13, 16, 552-562.

ную записку «О положении христианской веры между горными племенами Кавказа и о пользе учреждения особого братства для восстановления православия между сими племенами» и отправил ее в Санкт-Петербург.

\* \* \*

Записка князя А.И. Барятинского не является первым подобным проектом. Впервые в XIX столетии аналогичную идею сформулировал А.П. Ермолов. Находясь под впечатлением неоднозначных результатов функционирования Осетинской духовной комиссии (ОДК) и действий отдельных священнослужителей, печальных последствий бесконтрольной работы среди горцев как православных священников, так и иностранных миссионеров, Ермолов пришел к выводу о необходимости упорядочения подобной деятельности в регионе. Особенный вред делу умиротворения Кавказа и распространения христианской веры, по его мнению, нанесли действия европейских миссионеров, за высылку которых он так ратовал. А.П. Ермолов, в частности, писал: «Неоспоримо, что введение христианской религии между горцами могло бы умягчить суровость сих полудиких народов и сделать их к нравственному образованию более доступными; но дабы переворот сей и в политическом отношении в полной мере был полезен для России, необходимо также, чтобы вместе с тем как понятия народов сих, так и самые обычаи их и нравы сближены были с нашими, но сего едва ли можно достигнуть посредством миссионеров иностранных и иноверных»<sup>2</sup>. Он также отмечал, что «вызывая для распространения в областях наших христианства проповедников иностранных, мы сознаемся перед лицом всей Европы

---

2. Там же. Т. 6. Ч. 1. С. 480.

или в недостатке способов наших, или в неспособности к проповедованию слова Божия нашего духовенства. По всем сим соображениям я полагал бы полезнейшим не допуская в здешние страны миссионеров иностранных, образовать особое общество для проповедования Греко-Российской веры из почтеннейших и просвещенных духовных особ наших, подчинив оному и существующую ныне осетинскую духовную комиссию»<sup>3</sup>. Предложение А.П. Ермолова было доложено императору Николаю I, который одобрил его и приказал после должного обсуждения привести в исполнение. Однако в ходе обсуждения выяснилось, что многие выступали против подобного общества, в создании которого не видели необходимости. Указывалось, что содержание ОДК при ее крайне скромных успехах в деле обращения горцев в христианскую веру уже заставляло казну расходовать значительные денежные средства. Для улучшения миссионерской деятельности предполагалась реализация таких мер, как тщательный отбор и искусное использование миссионеров, строгий контроль за ними и их деятельностью, снабжение их церковными книгами, налаживание контактов с горскими старшинами и кроткое обращение с самими горцами, а также постройка новых церквей<sup>4</sup>.

Главноуправляющий на Кавказе граф И.Ф. Паскевич доложил об итогах обсуждения в Санкт-Петербург, считая, что настало время для реализации предложения А.П. Ермолова. Озабоченный непростой ситуацией в регионе, император подписал 13 апреля 1829 г. указ «Об учреждении Общества из духовных особ для проповедования греко-римской

---

3. Там же.

4. Савенко Е.А. К вопросу об учреждении «Общества из духовных особ для проповедования Греко-Российской веры на Кавказе» // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 11. 2011. С. 58.

веры на Кавказе», данный Синоду<sup>5</sup>. Новоиспеченное общество должно было состоять «под председательством и главным управлением Экзарха Грузии» и контролировать деятельность ОДК, в составе которой должны были остаться только «действительные проповедники, или миссионеры»<sup>6</sup>. Согласно указу, именно общество брало на себя координацию деятельности как всей ОДК, так и отдельных проповедников.

Логичным дополнением к вышеприведенному указу стал следующий, данный Комиссии духовных училищ под названием «О мерах для распространения Греко-российской веры на Кавказе» (от того же числа)<sup>7</sup>. Согласно ему, предполагалось обратить особое внимание на подготовку самих проповедников, для чего следовало внести изменения в учебные курсы Тифлисской семинарии и духовных училищ, где «поставить в непрременную обязанность преподавание языков, Горцами употребляемых»<sup>8</sup>. Кроме того, при семинарии было запланировано создание особого подготовительного класса для миссионеров, которых решили готовить из представителей местного населения, поэтому и намеревались сделать набор из горцев (с полным казенным содержанием). Причем задумывалось набрать по несколько десятков горцев как в семинарию, так и в уездные училища. Показателен и пятый пункт указа: «Для первоначального грамоте и закону Божию учения, учредить, согласно мнению покойного Экзарха Митрополита Феофилакты, приходские училища при церквях, устроенных между самими Горцами, но в местах елико возмож-

---

5. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание 2-е. СПб. 1830. Т. 4 (1829). № 2817. С. 245-246.

6. Там же.

7. Там же. № 2818. С. 246-247.

8. Там же. С. 246.

но менее опасных. В сих Училищах преподавание Русского языка, равного как и отечественного, для Горцев необходимо. Учителями может быть местное Духовенство»<sup>9</sup>. Для стимулирования подобной преподавательской деятельности предполагалось, что жалование священникам будет назначаться, исходя из количества их учеников.

Организовать работу утвержденного общества и деятельность ОДК на новых началах не удалось как в связи с трудоемкостью подготовки, так и из-за ухудшения военно-политической ситуации на Северном Кавказе. Тогда же произошла смена и в руководстве российской администрации на Кавказе, и в экзархате. В 1831 г. И.Ф. Паскевича заменил барон Г.В. Розен, а в 1832 г. новым экзархом Грузии был поставлен архиепископ Моисей (Богданов-Платонов). Последнему Синод поручил завершить создание окончательного варианта устройства и деятельности миссионерского общества на Кавказе. Созданное под руководством архиепископа «Положение» включало 184 параграфа и охватывало различные стороны предполагаемой деятельности общества. Приступить к реализации положения владыка Моисей не успел, так как в 1834 г. скоропостижно скончался в Тифлисе.

Новым экзархом стал архиепископ Евгений (Баженов), который в числе прочих дел получил в наследство и вопрос с организацией общества. Он тщательно подошел к «начертанию правил об устройстве Миссионерского Общества для распространения Греко-русской веры на Кавказе» и фактически представил отдельный доклад<sup>10</sup>, где, помимо анализа более ранних предложений своего предшественника и деятельности ОДК в XVIII – первой четверти XIX вв., изложил целостную программу мероприя-

---

9. Там же.

10. АКАК. Т. 8. С. 247-260.

тий по активизации миссионерской работы в рамках деятельности создаваемого Общества. В ходе написания своего доклада архиепископ Евгений поставил три основные задачи: первое внимание обратить на исторический ход действий прежних проповедников и духовных комиссий; понять истинные причины неуспешного распространения христианства на Кавказе; изыскать лучшие средства для деятельности Общества.

Анализируя предыдущий опыт, архиепископ Евгений выделил несколько негативных моментов. Во-первых, проповедники, воспользовавшись отсутствием должного контроля со стороны правительства, злоупотребляли доверием и «пеклись о умножении достояния своего и, страшась лишений и опасностей, почти не оставляли Кизляра, не стараясь сблизиться с народами, между которыми должны были проповедовать слово Божие»<sup>11</sup>. Все это происходило по следующим причинам: «отдаленное же расстояние от главных духовных начальств, трудность сообщений и вообще малоизвестность в тогдашнее время оною края и истинного состояния и течения дел», плюс к этому архиепископ особенно подчеркивал, что отсутствие «строгого надзора» за проповедниками поддерживало «в них законно-преступные виды и нерадение к великой обязанности, на них возложенной»<sup>12</sup>. Во-вторых, негативным моментом являлось малое количество обращенных. В-третьих, имелись ошибки в самом проповедовании: нищему народу комиссия проповедовала свободу и неповиновение властям, законами утвержденными, а также и уничтожение платежа податей в пользу правительства, для тех, кои примут христианство»<sup>13</sup>. Следова-

---

11. Там же. С. 248.

12. Там же.

13. Там же.

тельно, выбранный «способ распространения слова Божия, не говоря уже о противозаконности его, никогда не мог быть верным средством к утверждению в сердцах обращенных истинных понятий о религии; ибо впечатления на умы их мыслью личной выгоды несомненно прельщали их». В-четвертых, относительная неудача комиссии связана и с крайне малым ареалом ее деятельности: «действия Комиссии никак не распространялись далее нескольких ущельев Карталинии и близ Владикавказа лежащих, населенными разными племенами осетин, совершенно не касаясь многих племен далее в горах, к востоку и к западу от Военно-Грузинской дороги живущих, а также по северной покатости оных». Вывод архиепископа был очевиден: ОДК «под управлением архиеп. Досифея не только несколько уклонилась, но, совершенно отдаляясь от предназначенной ей цели, не принесла никакой пользы, но более повредила и последующему ложностью и противозаконностью посеянных мнений, не смотря на 12,500 душ, которые будто бы обращены оной»<sup>14</sup>. Архиепископ Евгений поставил под сомнение и итоговую цифру всех крещенных (в продолжение 17 лет – около 60 тыс. душ), отметив, что в период «с 1823 года по 1830 успехов Комиссии почти не видно».

В связи с таким печальным опытом «первой обязанностью просветителей, как настоящих, так и предполагаемых впредь, есть утверждение уже обращенных к истинной религии, а не одно определение числом принявших крещение, дабы, истинно исповедуя оную, они могли быть примером и соседям и детям своим, и тем дать своим миссионерам более средств и возможности к достижению цели их». Еще один негативный момент, на который обратил внима-

---

14. Там же.

ние владыка, — это отсутствие должного понимания и четкого взаимодействия с гражданскими властями. Переходя к рассмотрению третьей задачи, архиепископ Евгений выделил восемь ключевых направлений работы по созданию и развитию Общества:

«1) Выбор миссионеров, образование и приготовление их.

2) Исследование средств, которыми могут они наиболее действовать на мало развитые и предрассудками искаженные понятия горцев.

3) Внимательное наблюдение за образом жизни и преподаванием учения миссионерами.

4) Недопущение введения других исповеданий, кроме господствующего в Империи.

5) Определение сношений духовной власти с гражданской для успешнейшего действия Общества.

6) Средства к большему сближению горцев с русскими.

7) Достоверное изложение настоящего возможно известного состояния горских народов

и, наконец,

8) Изыскание возможно лучших мер к удобнейшему составу предполагаемого Общества миссионеров и влиянию оною на все народы, Кавказ населяющие»<sup>15</sup>. Среди всех главным приоритетом, по его мнению, являлся правильный выбор миссионеров. «Лица, назначенные в миссионеры, рассматривая их и со стороны политической, и со стороны нравственной, должны быть избираемы из природных Русских, воспитанных в отечественных духовных заведениях и университетах»<sup>16</sup>, — подчеркивал архиепископ. Этот выбор содержал в себе и существенную политическую составляющую, поскольку «народы сии, считающиеся под властью России, до сего времени весьма мало

---

15. Там же. С. 253.

16. Там же.

покорны правительству, и, следовательно, озарение их религиею должно сблизить их с Россиею». Следовательно, «надобно, чтобы с понятиями о религии они получали истинные понятия о государстве, с которым они сближаются и коего часть должны составить, чтобы простыми историческими рассказами и примерами они удостоверились в истинном величии России и приучились уважать ее»<sup>17</sup>.

В ходе обучения, по мысли владыки Евгения, будущие миссионеры должны получить познания как по отечественной истории, так и по истории края, общей медицине (в особенности, в хирургии<sup>18</sup>), и, наконец, знания местных языков и наречий.

Для получения результата он считал важным выбирать миссионеров из «русских молодых людей, приготавливающих себя к духовному званию в разных отечественных заведениях», которые согласятся на трудный и опасный путь проповедования в горах, после чего отправить их в Тифлис в распоряжение руководства общества, для специализированной, окончательной подготовки с изучением одного из местных языков<sup>19</sup>. Кроме русских, он признавал возможным привлечение и грузинских молодых людей в духовном звании, но «только тех, кто получают достаточное образование в русских заведениях, будут совершенно знать русский язык и, наконец, долговременным пребыванием в России примут образ мысли и образ жизни, ей собственно принадлежащие», плюс к этому, и «небольшое число воспитанников Тифлисской семинарии»<sup>20</sup>.

---

17. Там же.

18. Архиепископ подчеркивал, что проповедники «помогая страждущим недугами, могли приобрести расположение и доверенность горцев, которые до того времени имеют высочайшее уважение к людям, одаренным способностью исцелять болезни телесные» (Там же. С. 254).

19. Там же. Из светских учебных заведений он выделял Казанский университет, где «наиболее удобно образовывать юношей для звания миссионеров...».

20. Там же.

Помимо правильного выбора, по мысли владыки Евгения, необходим постоянный контроль за избранными, «для чего Общество неотменно должно удаленных от всегдашнего надзора его проповедников, живущих одиноко без особенного наблюдения и для сего, смотря по удобствам времени и обстоятельствам, посылать довереннейших из себя для проверки на самых местах образа жизни проповедников, узнания степени влияния их на просвещаемый народ и уважения, которое они приобрести успели»<sup>21</sup>.

Следующим важным моментом, по мнению архиепископа Евгения, являлось налаживание плотного взаимодействия и понимания между гражданскими и духовными властями. Гражданская власть должна всячески способствовать и помогать как духовной власти в регионе, так и деятельности самого Общества. Они, в свою очередь, должны согласовывать собственные действия с администрацией, выполняя ее предписания и отталкиваясь от ее предостережений.

Помимо этого, архиепископ Евгений считал необходимым прекратить распространение в регионе других христианских вероисповеданий, «кроме господствующего в Империи»<sup>22</sup>. В данном случае, он ссылался на авторитетное мнение А.П. Ермолова о негативных для русской власти последствиях пребывания иностранных миссионеров. Поэтому, по словам архиепископа, «к предположениям об учреждении Общества необходимо отнести должно и меры к совершенному прекращению действий проповедников Шотландских у северной подошвы гор Кавказских, так равно и членов Базельского Евангелического Общества, поселившихся в Карабаге»<sup>23</sup>.

---

21. Там же. С. 255.

22. Там же. С. 256.

23. Там же.

Единомыслие и тесное взаимодействие властей крайне важно в свете того, что вся миссионерская деятельность должна была направляться и контролироваться экзархом Грузии как единственным главою общества. В связи с этим Главный Совет Миссионерского общества тоже должен располагаться в Тифлисе, который, по мысли Евгения, «и будет главным соединительным пунктом всех ветвей оно́го». Однако архиепископ подчеркивал, что Тифлис «по географическому положению не может назваться центром действий его (общества – В.М.)», так как ареал деятельности находится вдали от центральной Грузии. По этой причине и с целью повышения эффективности работы миссионеров предполагалось разделить его на несколько самостоятельно действующих отделений для охвата необходимых местностей – Осетии, Мингрелии, Абхазии, «на северной покатости Кавказа, в Кизляре или Моздоке, в Пятигорске и в Усть-Лабе, или одной из крепостей, лежащих по р. Кубани», плюс к этому, вероятно, на перспективу, еще и в Закавказских мусульманских провинциях<sup>24</sup>.

Архиепископ Евгений особо выделил вопрос о тех средствах, которые способствуют «к наибольшему сближению горцев с русскими», подчеркивая, что они «большою частью лежат на обязанности власти гражданской, и успех оных есть немаловажная польза и для самого Общества миссионеров». Тем не менее, он обозначил средства, «заслуживающие особенного внимания и долженствующие быть приведенными в исполнение совокупными усилиями властей духовной и военно-гражданской...»: «...учреждение училищ для образования горцев; установление письмен для господствующих в горах наречий и, наконец, перевод на оный, как необходимый для христианина,

---

24. Там же. С. 259.

книг церковных, так и равно и кратких удобопонятных исторических рассказов, в особенности о России, и других начальных полезных сведений»<sup>25</sup>.

Все предложения владыки Евгения по организации Общества и его дальнейшей работе так и не были реализованы, несмотря на полную поддержку Петербурга, из-за серьезного изменения обстановки на Северном Кавказе и активизации военных действий после прихода к власти Шамиля. Регион окончательно стал неуправляемым, российская администрация потеряла контроль над многими территориями, вошедшими в Имамат Шамиля, и не могла заниматься миссионерским обществом, идея создания которого на время отошла на второй план. Понятно, что в условиях Кавказской войны любое миссионерское подвижничество представлялось крайне затруднительным и опасным занятием.

Тем не менее, вопрос о создании миссионерского общества на Кавказе продолжал оставаться на повестке дня, к нему возвращались и в 1840-е гг., и в 1850-е гг. Например, в середине 1840-х гг. ему посвятил свой проект титулярный советник А.А. Бегичев<sup>26</sup>. В текущий момент, по его словам, мусульманская «вера горцев есть единственный камень преткновения, который мешает успехам нашим на Кавказе; следовательно на этот пункт должно обратить величайшее внимание, все средства и всю деятельность, потому что предмет этот был и есть для России предметом политической важности»<sup>27</sup>. В свою очередь, христианизация являлась одним из основных способов вовлечения горцев Северного Кавказа в общую

---

25. Там же. С. 258-259.

26. Документ носил следующее название: «Проект о введении христианской веры на Кавказе между некоторыми горскими народами». Его полный текст см.: Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб. 2005. С. 392-406.

27. Там же. С. 394.

политическую и социокультурную жизнь империи. Бегичев подчеркивал, что нельзя «отказать христианской вере в том высоком, благотворном влиянии, какое она имеет на политическую жизнь, прочность и могущество государства, как единая нравственная основа и могучая скрепа, дающая совет народу и мудрость правительству и растворяющая кротостью и милосердием, повиновением и усердием их взаимные отношения»<sup>28</sup>. По его мнению, речь могла идти о введении христианской веры только «между некоторыми горскими народами», в первую очередь, в связи с наличием ее прежних серьезных позиций среди отдельных народов в древности и средние века. Более того, он настаивал на том, что христианство имело свои древние корни на Кавказе, что позволяло приблизить хотя бы «наполовину успех нашего религиозного предприятия»<sup>29</sup>. Таким образом, в отличие от того же архиепископа Евгения, А.А. Бегичев настаивал именно на восстановлении ранее утраченных позиций христианской веры.

Для введения христианской веры на Кавказе Бегичев считал важным учредить общество миссионеров с особым уставом и правилами, которое важно составить «с особенною разборчивостью из людей способных, нравственных и ревностных к этому делу»<sup>30</sup>. Структура общества должна была быть проста и состоять из совета и канцелярии, «как для принятия всех высших распоряжений правительства и приведения их в исполнение, так и для внутреннего устройства общества: назначение мест и лиц для проповеди, водворение священнослужителей у горцев, принявших христианскую веру, наблюдение и попе-

---

28. Там же. С. 392-393.

29. В качестве доказательств он предлагал обратиться «к древним памятникам, развалинам церквей и к остаткам христианства, сохранившимся в народных обычаях Кавказа» (Там же. С. 394).

30. Там же. С. 401.

чение об них, и, наконец, управление частями: правительственной, финансовою, хозяйственною и учебною»<sup>31</sup>. Миссионеры подчинялись совету, куда обязаны были отправлять все донесения и требования (в важных случаях совет должен был принимать решения «с разрешения высшего правительства»).

Кроме того, под контролем общества должна быть основана семинария для должной подготовки миссионеров (духовное образование, по мысли А.А. Бегичева, следовало объединить с изучением языков – «греческого, славянского, русского и тех горских наречий, где, по плану правительства, намереваются воскресить христианство»), а также библиотека, музей и школа. По его словам, особого внимания требовала, конечно же, школа, где «миссионеры будут воспитывать мальчиков из горцев ... религиозно-нравственное направление и изучение русского языка должно быть главным основанием их образования»<sup>32</sup>.

По мнению Бегичева, необходимо отказаться от прямолинейной деятельности по крещению горцев и перейти к более мягкой, вдумчивой работе: «... проповедники, сначала под видом путешественников, посещая назначенные им участки, чрез куначество и подарки, должны войти в самые дружественные связи с некоторыми из старшин и уважаемых горцев», затем обсудить с ними христианские обряды и «прочие остатки христианства», «объяснить им их значение... потом уже впоследствии рассказать им и самую историю этих обрядов»<sup>33</sup>. Таким образом, акцентировалось внимание именно на давности пребывания христианства на Кавказе: «в доказательство указать им на древние развалины церквей, у которых они

---

31. Там же.

32. Там же. С. 402.

33. Там же.

клянутся и которые так много почитают»<sup>34</sup>. Именно в ходе подобной деятельности, по мнению А.А. Бегичева, «нет никакого сомнения, что беседы такого рода – дружественные, без всякого насилия, заставят горцев призадуматься, и вследствие этой думы, вероятно, может возродиться искреннее желание снова принять веру отцов своих и, следовательно, веру христианскую»<sup>35</sup>.

Однако все проекты создания миссионерского общества на Кавказе в 1820-40-е гг. не были реализованы. Как с сожалением писал А.Л. Зиссерман, «вопрос о поддержании и восстановлении христианства в горах, в течении четверти века (со времен Ермолова – *В.М.*), не подвинулся ни на шаг, не взирая даже на некоторые частные попытки сделать что-нибудь помимо Осетинской комиссии»<sup>36</sup>.

\* \* \*

Во второй половине 1850-х гг. к идее создания миссионерского общества на Кавказе вернулся наместник князь А.И. Барятинский. Напомним, что в 1857 г. он составил специальную докладную записку и отправил ее в Санкт-Петербург. Князь сразу акцентировал внимание на древних корнях христианства на Кавказе, о чем заявил уже в преамбуле: «несколько веков тому назад значительная часть кавказских горцев, ныне заклятых врагов христианства, была озарена светом истинной веры. Кроме племен, зарывшихся от века в самой недосыгаемой глубине Кавказского хребта, недоступных никогда никакому влиянию, все

34. Там же. С. 403.

35. Там же.

36. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. М. 1891. Т. 3. С. 101. В подстраничном комментарии известный кавказский чиновник еще более жестко и откровенно писал о причинах подобного длительного бездействия властей. «Все подобные представления носили характер канцелярской переписки, а не горячего убеждения. Когда раздалось последнее от князя Барятинского, явились и внимание, и средства», подчеркнул Зиссерман (Там же. С. 111).

прочие горцы, соприкасавшиеся с равниной, слышали евангельскую проповедь и следовали ей в течение долгих годов. Абхазцы, сванеты, осетины, южные лезгины, кистины, кабардинцы, многие чеченские общества, большая часть адыгов были когда-то христианами. До сих пор еще по самым глухим ущельям Кавказа рассеяно множество мест, которые горцы окружают благоговейным почтением, необъяснимым для них самих; в смутном понятии жителей о святости таких мест всегда мерцает какой-нибудь след христианского предания. Но, кроме преданий, в горах сохранились вещественные остатки угасшей веры...»<sup>37</sup>. Затем на место христианства пришел ислам, который «гораздо понятнее дикарю».

Поэтому для умиротворения нужно восстанавливать христианство, которое благоприятно повлияет на местное население и прочнее свяжет его с Россией. Для этого, по словам Барятинского, необходимо осознать «хотя бы с одной политической стороны, важность восстановления в горах христианства и совершить необходимое для того пожертвование: возобновить церкви; приготовить священников, знающих горские наречия, поставив их в почетное положение между народом; перевести на туземные языки Священное писание, и главное, заботиться о том, чтобы христианство было в горах покровительствуемой, а не угнетаемой верой»<sup>38</sup>.

Необходимость этих действий связана с тем, что враждебная России идеология мюридизма основывалась именно на исламе, который и нужно вытеснить из гор другой религией. Барятинский считал возмож-

---

37. По предположениям наместника Кавказского князя А.И. Барятинского об учреждении Общества восстановления православия на Кавказе // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб. 2005. С. 409.

38. Там же. С. 410-411.

ным выдавить мусульманство с помощью активных миссионерских действий христианских проповедников при серьезной государственной поддержке. Это ликвидировало бы базу для возможных в будущем антироссийских выступлений, снизив роль и влияние мусульманского духовенства.

Наместник писал, что «для восстановления христианства ... нужно иметь хороших проповедников и достаточные суммы, для того, чтобы устроить местную церковь в том виде, как она должна быть. При значительных средствах можно завести училища для образования проповедников, дать местной иерархии безбедное содержание, при котором ее можно пополнять достойными и приготовленными для своего дела пастырями, окружить христианское богослужение достаточным величием, по крайней мере, достаточную благопристойностью, чтобы оно внушало уважение полудиким горцам»<sup>39</sup>.

Для достижения поставленных задач Бярятинский считал, что «союз частных лиц должен способствовать правительству в этом деле и основать братство, с целью поддерживать и распространять христианство между кавказскими племенами». Он хотел учредить общественную организацию наподобие рыцарских средневековых братств и для этой цели предлагал следующее:

1) Назвать организацию Братством Воздвижения Святого Креста.

2) Председателем общества сделать наместника, а вице-председателем – экзарха Грузии. Под их руководством должно было быть создано главное управление, которое занималось бы всеми финансовыми вопросами и представляло ежегодный отчет верховному покровителю братства.

---

39. Там же. С. 413.

3) Покровителем братства для большего доверия к организации должен стать член Российского Императорского Дома.

4) Общество должно быть открыто для представителей разных сословий, согласных вносить ежегодно установленную сумму на различные мероприятия, направленные на улучшение положения христианства в горах.

5) Для членов организации учреждался орден в трех степенях, «соответственно определенной для каждой степени сумме ежегодного взноса», при этом фиксировалась лишь минимальная сумма для каждой из степеней.

6) Кроме взносов, в доход братства должны пойти средства от подписки, которую следовало открыть по всей России<sup>40</sup>.

По мнению наместника, именно Главное управление должно было заняться учреждением особых классов при семинариях в разных городах для образования священников, предназначенных для службы в горах (сосредоточив основное внимание на изучении местных языков), сооружением и содержанием церквей, созданием школ при церквях и монастырях для получения детьми горцев христианского русского воспитания и переводом священных книг на кавказские языки и наречия<sup>41</sup>.

В отличие от предыдущих проектов, в своей записке кавказский наместник не просто предлагал ряд мер, но и решил подкрепить их общероссийской поддержкой в виде подписки и взносов (а также покровительством члена Российского императорского дома). Непосредственное же руководство возлагалось на самого наместника, как руководителя всей

---

40. Там же. С. 413-414.

41. Там же. С. 414.

гражданской администрации региона, при полном взаимодействии с экзархом, что позволяло оперативно проводить в жизнь принятые решения совместными усилиями светской и духовной власти (этого взаимодействия также не хватало ранее).

Император Александр II по поводу полученной записки высказал свое мнение в письме к князю от 22 ноября 1857 г.: «Я с большим вниманием прочел записку, переданную Милютиным, по поводу христианского миссионерства, и не премину очень серьезно заняться этим важным вопросом. Что касается организации братства наподобие рыцарского ордена, мне кажется, что это не в наших обычаях. Я думаю, что мы сможем достигнуть тех же результатов, привлекая внимание общества к этому вопросу, который оно совершенно игнорирует, и поощряя усердие нашего духовенства». В конце письма он заверил своего собеседника в том, что «все это будет обсуждаться в Кавказском комитете»<sup>42</sup>.

В декабре 1857 г. Кавказский Комитет, приняв во внимание, что «положение христианской веры в горах Кавказа находится на такой жалкой степени, что правительство должно немедленно изыскать и указать способы для распространения христианства между кавказскими горцами», «признал полезным учредить в Петербурге особое общество для поддержания Православия в кавказских горах»<sup>43</sup> и поручил предложившему лицу составить проект устава.

Одновременно Кавказский Комитет отправил копию записки наместника в Синод. В феврале 1858 г. оттуда пришло отношение обер-прокурора на имя

---

42. Письма императора Александра II к князю Барятинскому (Публ. В.М. Муханова и Г.М. Запальского) // Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М. 2007. С. 245.

43. Платонов А.И. Обзор деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1860-1910 гг. Тифлис. 1910. С. 99. За основу предлагалось взять структуры таких известных частных обществ, как Вольное Экономическое и Географическое.

управляющего Кавказским комитетом В.П. Буткова с поддержкой этого начинания. Там, в частности, подчеркивалось, что «Св. Синод с особенным вниманием выслушал ... предложение Кавказского Комитета об учреждении Общества», и хотя «по совершенной ограниченности средств, состоящих в его ведении и распоряжении», «не может уделить и определить денежного пособия на устройство православных церквей в кавказских горах», но «не оставит призвать в свое время православное духовенство к добровольным на означенный предмет пожертвованиям»<sup>44</sup>.

Осенью 1858 г. князь Барятинский прислал в Санкт-Петербург проекты устава и воззвания к участию в обществе. Одним из важных изменений, по сравнению с первоначальным проектом, стал перенос места расположения главного управления из Санкт-Петербурга в Тифлис. Наместник объяснял это так: «перенесение этого управления в С.-Петербург имело бы величайшие неудобства, разделяя на огромное пространство высшее направление действий Общества от самого места этих действий. Такое разделение неминуемо произвело бы, прежде всего, медленность в делах, потом огромную и бесполезную переписку и, наконец, множество недоумений и затруднений в практическом отношении. Напротив, учреждением управления делами Общества в Тифлисе, поставленном среди кавказских племен, правительство избегнет всех этих неудобств и даст действиям общества сосредоточенность, быстроту и практическую применимость»<sup>45</sup>.

Другим дополнением-изменением явилось предложение А.И. Барятинского в связи с традиционным недостатком денежных средств создать для членов

---

44. Платонов А.И. Указ. соч. С. 100.

45. Зиссерман А.Л. Указ. соч. С. 117.

Общества особый знак (стимулирующего характера и одновременно фиксирующего вклад каждого) «наподобие тех, кои установлены для высших ученых степеней по духовному ведомству, с разделением его на 4 разряда, сообразно различному количеству ежегодных взносов»<sup>46</sup>.

К обсуждению уставных документов и всего проекта были привлечены высшие иерархи Русской Православной Церкви – митрополит Московский Филарет, митрополит Новгородский и Санкт-петербургский Исидор, экзарх Грузии Евсевий<sup>47</sup>, а также обер-прокурор Синода граф А.П. Толстой и главноуправляющий Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии граф Д.Н. Блудов.

Митрополит Филарет прислал особое мнение с несколькими вопросами и замечаниями. Главным замечанием, переходившим в своеобразный вопрос, был следующий: зачем выделять Кавказ, если аналогичная деятельность нужна и в Сибири, и в Китае. Поэтому он задавался логичным вопросом о необходимости основания в одном государстве и при одной Церкви сразу двух обособленных обществ. По его мнению, они противоречили бы единству самой Русской Православной Церкви, а, кроме того, это могло привести к ненужному распылению сил и гораздо большим расходам. Во-вторых, он подверг критике концентрацию всех полномочий в руках «высокого светского сановника» и настаивал, «что, когда Общество имеет предметом дело, по Божественному установлению, принадлежащее церковной иерархии, то председателем или первенствующим членом такого Общества прилично быть члену иерархии»<sup>48</sup>.

46. Там же. С. 118.

47. Занимал этот пост с 1858 по 1877 гг.

48. Зиссерман А.Л. Указ. соч. С. 123.

Мнение Филарета было передано для рассмотрения графу Д.Н. Блудову, который добавил к нему собственные замечания по проекту кавказского наместника. Во-первых, глава Второго отделения поддержал мысль Филарета о расширении деятельности подобного общества «не только на Кавказе, а во всех частях империи, с тем разумеется, чтобы одним, по всей вероятности главным, и без сомнения первым одного отделением, было Кавказское». Во-вторых, он выступил против особого статусного знака. В-третьих, он охарактеризовал как тактическую ошибку объявление об учреждении общества для опыта только на три года, отмечая, что это заставит усомниться в серьезном интересе правительства к данному проекту и значительно снизит внимание и материальную поддержку ему<sup>49</sup>.

Осенью 1859 г. замечания обоих вышеупомянутых экспертов были направлены А.И. Бярятинскому для ознакомления и ответной реакции. Последний, ссылаясь на авторитетное мнение митрополита Исидора и экзарха Грузии Евсевия, продолжил настаивать на прежнем названии с употреблением слова «восстановление»<sup>50</sup>. Также наместник, не вступая в обсуждение образования единого российского общества распространения православного христианства, которое бы действовало по разным направлениям и в разных окраинах империи, решил ограничиться потребностями вверенного ему региона. Князь повторил, что братство «необходимо для полного умиротворения Кавказа и составляет прямую и неотложную обязанность государства. Ни в отношении Си-

---

49. Там же. С. 125-126.

50. Как подчеркивал А.Л. Зиссерман, «такое наименование признано было прежде всего вполне соответствующим самой сущности дела» (Там же. С. 128).

бири, ни в отношении к Китаю ничего подобного не существует»<sup>51</sup>.

Наместник отмечал, что в случае принятия его варианта проекта размещение штаб-квартиры общества в Санкт-Петербурге контрпродуктивно: «Напротив, учреждением управления делами Общества в Тифлисе, поставленном среди кавказских племен, правительство избегнет всех этих неудобств и даст действиям Общества сосредоточенность, быстроту и практическую применимость»<sup>52</sup>.

Также он отверг претензии на полный контроль Церкви над деятельностью общества. Защищая, в первую очередь, свои полномочия, князь Барятинский настаивал, что «если деятельность Общества будет ограничена пределами Кавказа, в таком случае предоставление высшего направления действий Общества правителю края, наместнику Кавказскому, представляется делом основательным и справедливым»<sup>53</sup>. В связи с этим изъятие наместника из руководящего состава братства ошибочно и даже вредно для нормальной работы в регионе.

Барятинский встал на защиту особого знака Общества и, главное, его деления на четыре степени. Знак, по его мысли, составлял «краеугольный камень настоящего дела». «Единственно этим только способом можно, по его убеждению, образовать постоянные и достаточные средства...»<sup>54</sup>. Деление на различные степени было особенно важно для охвата большей аудитории, то есть привлечения самой широкой публики разного уровня достатка: «Разделение же этого знака на различные степени необходимо и полезно уже потому, что оно представляет возможность всем,

---

51. Там же. С. 130.

52. Там же.

53. Там же. С. 132.

54. Там же. С. 134.

сообразно различным своим способам, делать различные приношения. Установление одной степени и одной нормальной суммы приношений, уравнивая всех, богатых и бедных, имело бы последствием, что или масса людей благочестивых, но небогатых средствами, была бы лишена возможности участвовать в святом деле, или, наоборот, ограниченность этой суммы отняла бы у Общества возможность иметь значительные приношения людей богатых». Также он отмечал и важный в этой ситуации психологический эффект: «Во всяком случае оно произвело бы, с одной стороны, несомненный ущерб Обществу, а с другой, охладило бы самое участие в его действиях, участие для всех равное, тогда как, при различных степенях знака, в каждом невольно будет проявляться стремление к сколь можно более усердному служению Обществу»<sup>55</sup>.

Наместнику удалось отстоять свой вариант, который вышел на финальную стадию обсуждения в начале 1860 г. Отметим, что время для принятия окончательного решения оказалось крайне подходящим. Как раз во второй половине 1859 г. А.И. Барятинский достиг ошеломляющих успехов: сначала в высокогорном дагестанском селении Гуниб был пленен имам Шамиль, а затем на Северо-Западном Кавказе прекратил сопротивление наиб Мухаммед Эмин. Пораженный император наградил князя орденом Св. Андрея Первозванного и возвел в чин фельдмаршала. Кредит доверия Александра II к Барятинскому в тот период был практически безграничен, что и позволило наместнику в числе прочих факторов добиться Высочайшего утверждения устава общества и преодолеть сопротивление некоторых влиятельных

---

55. Там же.

столичных чиновников, включая и серьезную оппозицию на заседании Кавказского комитета.

В январе 1860 г. после согласования с Синодом устав поступил на заключительное обсуждение в Кавказский комитет. Об этом заседании сохранилась интересная запись от 28 января в дневнике одного из его членов, великого князя Константина Николаевича: «В 1 час Кавказский комитет в присутствии Саши (Александра II – В.М.) внизу ради Барятинского, который еще от подагры не может ходить. Рассматривали дело об учреждении “Общества восстановления Православия на Кавказе”. Все были против и сильно нападали. Даже Саша объявил себя против ордена. Я один отстаивал проект Барятинского и отстоял его, переменявши только, что вместо ордена будет знак показывающий принадлежность Обществу»<sup>56</sup>.

9 июня 1860 г. устав и знак Общества под покровительством императрицы Марии Александровны получили Высочайшее утверждение<sup>57</sup>, о чем в тот же день был отправлен именной указ наместнику<sup>58</sup>.

\* \* \*

Таким образом, общество было создано и начало свою деятельность на Кавказе летом 1860 г. благодаря инициативе А.И. Барятинского и его огромной активности в этом вопросе при поддержке как императора, так и великого князя Константина Николаевича. Согласно утвержденному уставу, «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» (далее – ОВПХК) под верховным покровительством императрицы Марии Александровны учреж-

56. 1857-1861: Переписка императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича / Сост. Л.Г. Захарова и Л.И. Тютюнник. М. 1994. С. 229.

57. ПСЗ. Собрание 2-е. СПб. 1862. Т. 35 (1860). Отделение 1. № 35897. С. 730-735.

58. Там же. С. 730.

далось в «Тифлисе, как центре главного управления на Кавказе» с целью «восстановления православного христианства в кавказских племенах». Высшее руководство принадлежало «Наместнику Кавказскому, в качестве его Председателя», тогда как «все распорядительные действия» – «Совету Общества, под председательством экзарха Грузии, в качестве Вице-Председателя»<sup>59</sup>.

Отметим, что к окончанию Кавказкой войны Общество было создано и уже всю работало. Первые серьезные результаты работы ОВПХК стали заметны в период управления Кавказом великого князя Михаила Николаевича, который в декабре 1862 г. заменил князя А.И. Барятинского на посту наместника.

---

59. Там же.

*Крючков И.В. (Ставрополь)*

## **ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕРПИМОСТЬ В СЕВЕРО- КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Создание Северо-Кавказского федерального округа поставило на повестку дня необходимость создания в регионе ведущего образовательного учреждения в виде федерального университета. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18 июля 2011 г. и распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 г. в г. Ставрополе и г. Пятигорске на основе объединения Северо-Кавказского государственного технического университета, Ставропольского государственного университета и Пятигорского государственного гуманитарно-технического университета создается Северо-Кавказский федеральный университет. Общая численность его студентов достигает 25 тыс. чел., а преподавателей – более 2,2 тыс. чел. Около 87% студентов университета является уроженцами субъектов СКФО. Среди студентов СКФУ доминируют выходцы из Ставропольского края (70%), представляя всю его многонациональную палитру.

В 2014 году в университет поступило 6095 человек из 45 субъектов Российской Федерации, представ-

ляющие 117 национальностей и народностей. Следовательно, гармонизация взаимоотношений между представителями различных народов является ключевой задачей развития Северо-Кавказского федерального университета.

Кроме этого, при создании СКФУ одна из стратегических задач Программы развития университета была определена в виде подготовки «...выпускников, идентифицирующих себя как граждан Российской Федерации, патриотов, с высоким уровнем общекультурной компетентности и правового сознания».

Следует подчеркнуть, что руководству университета приходится действовать не в простых условиях. На территории Ставропольского края на протяжении последних лет нередкими являются столкновения на национальной почве. Молодежь традиционно выступает в качестве «ударной силы» в данных конфликтах. Представители студенчества в СКФО стали объектом пристального внимания исламских радикалов. По данным правоохранительных органов, несколько десятков студентов вузов Северного Кавказа оказались в рядах армии ИГ. В то же время более 70% жителей СКФО отмечает, что для них «важно» или «очень важно» быть гражданином России<sup>1</sup>.

Весомое место в реализации поставленных перед университетом задач по развитию гражданско-патриотического воспитания молодежи занимает внедрение в образовательные программы направлений подготовки различных социально значимых компетенций.

Уже несколько лет в университете успешно действует образовательный проект «Формирование российской идентичности и правовой культуры студен-

---

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Портфель идентичностей молодежи юга России // Социологические исследования. 2010. №12. С. 18-27.

ческой молодежи в полиэтничном регионе», ставший важным инструментом выработки у студентов социально значимых компетенций. Наличие вариативной части госстандарта позволило разработать и внедрить в учебный процесс междисциплинарный образовательный модуль, направленный на формирование ряда общекультурных социально-политических компетенций и т.д.

Компетентностный подход ориентирован на формирование у выпускников университета:

- способности и готовности к соблюдению прав и обязанностей гражданина своей страны, к выполнению гражданского долга и проявлению патриотизма, к свободному и ответственному поведению, готовности к совершенствованию и развитию общества на принципах гуманизма, свободы и демократии. На формирование данных качеств у студентов ориентированы дисциплины «История государственных символов России», «Гражданско-патриотическое воспитание», «Правовая культура»;

- готовности уважительно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и культурные различия: «История государственных символов России», «Северный Кавказ в истории России», «Исторический опыт культурного взаимодействия на Северном Кавказе», «Культура межнационального общения», «Этнология Юга России», «Теория и практика совершенствования межнациональных отношений на Северном Кавказе»;

- способности и готовности понимать нравственные обязанности человека по отношению к природе, обществу, людям, самому себе: «Основы православной культуры», «Ислам на Кавказе»;

- способности к сотрудничеству и разрешению конфликтов и т. д.: «Конфликтология», «Региональные конфликты и проблемы безопасности на Северном Кавказе», «Геополитические аспекты региональной безопасности», «Политический экстремизм в современном мире», «Национальная безопасность России в условиях глобализации».

Кроме этого социально значимые компетенции реализуются при изучении гуманитарных дисциплин, в том числе философии, истории, культурологии, социологии, политологии, экономики, психологии, информационной безопасности, экологии, права, педагогики и др.

В учебный процесс, нацеленный на воспитание российской гражданской идентичности и патриотизма, повышение культуры межнационального, межконфессионального взаимодействия и правовой культуры, в настоящий момент вовлечено 62,7 % студентов СКФУ (для студентов очной формы обучения направлений подготовки бакалавриата и магистратуры доля составляет 100%).

Значительную работу в этом направлении проводит Отдел гражданско-правового и патриотического воспитания, состоящий из трех Центров – патриотического воспитания, межэтнического взаимодействия, правового воспитания.

28 февраля 2014 года по инициативе руководства университета и студенческого сообщества принимается «Этический кодекс студентов СКФУ», ставший основным правовым документом студентов СКФУ, закрепивший светский характер образования в университете и уважительное отношение к представителям всех народов.

Центр межэтнического взаимодействия провел ряд мероприятий, ориентированных на развитие меж-

культурного диалога в студенческой среде и формирование общероссийской гражданской идентичности и патриотизма, в том числе научно-образовательный, культурно-просветительский фестиваль «Мир Кавказу» (июнь-ноябрь 2014 г.), включавший в себя автотпробег по 11 субъектам трёх федеральных округов юга России (совместно с Южным федеральным университетом) и Молодёжный фестиваль культур народов Ставрополя «Дом дружбы», при поддержке Комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества. Данные мероприятия получили широкое освещение в СМИ. Следует подчеркнуть, что университет уделяет большое внимание работе со СМИ, ориентируясь, в том числе, на запросы студенческого сообщества, потенциальных абитуриентов и общественности в целом. С помощью СМИ и других инструментов коммуникации университетом проводится работа по укреплению позиций СКФУ как лидера в реализации молодежной политики, студенческого самоуправления на уровне региона и страны, развитию корпоративной культуры и положительного имиджа университета.

Для развития у студентов общекультурных компетенций в 2014 году почти 3000 студентам университета предоставляется возможность бесплатного посещения культурно-эстетических центров города Ставрополя, Ставропольского края, других субъектов СКФО.

В СКФУ функционирует 3 научные школы и 12 научных направлений, исследующих конфликты цивилизаций и идентичностей в современном мире; региональную конфликтологию, блоковые и парадигмальные конфликты на Юге России; проблемы гармонизации межнациональных отношений в по-

ликультурном социуме; теорию и практику гражданского и патриотического воспитания.

Изучением проблем этнической, конфессиональной, гражданской, цивилизационной идентичностей и их соотношения в «портфеле идентичностей» современного жителя России успешно занимается научная школа «Этнические проблемы современности» (руководитель доктор философских наук, профессор В.А. Авксентьев), она функционирует на базе Северо-Кавказского федерального университета и Южного научного центра РАН.

Коллективом школы в 2013-2014 гг. были реализованы два проекта по проблемам цивилизационной идентичности:

- Формирование цивилизационной идентичности как стратегия преодоления межэтнических и межконфессиональных противоречий в современной России. Грант РГНФ № 13-03-00323а (руководитель доктор философских наук, доцент Б.В. Аксюмов);

- Особенности формирования российской цивилизационной идентичности в Северо-Кавказском регионе. Грант Президента Российской Федерации № МК-3338.2013.6 (руководитель кандидат философских наук, доцент Л.Н. Вшивцева).

В 2015 г. Грант Президента Российской Федерации МД-7429.2015.6 «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе» получил доктор философских наук, доцент М.В. Попов.

Большая работа по формированию у студентов российской идентичности и религиозной толерантности проводится кафедрой социальной философии и этнологии во главе с доктором философских наук, профессором С.Ю.Ивановой, кафедрой истории России во главе с доктором исторических наук, про-

фессором М.Е.Колесниковой, кафедрой археологии и всеобщей истории во главе с доктором исторических наук, профессором И.В.Крючковым. В целом факультет истории, философии и искусств СКФУ играет огромную роль в формировании у студентов социально значимых компетенций. Кроме внедрения в учебный процесс соответствующих дисциплин и курсов по выбору, факультет провел несколько знаковых научных мероприятий, в том числе посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, 200-летию Дома Романовых, 100-летию начала Первой мировой войны и т.д. Во всех данных мероприятиях активное участие принимали, помимо студентов факультета, студенты других институтов СКФУ, вузов г. Ставрополя.

Важным элементом научно-образовательной инфраструктуры университета являются его музеи: музей истории Северо-Кавказского федерального университета, археологический музей, виртуальный музей компьютерной лингводидактики, музей истории ставропольской журналистики, музей истории книги, музей региональной литературы и литературного краеведения. Все музеи включены в Единую музейную информационную систему с дистанционным доступом к тематическим экспозициям. Музеи университета выполняют информационно-образовательную функцию при формировании социально значимых компетенций. В будущем руководство университета планирует создание музея «История и культура народов Северного Кавказа», который станет площадкой для развития межкультурного диалога и российской гражданской идентичности. Ежегодно студенты СКФУ организывают сами или принимают участие в мероприятиях гражданско-правовой и патриотической направленности.

Одним из целевых показателей Программы развития СКФУ является доля студентов вовлеченных в мероприятия в области этнокультурных отношений и правовой культуры в общей численности студентов университета. Ежегодно этот показатель перевыполняется за счет привлечения студентов в деятельность 40 студенческих объединений СКФУ, Центра правового воспитания, Центра патриотического воспитания, Совета обучающихся, Этносовета, Центра добровольческих инициатив, Центра студенческого самоуправления, Центра молодежного проектирования и инноваций.

Приоритетным направлением работы с молодежью также является добровольческое движение. При поддержке Центра волонтерских (добровольческих) инициатив в университете действуют 6 добровольческих отрядов. Общее количество вовлеченных в волонтерскую работу обучающихся превышает 1000 человек.

Волонтеры СКФУ были задействованы на Зимних Олимпийских и Паралимпийских играх в Сочи (52 чел.), Международных спортивных соревнованиях ГРАН-ПРИ России Formula-1, Всероссийской экологической акции «Зеленые команды Hellenic» и др.

В 2014 году во Всероссийском молодежном форуме «Селигер-2014» приняло участие 32 студента СКФУ, а в Северо-Кавказском молодежном форуме «Машук-2014» 140 студентов университета, из них 42 человека стали победителями в различных номинациях. В 2015 году СКФУ получил право на проведение образовательной и культурной программ форума «Машук-2015», нацеленных на содействие государственной политике в вопросах укрепления

гражданского единства, формирования гражданской и цивилизационной идентичности молодежи.

Важное место в университете при работе со студентами из субъектов Северо-Кавказского федерального округа занимает привлечение представителей органов государственной власти для организации встреч с обучающимися. Наиболее активную работу в этом плане проводят высшие должностные лица Дагестана и Ингушетии. 23 марта 2015 г. состоялся визит в университет президента Дагестана Р.Г. Абдулатипова. Он провел встречу со студентами и аспирантами, уроженцами Дагестана, обучающимися в СКФУ. Р.Г. Абдулатипов во время встречи подчеркнул важность развития национальных культур, и особую роль русского языка в этом процессе. Во время визита президента Дагестана был подписан договор о сотрудничестве между Республикой и университетом. Такие договора СКФУ имеет с Северной Осетией, Кабардино-Балкарией, Ингушетией, Карачаево-Черкесией.

Гармонизация межнациональных отношений невозможна без налаживания сотрудничества университета с национально-культурными организациями г. Ставрополя и Ставропольского края. СКФУ постоянно привлекает национальные общины к разрешению конфликтов, возникающих в студенческой среде. Однако на этом взаимодействие с общинами не заканчивается. Совместно с ними университет постоянно проводит культурно-познавательные мероприятия.

В 2013-2014 гг. СКФУ выступил в качестве одного из организаторов I и II Ставропольского форума Всемирного Русского народного собора, в работе которого принимали участие представители научного сообщества, известные политики, общественные

деятели, духовные лидеры основных религиозных конфессий Северного Кавказа. На форумах активно обсуждались проблемы укрепления государственности и патриотизма в регионе, выстраивания уважительного отношения к иным культурам и религиям. Дискуссионные площадки форума стали хорошей основой для развития знаний студентов СКФУ об истории и культуре народов Северного Кавказа.

Усилия университета по развитию гражданско-патриотического воспитания в целом дают свои положительные результаты. За последние годы резко сократилось количество конфликтов в студенческой среде, включая такую «зону риска» как общежития. Вырос интерес студентов к истории России, истории и культуры народов Северного Кавказа. Более того, СКФУ становится центром развития российской гражданской идентичности в других образовательных учреждениях Ставропольского края и субъектов СКФО.

## **СИНТЕЗ ЭТНОКУЛЬТУР В ИСТОРИИ ЮЖНОГО РОССИЙСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ В XVII ВЕКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВЩИНЫ)**

Современная культурно-историческая ситуация в стране, как и проблемы возрождения, сохранения и развития отечественной культуры, неразрывно связаны с необходимостью удовлетворения этнокультурных запросов и потребностей представителей всех без исключения этносов в условиях единого общероссийского культурного пространства. Национальные, культурные, духовные истоки современного человека того или иного региона страны необходимо искать в истории освоения края, в этнических особенностях, наложивших отпечаток на формирование его населения. Изучение истории взаимовлияния и взаимодействия этнокультур дает нам уникальную возможность, продвигаясь от частной региональной истории, проследить процесс формирования современного единого культурно-духовного базиса России.

В период, когда Россия встает перед вызовом со стороны наших идеологических оппонентов, псевдонаучная риторика которых направлена, прежде всего, на раскол единства многонационального российского общества, деятельность ученых-историков, краеведов, этнографов, культурологов, литераторов, представителей СМИ должна быть сосредоточена

на поиске, всестороннем изучении и доведении до россиян фактологического материала, подтверждающего обусловленность, закономерность, и, как следствие, историческую неизбежность и жизненную необходимость такого единства. С одной стороны, российским исследователям необходимо больше внимания уделять поиску фактов, которые объединяют людей различных национальностей в нашей стране, а не муссировать трагические эпизоды, которых не удалось избежать народам России на общем историческом пути. С другой стороны, изучаемые страницы истории уже сами по себе дают ответы на многие современные проблемы, демонстрируя, в частности, примеры мирного «уживания» на одной территории (или в близком соседстве) людей различных национальностей, различных религиозных конфессий, их взаимовыгодного экономического сотрудничества и не менее выгодного и значимого взаимного культурного обогащения.

Очень часто в нашем историческом прошлом истоки единения российских народов зарождались именно в народной массе, чаще всего не благодаря, а вопреки общегосударственной политике верховной власти. В подтверждении приведем всего два примера: институт «куначества» на Северном Кавказе и совместную жизнь русского населения и поцнинской мордвы-мокши в период освоения Тамбовского края. Да, именно тогда, когда государство проводило активную колонизацию этих земель, а церковь — христианизацию до того времени языческой мордвы, простые люди совместно защищали собственные селения и семьи от набегов ногайцев, азовцев, крымских татар, щедро делились вековым опытом хозяйствования, навыками в ремёслах, взаимно обогащали бытовые и фольклорные традиции двух народов.

О наличии в составе первопоселенцев Тамбовского края помимо русских представителей других национальностей говорят и распространенные здесь фамилии, прямо указывающие на национальную принадлежность их предков: Мордовины (Мордвинцевы), Татариновы, Мещеряковы, Черемисины, Карелины, Черкасовы, Казаковы, Казариновы, Литвиновы, Поляковы.

### **Синтез культур мордовского и русского населения**

Термин «Дикое поле», которым обозначался наш край в XVI-XVII вв., вряд ли точно характеризовал ситуацию с населенностью этих земель. Почти трехсотлетнее иго Орды, а затем и непрекращающиеся набеги крымских, азовских татар, ногайцев обезлюдели эту местность, но полностью остановить здесь жизнь не смогли. В северной и центральной части губернии, в основном в лесах по берегам рек Цна, Ворона, их притокам располагались достаточно многолюдные поселения мордвы-мокши, которых по праву можно считать автохтонами края. В 1623 г. более 60 % населения созданной во второй половине XVI в. Верхоценской волости составляла мордва. О местах их расселения свидетельствуют мордовские названия населенных пунктов Морша (в настоящее время город Моршанск), Алкужи, Алгасово (мокш. «низина»), Ракша (мокш. «зверь»), Калаис, Ломовис, Пичаево (мокш. «пиче» — «сосна», «ава» — «женщина»), Вирятино, Кёрша, Росляй, Панда, Татаново, Пяшкиль, Сампур, Инжавино (от мордовского женского имени «Инжания» — «гостеприимная»). Следует отметить, что со временем мордовские топонимы постепенно подвергались русской фонетической и морфологической адаптации, например, с помощью суффиксов -ино-, -ево-, -инка- и др., как произо-

шло с названиями двух райцентров Тамбовской области Инжавино и Пичаево. Мордовская деревня Тонбовка дала название губернскому, а ныне областному центру. По одной из версий название «Тамбов» происходит от мордовского «Томбакс», что означает «топкий», «болотистый», или «Томбак» – «омут», по другой – означает буквально «на той стороне». И деревня Тонбовка и вновь построенный город-крепость действительно располагались «на той стороне» реки Цна, если смотреть на них с лесных правых берегов, где селилась обычно мордва. Не случайно и наличие на территории Тамбовской области районного центра под названием Мордово.

По мере приближения к степной части края, в направлении на юго-запад, мордовские наименования редеют, а затем и вовсе исчезают. За 400 с лишним лет мордовское население постепенно растворилось среди русского, но влияние его на топонимику края трудно переоценить. Помимо главных городов и отдельных райцентров, мордва дала имя и главной нашей водной артерии – реке Цна (в переводе с мордовского означает «чистая вода»). Следует, однако, отметить существующую версию славянского происхождения её названия от «десница», «десна». За славянское происхождение названия говорит и наличие рек с названием Цна в Брестской области Белоруссии (левый приток Припяти), в Московской области (левый приток Оки), в Тверской области (впадает в озеро Мстино).

Помимо главной водной артерии, гидронимы области широко представлены именно мордовскими названиями: Трегуляй («ляй» – мокш. «река») Нарутамбов (финно-угорский корень «нар/нор/нер» означает «полевой»), Подоскляй, Пишляйка, Шевырляй, Липляй, Орляй и другие реки, речушки, ручьи. Ин-

интересно, с точки зрения происхождения, и название лесного ручья Хомутляй (одноименный поселок и лесничество). Можно предположить, что название произошло от мордовского «хомут» — завернуть, свернуть, а может и от русского названия конской упряжи «хомут», с прибавлением мордовского «ляй» — «река». Примеров такого рода русско-мордовского, русско-татарского, мордовско-татарского языкового смешения, по мнению специалистов, наблюдается немало, особенно в той части Нижегородской, Рязанской, Тамбовской областей и Республики Мордовия, которую принято называть Мещерский край. К ним можно отнести и село в Сосновском районе с русско-мордовским названием Троицкая Вихляйка.

Вышеперечисленные и другие мордовские поселения к периоду активного заселения края в середине XVII в. постепенно становятся селами со смешанным мордовско-русским населением, а с устранением угрозы ногайских набегов и постепенным продвижением границ Московии к югу большинство этих сел были перенесены с лесного правого берега Цны на левый, степной, где крестьяне и служилые люди, из числа русских и мордвы, имели к тому времени значительные возделываемые участки земли. Нынешние потомки жителей таких сел совместного проживания, которые давно считают себя русскими, носят очень распространенные сегодня на Тамбовщине фамилии Вириятины (мокш. «вирь» — «лес»), Пенясовы (мокш. «пине» — «собака»), Саяпины, Шаронины, Ведяпины, Кичатовы (мокш. «кичат» — «радость»), Шендяпины, Кудачкины, Алдашкины и порой не догадываются о том, что у истоков их рода стояли представители поценской мордвы-мокши.

Процесс активного заселения края в 30-е годы XVII в. носил военно-государственный характер.

На очередную оборонительную черту переселялось в основном служилое сословие из детей боярских, стрельцов, казаков, пушкарей. Часть этого сословия совсем недавно принимала активное участие в войнах Смутного времени и больше походила на ватаги казаков-разбойников, которых власть спешила разослать из столицы и центральных областей в порубежные городки-крепости, где они больше всего смогли бы проявить свой воинственный нрав и авантюрный характер. Заниматься хозяйственной деятельностью это сословие не всегда хотело, а порой просто не умело. Именно тогда происходил процесс передачи навыков хозяйствования от мордвы к переселенцам и, прежде всего, в совершенно неведомом служилым людям пчеловодстве, точнее, бортничестве. Прошло всего несколько десятков лет, и Тамбовщина стала одним из важнейших экспортеров меда в столицу и другие регионы страны. А улей и пчелы стали одним из основных символов края, разместившись даже на гербе области.

Интересен факт усвоения русских имен мордовской средой, где они принимали несколько иное звучание: Фёдор — Квёдор, Илья — Илько, Владимир — Олодя, Дарья — Дарё и другие. Происходил в некотором роде и обратный процесс, когда в русском бытовом языке славянские имена начинали звучать по-мордовски. Ещё совсем недавно в тамбовских деревнях проживали пожилые женщины с именами Палага (Пелагея), Окся (Аксинья), Куля (Акулина), Лёкся (Александра) и другими, «вернувшимися» из бытовой речи мордвы.

Взаимообмен был и в других сферах. Тамбовскими археологами отмечается, что к XVII в. производство керамической посуды у поценской мордвы находилось на более низком уровне, чем у русских пересе-

ленцев. Существовал ручной лепной способ производства, костровый обжиг посуды, как правило, со скудной орнаментацией, которая ограничивалась поперечной насечкой по венчику изделия. Именно с приходом русских в здешних краях появились гончарные круги и горновый обжиг посуды. К периоду массового заселения края у обеих этнических групп населения было достаточно развито железоплавильное производство из болотных руд и кузнечное дело. Взаимный обмен происходил лишь в сфере поиска наиболее эффективных приемов и навыков.

Свидетельством взаимовлияния в обрядовой сфере могут служить сохранившиеся до настоящего времени некоторые особенности погребального обряда, в частности, использование при погребении дубовых плашек, укладываемых поверх гроба. Обычай сохранен в отдельных некогда русско-мордовских селениях: Кёрш Борки и Алкуж Борки Моршанского района и др.

Одежда — это составная часть материальной и духовной культуры, её изучение позволяет определить исходные формы и наслоения в культуре различных этнических групп. В период заселения края достаточно активно происходило взаимовлияние в области верхней женской одежды. Этнографы подчеркивают, что именно из мордовской культуры перекочевали на традиционный костюм тамбовских крестьянок яркая раскраска, использование ярко-красного и оранжевого цветов, огромного количества украшений, дополнительных атрибутов платья и головных уборов. До переселения костюм у русских женщин — крестьянок был темных, или, наоборот, белых оттенков, и яркостью не отличался.

В свою очередь, в национальной одежде мордвы появился новый элемент — передник, который был

свойственен русской одежде, а также относимая этнографами к русскому типу кофта-рубаха, называемая по-мордовски «рукават», от русского слова «рукава».

Служилые люди, позднее выделившееся в сословие однодворцев, селения которых основывались вдоль оборонительных линий, по мнению Г.С. Масловой, не представляли собой этнографического единства, что очень заметно на примерах женского костюма. Один из них, завезенный первопоселенцами из Владимирской, Московской, Тверской губерний, состоял из рубахи с прямыми поликами, сарафана, пояса, кокошника. Другой — представляет собой вариант южно-великорусского типа одежды, сохранившего очень древние черты одежды ещё времен вятичей, а именно поневу, кичкообразные головные уборы и др., которые сближают одежду русского населения с одеждой народов Поволжья и, прежде всего, мордовской. И, наконец, третий тип, отличием которого служили рубаха с отложным воротником и юбка — «андарака», имеет много общего с одеждой западнославянских областей и Белоруссии.

При анализе историко-социальных проблем рассматриваемого периода необходимо учитывать, что уже тогда русский народ, расселившийся на огромной территории Европы и Азии, в этническом отношении не был единообразным. Достаточно сравнить архангелогородцев с жившими бок о бок с малороссами воронежцами, или с жителями Смоленщины, подвергавшимися постоянному литовско-польскому этновлиянию, или с жителями русско-мордовско-татарского региона, так называемого Мещерского края. По языку, культуре, хозяйственно-бытовым особенностям это уже достаточно оформившиеся культурно-исторические группы русского народа.

### **О культурном взаимовлиянии с донским казачеством**

До сих пор не прекращаются споры о времени зарождения донского казачества, о границах его расселения и о том, «что же это за народ». Субэтнос или «воинское сословие»? Говоря о границах земель донских казаков, отдельные ученые утверждают, что город Урюпинск в XV-XVI вв. — это «пограничная крепость Рязанского княжества», другие говорят о том, что границы казачьих земель шли чуть ли не по Белгородской оборонительной черте, построенной в середине XVII в. и «...проходили через Керенск, Шацк, Тамбов, Нижний Ломов к Волге...». При этом каждая из групп ученых ссылается на имеющиеся в её распоряжении архивные источники.

С легкой руки Н.М. Карамзина и его продолжателей, Дон с незапамятных времен «был впусе» и начал заселяться только после Смутного времени беглыми холопами из Московии. На наш взгляд, эта теория не выдерживает никакой критики. И, в первую очередь, с точки зрения невозможности за 2-3 десятка лет заселить и освоить бассейны Дона, Донца, Хопра, Медведицы, т.е. регион, по площади равный крупному европейскому государству, как и невозможности создания «беглыми людишками», вчерашними крестьянами, высокоорганизованной армии, противостоящей, и достаточно успешно, объединенным силам ногаев, калмыков, Крымского ханства и самой Блистательной Порты. Армии, способной совершать дальние морские походы, с использованием последних достижений воинской науки и техники брать города и длительное время удерживать их.

Что же касается спора о субэтноте или «воинском сословии», достаточно напомнить, что ещё во време-

на Николая I казаки официально считались «одним из четырех славянских народов Российской Империи». И только в 1864 г. в России было законодательно закреплено понятие «военно-служилое сословие». Оставим эти споры, как предмет не нашего исследования. Приведем лишь выдержки из документов периода освоения Тамбовщины, которые свидетельствуют о наличии многочисленных контактов донских казаков с первопоселенцами Тамбовского края, а нередко и об их самостоятельном участии в процессе этого освоения.

Заметное влияние на освоение и заселение Тамбовского края оказал Николо-Черниевский монастырь, что располагался в 12 верстах от городка крепости Шацка, ставший не только местом паломничества для донских казаков, но и пристанищем многих состарившихся воинов с Дона и Хопра, которые задолго до этого жертвовали монастырю часть военной добычи. Вот что говорил в своем докладе в 1886 г. председатель ТУАК И.И. Дубасов: «...в это время монастырские владения распространялись по рекам Цне, Вороне Челновой, Хопру... Замечательно, что в хлопотах и привилегиях Черниевской пустыни самое деятельное участие принимали донские атаманы, так, что монастырь был как бы казачьей колонией, и что монастырские «старожильцы» все были из казаков...».

Ещё до массового заселения края сюда шли царские указы: «...от царя и великого князя в Шацкий уезд и на пустошь, и на дикое поле за Цною рекою, за большим лесом, на казачью дорогу и на казачьи станы...». Это свидетельствует о наличии в тот период на землях, позднее вошедших территориально в Тамбовскую губернию, казачьих поселений. Чуть позднее, в 1637 г., козловские воеводы Спешнев и Бир-

кин в своей челобитной царю обвиняли основателя Тамбова воеводу Боборыкина в неправильном выборе места для строительства крепости: «...а и город он Роман поставил на Цне реке на казачьих проходах, а не на татарских перелазах и сакмах, чтобы донским казакам водным и сухим путем с Дону и Хопра выезд был на Тонбов...».

В период восстания С. Разина, когда Тамбов был осажден восставшими служилыми людьми Тамбовской округи, его тогдашний воевода Пашков жаловался царю на подчиненных ему полковых казаков: «...на тамбовцев в нынешнее смутное время надеяться не на кого, потому что у них на Дону братья, племянники и дети, а иные у Стеньки Разина...».

Приведенные документы лишь ещё раз подчеркивают тесные связи донских казаков с первопоселенцами Тамбовщины. Отдельные группы казаков непосредственно приходили с Дона, заключали договора с местными воеводами о несении службы, прежде всего, сторожевой, как наиболее опасной и требующей специальных воинских навыков. Здесь они верстались землей и за свою службу получали царское денежное жалованье и «огненные припасы». Некоторые ныне существующие поселения основаны непосредственно донцами, как, например, село Кузьмина Гать, находящееся на левом фланге построенной Тамбовской части так называемого «Татарского вала». До нас дошли многочисленные челобитные об отдельных представителях донского казачества, пришедших на службу в Тамбов, об их боевых заслугах и просьбе верстать землей и жалованьем наряду с другими городовыми казаками городов Тамбова и Козлова.

Совсем не случайно, что в непосредственной близости от порубежных городов образовались и до сего

дня существуют поселения, названия которых говорят сами за себя: Полковое, Донское, Покровская казачья слобода и многие другие. А Покровская церковь в городе Тамбове до сего дня считается казачьей церковью. И это характерно не только для Тамбова, но и для других городов-крепостей русского порубежья того периода — Ельца, Шацка, Ряжска и большинства других. Многие донские казаки, нанимаясь на службу, наряду с другими служилыми людьми были отнесены к «беломестцам», т.е. верстались «обельной» или «обеленной» землей, не подлежащей никакому налоговому обложению и повинностям, кроме воинской службы. И до сих пор отдельные села помимо своего названия имеют дополнение «Беломестная слобода», «Беломестная Двойня», «Беломестная Криуша».

Что же касается антропонимов, а именно этимологии распространенных в Тамбовской области фамилий, то отметим, что происхождение немалого их числа имеет прозвищный характер. А это, в свою очередь, характерно для фамилий донских казаков, равно как и для служилого сословия порубежных городов тогдашнего российского государства. В отличие от первопоселенцев из числа тягловых крестьян, завозимых на эти земли помещиками из центральных российских губерний, отдельные из которых не имели фамилий порою до самой отмены крепостного права. Поэтому распространенные на Тамбовщине фамилии Шелудяковы, Смагины, Каревы, Усковы, Курносовы, Скоковы, Гагулины, Загузовы, Тепляковы, равно как и Есауловы, Урюпины (этимология двух последних не «прозвищная», а свидетельствует о занимаемой должности или о месте проживания предка) и многие другие «завезены», на наш взгляд, с Дона. «Донское происхождение», возможно, имеет и известная на Тамбовщине фамилия Токмаков

(тюркск. «токмак» – «колотушка»). Такую фамилию, по некоторым данным, носил завоеватель Сибири Ермак – Ермолай Тимофеевич Токмак (Токмаков).

Большинство из приведенных фамилий – фамилии известных на Дону атаманов, участников войн и восстаний, распространенных там старинных казачьих родов. Наше предположение о такого рода «экспорте» с Дона во вновь осваиваемую 400 лет назад Тамбовскую землю отчасти подтверждает и сравнительный анализ фамилий тамбовчан с фамилиями жителей отдельных станиц и хуторов Верхне-Донского округа Всевеликого Войска Донского. В частности, и там, и в нашей области распространены фамилии Пашутины, Пешковы, Минаевы, Подольские, Прокудины и др. Следует только учесть, что границы проникновения донцов в процессе освоения этого края были ограничены южными районами нынешней Тамбовской области и оборонительной чертой – Белгородской линией укреплений, где и было сконцентрировано основное служилое население.

Документы второй половины XVII – начала XVIII вв. свидетельствуют о казачьей системе службы, выборности органов власти, а также воинских начальных людей, мирском судопроизводстве, способе общинного землепользования, периодичности и способах пересмотра наделов в общественном земельном клине. Характерно, что вплоть до 20-х годов XX в., уже при Советской власти, население отдельных сел, имевших «донские корни», при решении каких-либо организационных вопросов делилось на сотни. Причем не по численному, а чаще всего или по территориальному признаку, или по преобладающей в этой части села фамилии («Береговая сотня», «Старинская сотня», «Муравлевская сотня», «Колодинская сотня» и др. в селе Лысье Горы Тамбовского

района). Так, в частности, определялись группы домохозяев при налогообложении, при назначении государственных и общественных повинностей.

О культурном влиянии донского казачества на часть населения вновь заселяемых земель может отчасти свидетельствовать сравнительный анализ двух этнолингвистических исследований, в частности, изданного в 1900 г. труда В.Ф. Соловьева «Особенности говора донских казаков» и работы группы тамбовских лингвистов под руководством В.Г. Руделева, опубликованной в 1985 г. — «Опыт исследования южнорусских говоров Тамбовского края». Некоторые архаизмы и диалектизмы абсолютно идентичны. Например, глаголы: «аскаляться», «ашеряться» (улыбаться, насмехаться), «пестаться» (нянчиться), «очунеть» (прийти в себя, выздороветь), «кричать» (плакать, рыдать), «клетететь» (замерзнуть, окоченеть), «карябать» (царапать); существительные: «карга» (ворона, вредная старуха), «шилыжина» (гибкая лозинковая ветка, обычно для наказания), «анчутка» (бесенок), «калгата» и как производное от этого глагол «калгатиться» (хлопотливая суета, беспокоиться), «корец» (черпак), «кутёнок» (щенок), «окавалок» (кусок, ломоть), «обыдёнки» (в один день, одним днем).

Фонетические особенности речи казаков, в частности аканье, т.е. замена безударного «о» на «а» (галова, карова, калодец); иканье (ни знаю, ни буду, глидеть) являются до сегодняшнего дня особенностью речи жителей селений, расположенных на бывшей оборонительной черте. Одинаковы диалектизмы, такие как «надьсь» (недавно, третьего дня), «дражнить» (дразнить). Отдельные диалектизмы имеют хождение среди современных жителей данных регионов, однако на Тамбовщине они со временем приняли несколько иное смысловое значение, к примеру, на Дону «бу-

нет» означает громко плакать, на Тамбовщине тот же глагол означает громко стучать, колотить в дверь, «гондобить» — у казаков это сколачивать капитал, у тамбовчан — сколачивать какую-то поделку.

Схожие морфологические особенности речи населения двух регионов — отсутствие у некоторых существительных среднего рода и замена его на женский — «кому какая счастья», «у няго сердца добрая».

Имело место и привнесение новых черт в обустройство жилья, быт, повседневную жизнь вновь заселяемого люда. Так, в безлесные или остронуждающиеся в лесоматериалах южные районы губернии, именно со стороны Дона был завезен метод строительства жилья и хозяйственных построек из самана, необожженного кирпича из глины и рубленой соломы. Само слово «саман» заимствовано у северокавказских народов и означает оставшуюся после мотыбы ломаную солому.

До сего дня в тамбовских селах низкий кувшин с широким горлом для кислого молока называют, как на Дону, «махотка», а не «крынка», как в северных и центральных областях, а полевую пшеничную кашу, приправленную салом по-донскому, называют «кандёр». Также чаще в этих селах песни не «поют», а «играют».

В XIX в. на Тамбовщине, как, впрочем, и в других некогда порубежных губерниях России, имел распространение особый фасон верхней одежды «казакин». Покрой его говорил о том, что он абсолютно идентичен казачьему «чекменю», узкому в талии, с застежками на крючках, с правой полой поверх левой. Название последнего показывает, что тот, в свою очередь, был «позаимствован» казаками у тюркских народов.

Ещё одним заимствованием является «бешмет», стеганый полукафтан, который считается «прароди-

телем» всем известного ватника. Определить время проникновения его в казачью среду затруднительно, однако известно, что уже в 1769 г. суконный полукафтан под названием «бешмет» был введен в число предметов форменной одежды некоторых донских полков. На Тамбовщине он сохранился в виде женской и мужской распашной одежды, верх которой сшит из черного сатина, на подкладке, стёганой на вате, с небольшим стоячим воротником, правая пола заходит за левую и застегивается на крючок на талии. Чаще всего он служил женской одеждой для межсезонья. Этнографы затрудняются однозначно сказать, как он назывался на Тамбовщине, но в селениях Оренбургской области и Алтайского края, основанных в первой половине XIX в. переселенцами из Тамбовской губернии, он имел даже большее распространение и назывался именно «бешмет».

Рассматривая народный русский костюм, этнографы подчеркивают, что его своеобразие на протяжении веков усиливалось благодаря взаимодействию различных этнических культур.

### **«Татарский след» в тамбовском ономастиконе**

Рассматривая топонимику края нельзя не заметить множество названий, прежде всего рек, имеющих тюркское происхождение. Это реки Эртиль, Битюг («верблюд»), Кариан, Карай, Балыклей, Кашма, Челновая («чол» по-татарски «степь», «пустыня», именно через «о» в ранних документах писалось название этой реки и возникших позднее на её берегах трех сел). Названия отдельных населенных пунктов также имеют тюркское происхождение — Сабурово, Торбеево, Рамза (название села и самого крупного в Тамбовской области озера), Тенешовка, Чекмари, Карай-Пушино, Кариан-Строганово и другие.

Два последних поселения — наглядный пример исторического языкового смешения русского топонима и топонима-тюркизма.

Ранее на территории губернии существовало несколько населенных пунктов с преимущественно татарским населением. Только в бывшем Темниковском уезде Тамбовской губернии (ныне район в Республике Мордовия) таких поселений было 15. Из ныне сохранившихся интересно село Татарщина Рассказовского района, основанное мелкопоместными князьями и мурзами из служивших России алаторских, арзамасских и касимовских татар. Впрочем, наличие древнего кладбища у этого села, точнее, надписи на плитах могут свидетельствовать о том, что основано это село не в XVIII веке, а гораздо раньше, возможно, ещё в середине XVII века.

В конце XVIII века темниковскими служилыми татарами было основано второе из сохранившихся на сегодняшний день татарских сел — Энгуразово Уваровского района. Его жители-татары до сего дня сохранили язык, национальную культуру и хозяйственно-бытовой уклад жизни своих предков.

О болгаро-казанском и татарском происхождении многих русских фамилий известно давно (достаточно обратиться к работе А.Х. Халикова, который приводит 500 фамилий). Мы остановимся лишь на отдельных из них, наиболее известных на Тамбовщине. Татарского происхождения были князья Ромодановские, один из которых, Иван Иванович, возглавил строительство в 1647 г. Тамбовского вала, той части Белгородской черты от Лысых Гор до Кузьминой Гати в 35 верст, который в народе называли «Татарским валом». Из казанской среды вышли предки известного русского композитора Сергея Васильевича Рахманинова, имевшего самое непосредственное отношение

к Тамбовской губернии, и многих его родственников, владевших поместьями на Тамбовщине. Выдающийся биолог XX столетия И.В. Мичурин, выходец из мелкопоместных дворян Рязанской и Тамбовской губернии, также имеет тюркские корни. По мнению Н.А. Баскакова, его фамилия происходит от адаптированной тюркской формы Бичурин, Байчурин («Бай чура» — «богатый сын богатыря»). Известны и распространены на Тамбовщине фамилии Алябьевы («Али-бей» — «старший бей», происходят от поступившего на русскую службу в 1500 г. Михаила Олебея), Архаровы (происходят от вышедшего из под Казани и крестившегося в 1556 г. Салтана Архарова), Батурины (происходят от выехавшего в начале XV в. из Орды к рязанскому князю Федору Ольговичу мурзы Батура), Бекетовы (в настоящее время чаще Беркетовы, от тюркского прозвища «Бекет» — «воспитатель ханского сына»), Биркины (фамилия происходит от тюркско-монгольского слова «бирке», «берке» — «крепкий», «могучий»), Кайсаровы, Кобяковы (от тюркского слова «кобьяк» — «собака»), Кулаевы (возможно, от тюркского слова «кул» — «раб», первым из перешедших на русскую службу принято считать казанского князя Кулай мурзу), Курбатовы (от арабского «курбат», т.е. «близкий к богу»), Кучуковы (от тюркского «кучюк» — «младший»), Енгальчевы (от татаро-мишарского князя Яна Глыча, сына кадомского князя Бадиша, пожалованного царской грамотой о выходе в российское служилое сословие в 1539 г.), Суворины (от тюркского «сувор» — «наездник»), Берстeneвы (фамилия от татарского «берсень» — «шиповник») а также Карандеевы, Нарышкины, Мурзины, Мамоновы, Тухачевские, Уваровы, Ушаковы, Беклемишевы, Бахтеяровы, Юмашевы и многие другие.

В подтверждение предположения о татарском воздействии на формирование населения заселяемого в XVII веке Тамбовского края можно сослаться на список служилых татар Алатыря и Алатырского уезда, в котором, наряду с татарскими фамилиями, множество русских, распространенных и поныне на Тамбовщине. Причем у носителей этих фамилий чаще всего имена татарские. Среди них Барышевы, Барышниковы, Дашковы, Исаевы, Канбаровы, Карауловы, Карташовы, Мусины, Худяковы, Шадрины, Чекмаревы. Учитывая, что Алатырь в конце XVI – начале XVII вв. являлся одной из самых восточных крепостей «старой засечной черты», связь его жителей с населением Ряжска, Шацка, Темникова, также входивших в эту оборонительную цепь крепостей, была несомненна. Происходил, видимо, и переход служилых людей от одного воеводы к другому, возможно, было и переселение «по государеву указу», если та или иная крепость с годами утрачивала свое оборонительное значение и граница Московии отодвигалась на юг. Именно этим, вероятно, обусловлено появление среди тамбовского служилого сословия носителей упомянутых фамилий татарского происхождения.

### **О влиянии Малороссии**

Было и ещё одно «влияние» на становление первопоселенцев Тамбовщины – с запада и юго-запада, а именно, со стороны украинцев, называемых ранее черкасами. Известно, что в петровские времена на юге губернии светлейшим князем А.Д. Меншиковым были заселены вывезенными «из черкас» крепостными крестьянами село Ключи и две деревни Царевка и Алабуки, однако в 1713 году села подверглись нашествию «крымцев и кубанцев» и до полу-

тора тысяч полоняников из числа вышеупомянутых крестьян было уведено в полон. А.Д. Меньшикову принадлежали и вновь заселенные села тогдашней Азовской губернии, а позднее Борисоглебского уезда Тамбовской губернии Верхняя и Нижняя Грибановка на реке Савале. Еще ранее, в период строительства «Татарского вала», на Тамбовщину приглашались отдельные отряды служилых черкас, в частности, из расформированного после Смуты «полка Ждана Коньши», попавшие служить, в том числе, и в Шацкую крепость. Вероятнее всего распространенная фамилия Коньшин, вышедшая из беломестных шацких казаков, указывает на принадлежность предков её носителей именно к полку Ждана Коньши (в отличие от не менее распространенных в области «лошадиных» фамилий «Коняхины», «Коневы», «Жеребятъевы»). Отдельные отряды черкас использовались для подавления поддержавших Степана Разина тамбовских повстанцев. И те и другие наделялись землей, в основном в Козловском уезде (ныне Мичуринский район области) Вместе с тем заметного влияния на этническую культуру края, в отличие от отдельных районов Воронежской, Курской и Белгородской областей, они не оказали.

\* \* \*

Этногенетическое взаимодействие, этнокультурное взаимовлияние русских, мордвы, мешеры, татар и донских казаков оказало большое влияние на формирование и развитие традиционной культуры Тамбовского края. В ней наиболее наглядно проявились сложные процессы политической и социально-экономической истории предков тех, кто ныне населяет Тамбовскую область.

**Использованные источники:**

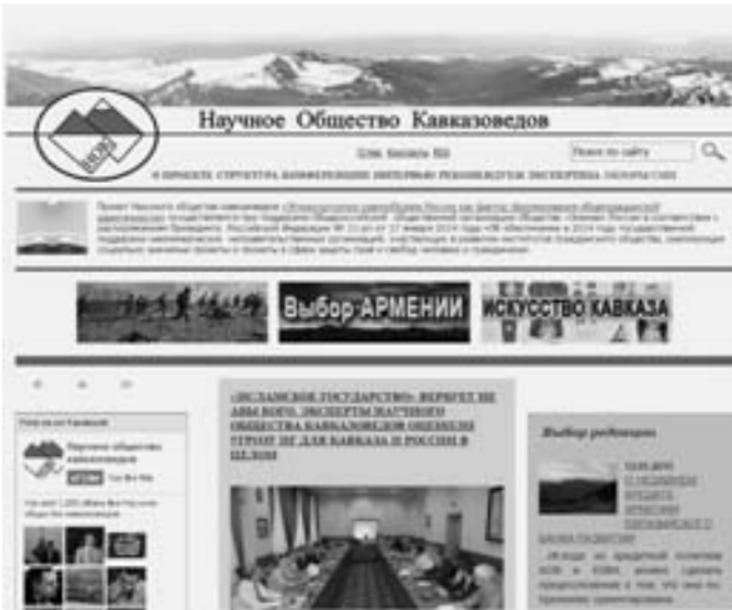
1. Муравьев Н.В. «Из истории возникновения населенных пунктов Тамбовской области», Тамбов, 1988.
2. Муравьев Н.В. «Изначальная история населенных пунктов Тамбовской области», том 2, Тамбов, 1992.
3. Прохоров В.А., «Надпись на карте», Географические названия Центрального Черноземья, Воронеж, 1977.
4. Щербак А.С. «Принципы анализа топонимических изменений России (на материале тамбовских географических объектов)», Тамбов, 2004.
5. Щербак А.С. «Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области», ТГУ им. Г.Р.Державина, Тамбов, 2006.
6. Щербак А.С. «Словарь тамбовских говоров: мир природы», ТГУ им. Г.Р.Державина, Тамбов, 2010.
7. Жигулева В.М. «Русская традиционная культура конца 19 – начала 20 вв. (по материалам крестьянской одежды Пензенской и Тамбовской губерний)», Пенза, 2005.
8. Силин Д.В. «Мещерское княжество: особенности общественно-политического устройства». ТГУ им.Державина, Тамбов, 2012.
9. Казачий словарь-справочник, т.1-3, изд. Скрылов А.И., Губарев Г.В., Кливленд, Огайо, США, 1966.
10. Соловьев В.Ф. «Особенности говора донских казаков», Санкт-Петербург, 1900.
11. Мирошникова Л.И. «Репрезентация своеобразия речи донского казачества в лингвистических работах», Южный Федеральный Университет, 2014.
12. «Опыт исследования южнорусских говоров Тамбовского края», под ред. проф. Руделева В.Г., Тамбов, 1985.

13. «Татары Тамбовской губернии по данным 1893г.», (мат-лы timer-bek/livejournal/cov/3125/html)
14. Халиков А.Х. «500 русских фамилий болгаро-казанского и татарского происхождения»
15. Центральный архив Нижегородской области, фонд 1404, оп.1, д.25, «список служилых татар д. Шубино Алатырского уезда».
16. «Древнейшая этнография Тамбовского края». Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края, Тамбов, выпуск 1, 1925.
17. Дубасов И.И. Известия ТУАК, избранное, т.1, Тамбов, 2008.
18. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, выпуск 41, Тамбов, 1897.
19. Григорьева Е.И. «Генезис и эволюция народных промыслов и ремесел» (региональный историко-культурологический аспект), ТГУ им. Г.Р. Державина, Тамбов, 1999.
20. Андреев С.И. «Изменения этнической ситуации на Тамбовщине в эпоху средневековья», ТГУ им. Г.Р.Державина, Тамбов, 2004.
21. Долженкова М.И., Толмачев Ю.А. «Тамбовская художественная культура», учебное пособие, Тамбовский филиал Гос.университета культуры и искусств, Тамбов, 2010.
22. Реки Тамбовской области, каталог, под ред. проф. Дудника Н.И., Тамбов, 1991.
23. Дмитриева Л.И., Голузо И.Г., Голузо Л.В., Щербак А.С., «Фамилии Тамбовской области», словарь-справочник, Тамбов, 1998.
24. Чистякова Е.В., Соловьев В.М., «Степан Разин и его соратники, издательство «Мысль», Москва, 1988.

Арешев А.Г. (Москва)

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САЙТА KAVKAZOVED.INFO В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ

Сайт kavkazoved.info начал свою работу в феврале 2011 года. За прошедшие пять лет Интернет-ресурс Научного общества кавказоведов прочно занял свою нишу среди научных, экспертных, аналитических структур, занимающихся проблематикой Кавказа и сопредельных регионов, приобрёл известность и узнаваемость.



Помимо регулярно проводимых научных конференций, интернет-представительством Общества комплексно и всесторонне освещаются актуальные вопросы современного кавказоведения.

Основные блоки содержащейся на сайте информации:

- эксклюзивные материалы членов НОК и постоянных авторов сайта;
- научные работы и сборники статей, издаваемые Обществом;
- тематические подборки материалов по актуальным проблемам;
- материалы, публикуемые в рамках проекта Научного общества кавказоведов «Этнокультурное разнообразие России как фактор формирования общегражданской идентичности». При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России;
- статьи и монографии участников Общества, включая сведения биобиблиографического характера;
- оперативные аналитические комментарии, связанные с актуальными событиями общественно-политической и социально-экономической жизни государств Кавказского региона;
- фрагменты неизвестных или малоизвестных широкой аудитории научных статей и фрагментов работ, посвященных различным аспектам исторического развития и современного положения государств Кавказа;

- обзоры прессы Армении, Азербайджана и Грузии;
- новостная лента (включая информацию о мероприятиях партнёров);
- видеоматериалы, в том числе представленные на канале Общества на видеохостинге Youtube.

### *Видеоканал в Youtube*

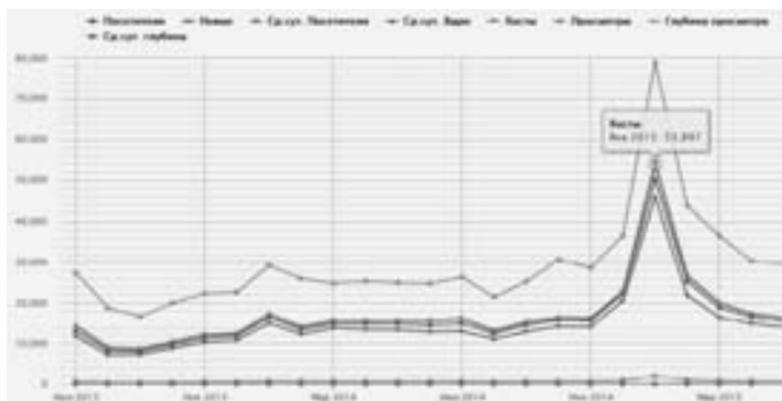


В содержательном плане ежедневно обновляемый Интернет-ресурс имеет комплексный характер, сочетая сугубо академические сюжеты с качественной прикладной аналитикой и прогнозами. Отличительный стиль подачи информации – отсутствие псевдосенсацій, взвешенный подход к освещению самых

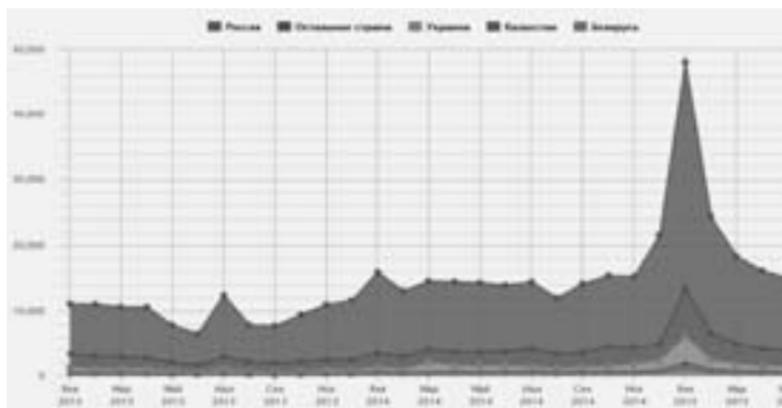
непростых тем, предполагающий наличие прямо противоположных мнений.

Основой позиционирования сайта в поисковых системах является оригинальный контент, т.е. публикации авторов, пишущих на эксклюзивной основе. Силами редакции сайта ссылки на материалы рассылаются целевым образом, распространяются через социальные сети и ссылочные системы.

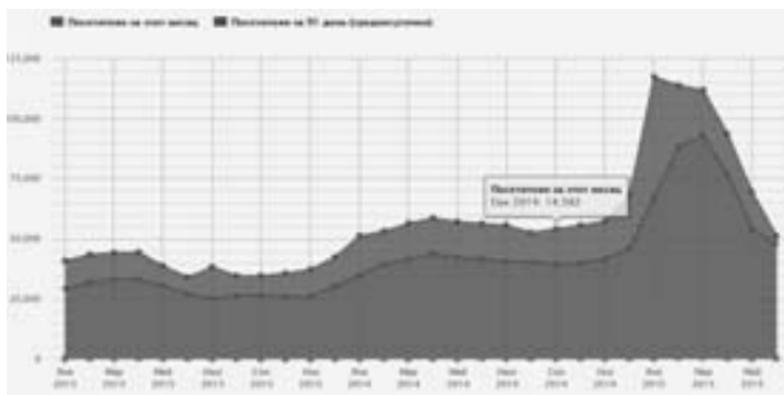
### *Динамика посещений сайта kavkazoved.info в период 2013-2015 гг.*



### *Распределение посетителей по странам*



### Аудитория сайта



Особое значение в последние годы приобрела работа в социальных сетях.

*Страница Научного общества кавказоведов в социальной сети Facebook*



Основные темы нескольких сотен эксклюзивных публикаций в течение 2011-2015 гг. можно сгруппировать по нескольким направлениям:

- черкесская проблематика в контексте проведения Зимних Олимпийских Игр в Сочи;
- ход переговоров и присоединение Армении к Таможенному и Евразийскому экономическому союзу (ТС и ЕАЭС);
- общественно-политическая динамика в странах Южного Кавказа;
- перспективы урегулирования нагорно-карабахского конфликта, развитие ситуации вокруг Абхазии и Южной Осетии, включая динамику взаимоотношений с ними России;
- особенности динамики религиозной ситуации в регионе, в том числе в связи с активизацией деятельности террористической группировки «Исламское государство»;
- связи государств Кавказского региона с Турцией, Ираном, странами Ближнего и Среднего Востока;
- перспективы разблокирования транспортных коммуникаций в регионе;
- изменение уровня жизни населения, вопросы трудовой миграции;
- влияние украинского кризиса на ситуацию на Кавказе;
- перспективы добычи и транспортировки энергетических ресурсов Каспийского шельфа.

В течение пяти лет мы стремились развивать партнёрские и информационные связи со специализированными Интернет-ресурсами и с новостными агентствами России и государств Южного Кавказа, которые в итоге приобрели системный характер. Выделим лишь некоторые: Радио «Спутник», «Голос

России», АрМИНФО, Trend, Голос Ирана, ИА REX, NEWS.am, Грузия сегодня, Еркрамас, NovostiNK.ru, Panorama.am, Tert.am, REGNUM, Кавказский узел, Вестник Кавказа, ИА Analitika.at.ua, PanArmenian.net, Inews.az, ИА Накануне, РИА Новости, Первое армянское интернет ТВ, ИА Апсны-пресс, Эхо Кавказа, Абхазское телевидение (APSUA TV), Информационное агентство EADaily и многие другие.

*Некоторые перепечатки публикаций сайта  
kavkazoved.info на других информационных ресурсах*

## Window on Eurasia - New Series

Monday, April 13, 2015

### Dagestan Now 'Northern Front of Islamic State'

Paul Goble

Stanton, April 13 – Statements by Russian security officials and actions by siloviki including declaring a new counter-terrorism operation against an area of 4500 square kilometers with some 368,000 people show that Dagestan has become "the northern front" of the Islamic State, according to Anton Bredikhin.

In a study on the Kavkazoved portal, the analyst notes that "the authorities and special services are worried that participants [from the North Caucasus] in the illegal armed formations [of ISIS] will again return to Russia and that the terrorist war [there] will continue with new force ([kavkazoved.info/news/2015/04/13/dagestan-severnoy-frent-islamkngo-gosudarstva.html](http://kavkazoved.info/news/2015/04/13/dagestan-severnoy-frent-islamkngo-gosudarstva.html)).

## НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО КАВКАЗОВЕДОВ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Вчера

Понедельник

13-02-2015, 21:00

Facebook

0



В 2015 году Научному обществу кавказоведов НСК исполняется пять лет. Научные конференции являются 12-й по счету конференцией и для нас особенно страшно, что это уже третья конференция, которая проводится нами в тесном сотрудничестве с Северо-Кавказским Федеральным Университетом.

Решение о создании НСК было принято 4 октября 2010 г. на Учредительной конференции в Сузуме, на которой был одобрен проект создания Научного общества кавказоведов (НСК) с целью содействия

взаимному изучению Кавказа в его тесной взаимосвязи с общими процессами развития, проводимой в жизнь, полноте мира и дружбы народов, взаимопонимания, сотрудничества. Местом нахождения Правления Общества была определена Российская Федерация, г. Москва.

6 декабря 2010 г. Министерство юстиции РФ зарегистрировало НСК как общественное, некоммерческое, независимое, добровольное объединение ученых, специализирующееся на изучении Кавказа и приграничных с ним регионов. В 2011 г. в Республике Армения был создан и официально зарегистрирован Армянский филиал общества, создана структура представителей НСК в зарубежных странах и регионах России. Представителем общества в Ставропольском крае является доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой археологии и всеобщей истории, декан факультета истории, философии и искусств СКФУ Игорь Владимирович Кронков. Благодаря его усилиям стало возможным осуществление многих наших совместных проектов и пользоваться случаем я хочу выразить ему глубочайшую благодарность за сотрудничество и поддержку.

## International expert Center for Electoral Systems

© 2014-2015. Все права защищены. 00 00 00 00 00

00 00 00

Судебный путь | Национальный выбор | Новая Россия | Политика Армении | Политология Израиля | Права человека | США | Россия | Украина | Иран | Цивилизационная Азия | Белый Крым

### Конституционная реформа как главная причина политического противостояния в Армении

24 февраля 2015 | Давид Петросян

Публикации

Подписание конституционной реформы в Армении, которое после отказа руководящей партии «Республиканская Армения» (РПА) от проведения 20 февраля национально-ориентированного митинга на площади Свободы в Ереване постепенно пошло на спад, является в целом явлением не только армянского, но той части армянского дисперсного сообщества, которое охватывает ситуацию в регионе Южного Кавказа. Однако, отказ от проведения митинга со стороны РПА, который был не покаянием, а скорее согласием с ее партнерами – партией Армянский национальный конгресс (АНК), пока не снимает с повестки вопроса реализацию своего конституционного проекта армянскими президентами Сержем Саргсяном – конституционной реформы. Последнее предполагает, что система управления страной – от президентско-парламентской республике – должна быть трансформирована в парламентско-президентскую или, как обычно говорят в Армении, – парламентскую республику.

Согласно по данным обстоятельств, что впервые в необходимости проведения конституционной реформы президент С. Саргсян впервые заявил в сентябре 2012 года, сразу же после того как заявил в Москве о том, что он принял решение о конституционной реформе. Последнее предполагает, что система управления страной – БАРС. Дальнейшее изучение традиционных процедур конституции, в котором он шел на выборы как 2008, так и 2013 гг. (оба программы представляли на официальном сайте президента, указывая, что так и необходимости конституционной реформы в них отсутствует).

- 19.06 | Сергей Рязань  
В. Выход из кризиса Армении возможен в будущем
- 18.06 | Александр Цинцоз  
Какие пределы толерантности в существующих системах выборов в США и СНГ?
- 16.06 | Андрей Чибриков  
Политический кризис в Армении в контексте и в свете конституционных реформ
- 16.06 | Александр Цинцоз  
Еврейская диаспора: социологические аспекты
- 12.06 | Юлия Смирнова  
Гендерный дисбаланс восточных регионов Армении и Молдовы
- 12.06 | Валерий Петрович  
Судебный путь: судьям Кавказа будет не так уж и плохо с введением Конституции

Не будет преувеличением сказать, что в освещении некоторых сюжетов, в том числе вызывающих повы-

шенный общественно-политический резонанс (как, например, попытки сорвать Зимнюю Олимпиаду в Сочи путем пристрастного раскручивания сложных исторических сюжетов), наши авторы сыграли свою уникальную роль. За прошедшие три года вокруг нашего Интернет-ресурса сформировался устойчивый и постоянно расширяющийся круг постоянных авторов, пишущих для сайта на эксклюзивной основе и представляющих большинство государств Южного Кавказа, а также многие северокавказские регионы.

С ноября 2014 г. сайт работает в рамках гранта «Этнокультурное разнообразие России как фактор формирования общегражданской идентичности», в соответствии с которым акцент делается на проблематику Северного Кавказа, а также на политические, экономические, культурно-исторические и иные связи населяющих его народов с Россией.

*Атлас декоративно-прикладного искусства  
народов Северного Кавказа, фрагмент*



## Сведения об авторах

**Авидзба Василий Шамониевич** – кандидат филологических наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований (АБИГИ) им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии (Абхазия, Сухум)

**Арешев Андрей Григорьевич** – главный редактор сайта [kavkazoved.info](http://kavkazoved.info), научный сотрудник Центра изучения Кавказа, Центральной Азии и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН

**Арутюнян Вагаршак Варназович** – председатель Партии «Национальное возрождение», министр обороны Армении в 1999-2000 гг. (Армения, Ереван)

**Брод Александр Семенович** – член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, председатель Координационного совета Общероссийской общественной организации «Юристы за права и достойную жизнь человека», член Совета при Президенте РФ по международным отношениям, член Общественного совета Северо-Кавказского федерального округа

**Добаев Игорь Прокопьевич** – доктор философских наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

**Колесникова Марина Евгеньевна** – доктор исторических наук, профессор, заведующая Кафедрой истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь)

**Кочуков Сергей Константинович** — востоковед, писатель, краевед (Тамбовская область)

**Крылов Александр Борисович** — доктор исторических наук, президент Научного общества кавказоведов, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН

**Крючков Игорь Владимирович** — доктор исторических наук, профессор, заведующий Кафедрой археологии и всеобщей истории, декан Факультета истории, философии и искусств Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь)

**Куртов Аждар Аширович** — главный редактор журнала «Проблемы национальной стратегии», Российский институт стратегических исследований

**Мальшева Дина Борисовна** — доктор политических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, зав. сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН

**Муртазин Марат Фахрисламович** — кандидат философских наук, востоковед

**Муханов Вадим Михайлович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

**Навоян Юрий Людвигович** — президент Региональной общественной организации «Русско-Армянское содружество»

**Сафрастян Рубен Арамович** – академик НАН РА, директор Института востоковедения НАН РА (Армения, Ереван)

**Скаков Александр Юрьевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, координатор рабочей группы Центра изучения Кавказа, Центральной Азии и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН

**Собянин Александр Дмитриевич** – руководитель службы стратегического планирования Ассоциации приграничного сотрудничества, член Экспертного совета Центра стратегической конъюнктуры, член Российско-Иранского совета по общественным связям

**Трапш Николай Алексеевич** – кандидат исторических наук, доцент Кафедры исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

**Цинкер Александр Борисович** – директор Института стран Восточной Европы и СНГ, депутат Кнессета XV созыва (Израиль)

**Черноус Виктор Владимирович** – кандидат политических наук, профессор, заведующий Кафедрой конфликтологии и национальной безопасности Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований

**Чуфрин Геннадий Илларионович** – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, член Дирекции Института мировой экономики и международных отношений РАН

**Эркенов Ахмат Чокаевич** – доктор технических наук, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по науке и наукоемким технологиям

**Ярлыкапов Ахмет Аминович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, старший научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России



---

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО КАВКАЗОВЕДОВ

---

# **РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА НА ЮГЕ РОССИИ: АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

**Международная конференция  
Москва, Президент-отель, 8 июня 2015 г.**



Знак информационной продукции согласно  
Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.  
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 16.  
Тираж 300 экз.